

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ**

2 - 1 2

**ДОЛГОСРОЧНЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**МОСКВА
2012**

УДК 322(470+571)
ББК 65,9(2Рос)
Э 40

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, председатель,
Г.В. Семеко – канд. экон. наук, зам. председателя,
В.С. Автономов – чл.-кор. РАН,
Н.И. Иванова – академик РАН,
Е.В. Виноградова – канд. экон. наук

Редактор-составитель выпуска –
канд. геогр. наук *М.А. Положихина*

Э 40 **Экономические и социальные проблемы России:**
Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ.
исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред.,
и др. – М., 2012. – **№ 2: Долгосрочные перспективы**
социально-экономического развития России / Ред.-сост.
вып. Положихина М.А. – 156 с.

Анализируются сценарии долгосрочного социально-экономического развития России, риски и ограничения, связанные с их реализацией. Сценарии рассматриваются с учетом тенденций развития мировой экономики и внутренних факторов роста. Основное внимание уделяется государственной макроэкономической, социально-демографической и инновационной политике.

Для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

The digest examines scenarios of long-term social and economic development of Russia, risks and restrictions of their realization. The scenarios are considered in accordance with tendencies of international economic development and internal factors of growth. The main attention is paid to the macroeconomic, social, demographic and innovative state policy.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
<i>В.И. Шабаета.</i> Современные глобальные тенденции: Экономический климат ухудшается	7
<i>М.А. Положихина.</i> Основные проблемы и риски социально- экономического развития России	24
<i>И.Ю. Жилина.</i> Какая экономическая модель нужна России?	47
<i>Б.Г. Ивановский.</i> Инновации и экономический рост. (Реферативный обзор)	71
<i>Е.В. Пилипенко.</i> Экономика знаний как основа долгосрочной стратегии развития России.....	90
<i>М.А. Положихина.</i> Новые условия отечественного рынка труда.....	100
<i>О.Н. Пряжникова.</i> Пенсионная система России: Формирование и перспективы развития	115
<i>Е.А. Пехтерева.</i> Направления развития национального банковского сектора	134

ВВЕДЕНИЕ

События последних десятилетий наглядно продемонстрировали, насколько неравномерно социально-экономическое развитие отдельных стран и мира в целом. Череды подъемов и спадов, роста и кризисов поставили под вопрос возможность равномерно-стабильного развития и обозначили контуры новой реальности – неустойчивой и рискованной, с возможностью резких изменений макроэкономической динамики. Осознание этого факта оказало отрезвляющее воздействие на представителей общественных наук и на политических деятелей.

Необходимость приспосабливаться к нестабильной среде вызвала «ренессанс» прогностической деятельности. Хотя в начале реформ 1990-х годов в России казалось, что долгосрочное прогнозирование умрет вместе с плановой экономикой. Но выяснилось, что для рыночной экономики долгосрочные прогнозы и основанная на них целенаправленная государственная политика имеют не меньшее значение, чем для экономики плановой.

К настоящему времени уже существует большое количество разнообразных концепций (стратегий и т.д.) долгосрочных перспектив развития России. Однако знакомство с ними показывает, что научная мысль отстает от общественных потребностей как в методологическом плане, так и по глубине понимания действующих закономерностей. Разрабатывать прогнозы развития рыночной экономики оказалось чрезвычайно сложно, так как следует учитывать действие большого количества разнонаправленных и взаимосвязанных факторов. Очевидно, что современный этап требует значительного совершенствования этого вида научной деятельности.

Существующие концепции долгосрочного развития России основываются на различных теоретико-идеологических принципах. Они также представляют широкий спектр мнений относительно решения острых социально-экономических проблем. Россия сейчас

опять стоит на распутье – сможет ли она сделать более удачный выбор, чем в предыдущие периоды истории?

Разнообразие взглядов, с одной стороны, отражает процесс научного поиска. С другой стороны, напоминает ситуацию конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века. Тогда тоже существовало много программ выхода СССР из кризиса. Но ученые не смогли между собой договориться и выработать какой-то общий подход. В результате решения принимались в основном исходя из политических соображений. И это имело массу негативных социально-экономических последствий, влияние которых ощущается до сих пор.

В настоящее время уже общепризнано, что государство своими действиями призвано смягчать «провалы рынка», а также задавать ориентиры и перспективные направления развития бизнеса. Признается необходимость комплексного подхода к проблемам учета не только прямых, но и косвенных последствий тех или иных решений. Соответственно, обоснование долгосрочных ориентиров социально-экономического развития России должно базироваться на определенной, признаваемой большинством теоретической платформе. А для консолидации научных взглядов нужна широкая научная и общественная дискуссия, диалог общества и власти. Но им препятствует недостаточная организация взаимодействия российской власти и ученых, ориентация части отечественного научного сообщества на зарубежные референтные группы, использование административного ресурса в соревновании идей и т.д.

Данный сборник можно рассматривать как попытку заочной научной дискуссии. Не претендуя на выработку конкретных рекомендаций, в нем обсуждаются как официальные, так и альтернативные им точки зрения на долгосрочные перспективы социально-экономического развития России.

Сборник открывается обзором современного состояния и перспектив развития отдельных стран и регионов мира (В.И. Шабаева). Действующие на глобальном уровне тенденции служат «внешним фоном» для России и, безусловно, оказывают влияние на траекторию ее развития.

Следующий раздел посвящен анализу факторов и возможных вариантов социально-экономического развития России (М.А. Положихина). Отдельно более подробно рассматриваются предлагаемые сценарии модернизации экономики страны (И.Ю. Жилина).

В других разделах последовательно представлены наиболее актуальные, с точки зрения авторов, отечественные проблемы и направления их решения, в том числе: переход на инновационный

путь развития (Б.Г. Ивановский) и формирование «общества знания» (Е.В. Пилипенко), изменения на рынке труда (М.А. Положихина) и пенсионная реформа (О.Н. Пряжникова), совершенствование банковского сектора (Е.А. Пехтерева).

Один из основных выводов, к которому приходят авторы, заключается в том, что перспективы развития страны во многом зависят от принимаемых в настоящее время правительственных решений и последующих действий по их реализации. При этом государственными органами предпринимаются попытки опереться на результаты научных исследований, хотя существующие отношения с научными организациями далеки от оптимальных. В связи с этим задача научного сообщества видится в выработке более обоснованных и конкретных предложений по решению социально-экономических проблем России, а также в предоставлении более аргументированных рекомендаций по направлениям ее долгосрочного развития.

В.И. Шабаета

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КЛИМАТ УХУДШАЕТСЯ

Согласно данным Мюнхенского института экономических исследований (Institut für Wirtschaftsforschung – IFO), мировой экономический климат ухудшается. Результаты экономической деятельности в мире в четвертом квартале 2011 г. оказались значительно хуже долгосрочного среднего уровня. Темпы роста упали до минимального за десять лет уровня. Нынешнее экономическое положение почти во всех регионах менее благоприятно, чем в предыдущие периоды. А ожидания на ближайшую перспективу повсюду значительно хуже, чем в предшествующий период и допускают возможность отрицательной экономической динамики. Обостряется кризис в Европе. Даже традиционная надежда на Китай оказывается слабой. Китайская статистика показывает замедление экономического роста [IFO-Konjunkturprognose..., 2011].

Важнейшими факторами ухудшения экономического климата многие считают неадекватные оценки существующих проблем и рисков. Так, эксперты World Economic Survey (WES) впервые назвали «недостаточное доверие к экономической политике правительств» главной проблемой в экономике, более значимой, чем государственные дефициты, безработица, недостаточная конкурентоспособность и инфляция [Nerb G., Plenk J., 2011].

Изменения конъюнктуры в регионах мира

Показатели экономического климата IFO в **европространстве** в четвертом квартале 2011 г. продолжали снижаться и находятся теперь гораздо ниже своего долгосрочного среднего уровня. Как оценка современного положения, так и ожидания на ближайшее

будущее более мрачные по сравнению с третьим кварталом 2011 г. Результаты исследования показывают, что ухудшение конъюнктуры в европространстве будет продолжаться. В качестве важнейшей в настоящее время экономической проблемы для этого региона эксперты называют дефициты госбюджетов. На втором месте – недостаточное доверие к экономической политике своей страны, далее идет безработица.

Но если в целом современное экономическое положение в европространстве значительно ухудшилось, то в *Австрии, Германии и Эстонии* его можно оценить как «хорошее», а в *Финляндии, Люксембурге, Нидерландах и Словакии*, по меньшей мере, как «удовлетворительное». В *Греции, Португалии и Испании* оценка экономического климата по шкале WES самая низкая. Во *Франции, Ирландии и Италии* нынешняя экономическая ситуация рассматривается скорее как слабая.

На ближайшие шесть месяцев экономическая перспектива в европространстве преимущественно отрицательная. Только в *Ирландии* можно рассчитывать на улучшение экономического положения, особенно в области потребительского спроса и экспортного сектора. Похоже, что *Ирландия* – одна из первых стран региона, которая находится на пути выхода из кризиса.

Вместе с тем весьма тревожна ситуация в **Европейском союзе (ЕС)**. Саммит стран «большой восьмерки», завершившийся в Кемп-Дэвиде 20 мая 2012 г., показал в сколь удручающем положении находится экономика. Проблема государственных долгов стран еврозоны существует уже четыре года, а четкого плана выхода из сложившейся ситуации нет. Потраченные на преодоление кризиса суммы, которые были оглашены на саммите, сравнимы с суммами, которые когда-то тратились на «план Маршалла» – план восстановления Европы после страшной войны.

Основная часть средств в сумме 130 млрд. евро, предназначенная на оживление экономики, была уже заложена, но не использована в разных программах ЕС. В 2013 г. запланировано использовать еще 55 млрд. евро из структурного фонда ЕС и 60 млрд. из Европейского инвестиционного банка. Дополнительно выделяется 18 млрд. евро из оборота ЕС [Григорьев Е., с. 8]. Хотя в целом сумма, выделенная на оживление экономики, кажется внушительной, эксперты не ожидают немедленного эффекта от планируемых действий, поскольку они не носят обязательного характера и мотивированы не столько экономическими, сколько политическими интересами.

28 июня 2012 г. в Брюсселе открылось совещание глав государств и правительств 27 стран ЕС. С одной стороны, встреча была плановой, а с другой стороны – чрезвычайной. Основным на повестке дня саммита являлся еврокризис. К саммиту в долговой яме оказались уже шесть из 17 стран еврозоны [там же]. Греция переживает рецессию, безработицу, разорение многих людей. Она просит смягчить требования по экономии и реформам. ЕС, ЕЦБ и МВФ начали контролировать ситуацию в Испании с тем, чтобы сформулировать условия предоставления обещанного стране кредита. Срочной помощи просит Кипр. Для Италии разорительными становятся проценты по ее госзаймам. Критическая ситуация требует срочных действий. Этого требуют и внешние партнеры ЕС, которые опасаются, что обострение еврокризиса подорвет мировую экономику.

Лидеры стран ЕС рассматривали два основных плана: группа руководителей ЕС, еврогруппы и ЕЦБ предложила «Путь к экономическому и валютному союзу». Другой документ, под названием «Европейский пакт роста» или «План Монти», согласованный в Риме на мини-саммите лидеров Италии, Франции, Германии и Испании, предусматривает меры по стимулированию экономики и занятости. Против плана группы руководителей ЕС выступает Германия, поскольку он, по выражению А. Меркель, предусматривает «обобществление долгов», т.е. коллективную ответственность за долги стран-должников, предоставление им совместных займов и пр. По сути это означает еще большее финансирование еврозоны со стороны Германии, и как следствие, угрозу подрыва ее экономики.

А. Меркель заявила в Бундестаге, что Германия не допустит выпуска евробондов, поскольку долговой кризис можно решить только путем структурных реформ, а евробонды являются «экономически неверным инструментом» и «мнимым решением проблемы». Однако предложение о евробондах находит поддержку во многих влиятельных странах ЕС. Новый президент Франции Франсуа Олланд считает евробонды перспективным инструментом, правда рассматривает его в долгосрочном плане. Также речь идет о возможности получения кредитов в европейских стабилизационных фондах и об активной помощи со стороны ЕЦБ с целью сокращения спекуляций на финансовых рынках. Этого хотели бы Италия и Испания. Но в данных вопросах среди ведущих стран ЕС сохраняются противоречия.

«Европейский пакт роста» ориентирован на экономию и бюджетную дисциплину. Однако в ЕС еще не выработан новый стабилизационный механизм, призванный спасти реальных и по-

тенциальных банкротов. Всем этим придется заниматься в ближайшей перспективе.

В **Западной Европе** за пределами европространства, несмотря на некоторое ухудшение конъюнктуры, в четвертом квартале 2011 г. благоприятное экономическое положение отмечается в *Норвегии, Швеции, Монако и Швейцарии*. Ожидания на ближайшее будущее в этих странах могут быть пересмотрены, но в *Норвегии* и *Монако* они скорее останутся положительными. Хотя есть и пессимистические прогнозы. В *Швейцарии* важнейшей экономической проблемой является завышенный курс франка, отрицательно отражающийся на экспорте.

В *Дании и Великобритании* экономическое положение оценивается как неблагоприятное, особенно это касается *Великобритании* [IFO-Konjunkturprognose..., 2011]. Министерство внутренних дел Великобритании разрабатывает план действий на случай крушения еврозоны. Как заявила глава ведомства Тереза Мэй: «Мы разрабатываем план действий на случай непредвиденных обстоятельств» [Федякина А., с. 2]. И хотя министр пыталась сместить акцент на незаконную иммиграцию, очевидно, что главной проблемой для Лондона является Греция. Если Греция выйдет из еврозоны или единая валюта обесценится, то многочисленные безработные из Греции, Испании, Португалии и Ирландии хлынут именно сюда. Даже если страна решится на закрытие границ, свои действия ей придется согласовывать с Еврокомиссией. А у Брюсселя и Лондона могут быть разные точки зрения на то, что считать чрезвычайной ситуацией.

Показатели экономического климата в **Центральной и Восточной Европе** снижаются по причине негативных ожиданий на следующие полгода – эксперты сдержанно оценивают будущее экономическое развитие. Их оценки ухудшились по сравнению с теми, которые они давали в июле 2011 г., но пока остаются удовлетворительными. Самыми значительными проблемами региона признаются дефициты госбюджета, высокая безработица, недостаточное доверие к правительству в области экономической политики [IFO-Konjunkturprognose..., 2011].

Современное экономическое положение в *Чехии, Польше, Литве и Латвии* эксперты в целом оценивают как благоприятное. Хотя перспективы на будущее в этих странах различны. В Польше они оцениваются несколько хуже, чем в Чехии, Латвии и Литве, причем в отношении Латвии оценки более осторожны, нежели в отношении Литвы.

В *Болгарии* и *Румынии* нынешнее экономическое положение оценивается как неблагоприятное, и в ближайшее время изменений не ожидается. В *Венгрии* экономическое положение слабое, к тому же и ожидания снижаются. Учитывая высокие процентные ставки и возросшие риски для банков, во многих странах региона снижается объем предоставляемых кредитов, что негативно влияет на частные инвестиции. Только в *Чехии* и *Болгарии* сохранился экспансивный курс денежно-кредитной политики, процентные ставки остаются на относительно низком уровне [Nerb G., Plenk J., 2011].

Не ожидается в регионе и позитивных импульсов со стороны государства. Хотя государственный дефицит в 2011 г. почти во всех странах оказался ниже, чем в 2010 г., положение государственных финансов остается напряженным. Зависимость от притока внешних капиталов и ограниченный доступ к рынку займов вынуждают правительства сохранять ограничительный курс фискальной политики, а также высокие темпы инфляции.

Кризис сильно отразился на имидже Европы. Многие десятилетия и даже столетия, европейским идеям и идеалам в экономике, культуре и политике следовали другие континенты. В последние годы картина сильно изменилась. Пример для подражания жители планеты видят не в Старом Свете, а в Азии. Традиционный опрос, проведенный канадской исследовательской организацией GlobeScan, показал, что положительный рейтинг объединенной Европы снизился по сравнению с прежними опросами с 56 до 48% [Мануков С., 2012, с. 2]. Кризис, связанный с финансовыми проблемами некоторых стран ЕС, стал значительным вызовом как европейскому, так и общемировому развитию. От того, удастся ли ЕС преодолеть проблемы и сохранить свое существование, зависит будущая экономическая картина не только Европы, но и всего мира. По мнению директора Центра «Россия–Евразия» Германского совета по внешней политике А. Рара, «ЕС сегодня борется за существование, и Европа теряет свое место центра истории. Наступает азиатская эра. Европейская модель развития не универсальна, и сегодня свои модели диктуют другие страны, в частности страны БРИКС и особенно Китай» [Носков Е., 2012, с. 5].

Последние годы показали необходимость большей кооперации в отстаивании общих ценностей. Поскольку сепаратные стратегии больше не работают, нужно искать новые совместные подходы к решению проблем. Необходимо найти баланс между ориентацией на стабильность и необходимостью серьезных пере-

мен. При этом надо учитывать, что у каждой страны существуют свои проблемы.

Экономический кризис не только стал серьезным вызовом, но и дал странам возможность учиться на ошибках. Хороший пример показали северные страны Европы – *Швеция, Норвегия* и даже страны *Прибалтики*. По мнению некоторых специалистов, кризис показал, что наиболее удачно его могут преодолеть государства с открытыми рынками труда, поскольку они наиболее конкурентоспособны в мировой экономике. Европа как целое, подобно США, является относительно закрытой экономикой. Ее спасение должно происходить за счет внутренних ресурсов. Европа (как и США) нуждаются в новых или оживленных экономических отношениях, которые позволят их экономикам набрать более высокую скорость развития, создавать рабочие места и наладить экспорт.

В странах бывшего СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Украина, Киргизия, Узбекистан) показатель экономического климата в четвертом квартале 2011 г. ухудшился, но пока остается на удовлетворительном уровне [IFO-Konjunkturprognose..., 2011].

Самыми важными проблемами региона эксперты считают недостаточную международную конкурентоспособность, недоверие к экономической политике правительств, а также высокие темпы инфляции. В *Беларуси* и *Узбекистане* современное экономическое положение вполне удовлетворительное. В будущем в *Узбекистане* изменений не ожидают, а в *Беларуси* опасаются ухудшения экономической ситуации. В *Казахстане* нынешняя экономическая ситуация вполне удовлетворительна, а ожидания, напротив, сдержанные. В *Киргизии*, хотя оценка современного положения и ожидания на ближайший период улучшились по сравнению с предыдущим опросом в июле 2011 г., в перспективе конъюнктура

будет ухудшаться. В *Украине* экономическое положение рассматривается все еще как неблагоприятное, несмотря на небольшое улучшение по сравнению с предыдущим кварталом.

Показатель экономического развития в **Северной Америке** оказался ниже долгосрочного среднего уровня. Оценка современного положения и ожидания на ближайшее будущее были в равной степени снижены экспертами [там же].

Прежде всего это касается *США*. Их экономическое положение оценивается как очень слабое, ожидания тоже снижаются, но пока остаются в положительной зоне. Самые значительные эконо-

мические проблемы для *США* – это недостаточное доверие к экономической политике, безработица и дефицит госбюджета.

Во второй половине 2011 г. в *США* началось оживление, а в третьем квартале ВВП увеличился на 0,5% [там же, с. 35]. Это позволяет надеяться, что опасность сползания в рецессию пока преодолена. Частное потребление, несмотря на сдержанный прирост доходов, оказалось довольно высоким и внесло свой вклад в рост ВВП, при этом наибольший прирост пришелся на потребительские товары длительного пользования. И это можно считать положительным явлением. Соглашение между демократами и республиканцами о повышении верхней границы задолженности оказалось своевременным. К тому же в третьем квартале 2011 г. было преодолено влияние японской природной и ядерной катастроф на американскую экономику. Но, несмотря на все это, темпы экономического роста США остаются невысокими. Такие важные показатели конъюнктуры, как индекс потребительского доверия и потребительских расходов, находятся по-прежнему на низком уровне и увеличиваются незначительно. Расширение потребления находится под угрозой из-за недостаточного роста доходов. Сбережения частных хозяйств снизились в октябре до 3,5%, тогда как в середине 2011 г. они составляли 5% [там же, с. 35].

Финансовый кризис в *США* выявил серьезные структурные проблемы. В ближайший период от финансовой политики нельзя ожидать положительных импульсов. Внесенный осенью 2011 г. президентом Б. Обамой проект закона о стимулировании занятости («Jobs Bill») на сумму более 447 млрд. долл. был заблокирован в сенате республиканцами. Кроме того, напряженное финансовое положение складывается в американских штатах, которые в начавшемся бюджетном году имеют в целом дефицит бюджета в 91 млрд. долл. и проводят жесткую экономию [там же, с. 36]. Соответственно, населению нельзя рассчитывать на временное облегчение выплат по социальному страхованию и продление пособий по безработице.

В нынешней политической ситуации, а также в последующий период рассчитывать на консолидацию бюджета США не приходится. В рамках переговоров по увеличению лимита задолженности не удалось договориться о плане снижения государственного долга. Рейтинговые агентства отреагировали на ситуацию с бюджетом США и понизили кредитоспособность страны (Standard & Poor's) и перспективы (Moody's und Fitch). Патовая ситуация в конгрессе и предстоящие в ноябре 2012 г. президентские

выборы создают неуверенность в вопросе с американской государственной задолженностью. Темпы инфляции в течение 2011 г. увеличились по причине глобального повышения цен на энергию и продовольственные товары и достигли в сентябре максимума в 3,9%. Но в ходе ослабления мировой конъюнктуры рост цен несколько замедлился [там же]. Денежно-кредитная политика останется в ближайшее время экспансивной и будет направлена на снижение долгосрочных процентных ставок.

До сих пор высокая инвестиционная активность прежде всего крупных предприятий перерабатывающей промышленности оказывала значительную поддержку экономической конъюнктуре. Эти предприятия больше чем остальные выиграли от окончания финансового кризиса, от вновь укрепляющейся мировой экономики и от снижения издержек финансирования. Но в течение 2012 г. из-за обусловленных налогами эффектов предпочтения и глобального конъюнктурного охлаждения может произойти ухудшение инвестиционной динамики.

Положение на рынке рабочей силы США несколько стабилизировалось. Хотя создание 120 тыс. рабочих мест в ноябре 2011 г. все еще отстает от среднего показателя в предыдущий период, это все-таки свидетельствует о небольшом росте американской экономики и снижает опасение рецессии. Уровень безработицы снизился в ноябре 2011 г. до 8,6%, тогда как в середине года составлял 9% [там же]. Однако это снижение объясняется в первую очередь уменьшением числа потенциальных трудящихся, а не действительно безработных. До конца года достаточно высокая инвестиционная динамика оказывала положительное влияние на рынок рабочей силы, а снижение инфляционного давления в 2012 г. ведет к росту реальных доходов и оживлению потребления.

В 2011 г. ВВП США увеличился на 1,7%, а в 2012 г. можно рассчитывать на его увеличение на 1,8%. Но этот прогноз может оправдаться лишь при условии, что европейский кризис задолженности окажет незначительное воздействие на экспортные отрасли и на стабильность банковской системы [там же, с. 37].

В *Канаде*, несмотря на ухудшение положения, эксперты оценивают экономический климат в 2011 г. как относительно благоприятный, и виды на 2012 г. остаются положительными [там же].

Экономический климат в *Азии* продолжает ухудшаться и уже находится ниже долгосрочного среднего уровня. Оценка современного экономического положения и ожидания на будущее заметно ухудшились и указывают на экономическое охлаждение.

В настоящее время самой важной проблемой региона, наряду с высокой инфляцией, является «отсутствие доверия к экономической политике правительств» и «недостаточная международная конкурентоспособность».

В Японии, несмотря на улучшение, положение все еще недостаточно благополучное, отчасти из-за последствий землетрясения и цунами. Однако уже в третьем квартале 2011 г. отмечен прирост ВВП в 1,4%, большая часть которого объясняется внутренними факторами: увеличением частного потребления и капиталовложениями в строительство. Но в целом в 2011 г. ВВП Японии снизился на 0,7%. В 2012 г. японское производство продолжает восстанавливаться. Правительство наметило программу по восстановлению экономики в сумме до 19 блн. иен на следующие пять лет, что соответствует почти 4% номинального ВВП [там же, с. 38].

После тройной катастрофы – землетрясения, цунами и взрыва ядерного реактора – возник вопрос о возможных последствиях этой катастрофы для японской экономики, политики, для населения страны. В Японии рассчитывали на «кризис как шанс». Однако наивные ожидания, что страна объединится политически и сможет выйти из кризиса экономически более сильной, не оправдались. По мнению некоторых специалистов, напротив, шанс заключается в том, чтобы освободиться от излишних структур и найти новые концепции для традиционного, сильно диверсифицированного общества. Лишь в этом случае Япония могла бы вновь обрести динамику. Потенциал для дальнейшего роста создаст и отход от строгого государственного регулирования национального рынка. Кроме того, недооцененная раньше региональная политика должна активнее заняться разработкой новой концепции развития городов, дополнительной инфраструктуры и интернационализации. При этом в качестве движущей силы следует рассматривать транснациональные компании, которые направляют инвестиции в Китай и другие регионы Азии. Япония должна более активно, чем до сих пор, интегрироваться в развивающееся азиатское экономическое пространство и тем самым создавать новые потенциалы, прежде всего для нового поколения японцев.

В Китае, Сингапуре и Южной Корее в настоящее время экономическое положение можно считать удовлетворительным, и китайские эксперты рассчитывают, что такое положение сохранится и в будущем.

Уже в течение 30 лет китайская экономика демонстрирует динамичный рост, правда пока трудно сказать, как долго сохра-

нится эта тенденция. Международный опыт показывает, что пока ВВП на душу населения не достигнет 17 тыс. долл. США, экономика любой страны развивается быстрыми темпами. В 2011 г. этот показатель в *Kumae* уже достиг 3400 долл. [Чжен Синьли, 2012, с. 4]. Для достижения критичного предела в 17 тыс. долл. стране необходимо реализовать потенциалы роста в пяти крупных сферах деятельности, в том числе потенциалы спроса и капитала, трудовой и технологический потенциалы, а также потенциал земельных ресурсов. При условии углубления реформ китайская экономика сможет еще на протяжении, как минимум 20 лет, поддерживать ежегодный рост на уровне 8%.

Эксперты ожидают, что в 2012 г. инфляционное давление в Китае будет снижаться по причине стабильных цен на сырье и продовольствие, а также постепенного повышения стоимости юаня. Вследствие замедления конъюнктурного роста начавшееся в декабре 2011 г. смягчение денежно-кредитной политики будет продолжаться (минимальная резервная ставка уже снизилась на 0,5%). Темпы инфляции, составившие в 2011 г. 5,4%, в 2012 г. снизятся до 3,7% [IFO-Konjunkturprognose..., 2011, с. 38]. Частное потребление будет стимулироваться ростом реальных доходов и увеличением занятости. Капиталовложения в сооружения и оборудование будут уверенно развиваться, поскольку их поддерживает государство. Так, правительство решило и дальше осуществлять программы по строительству социального жилья. Государственные расходы предположительно также значительно увеличатся за счет мероприятий по борьбе с бедностью, расширения пенсионного страхования и страхования по болезни. Экономическое развитие будет стимулироваться внутренним спросом. Внешняя торговля по сравнению с предыдущими годами останется довольно умеренной по причине слабого спроса из США и Европы. К тому же сильно увеличится ввоз, так что платежный баланс может слегка снизиться. В целом предполагается, что китайский ВВП в 2012 г. увеличится на 8,2% [там же, с. 38].

Как отмечают некоторые специалисты, в настоящее время на смену эпохе «Сделано в США» пришла эпоха «Сделано в Китае»: в 2010 г. 19,8% общего объема произведенной в мире продукции пришлось именно на Китай. По этому показателю Китай уже обогнал США (19,4%). Сейчас между Китаем и США начался новый виток конкуренции за статус державы, обладающей самым мощным производством. Для победы в обострившейся конкурентной борьбе Поднебесной необходимо ускорить процесс реструктури-

зации производства. Для этого, в частности, в 2010 г. китайская автокомпания Geely приобрела за 1,8 млрд. долл. США 100% акций компании Volvo [Чжен Синьли, 2012, с. 4]. Эта покупка включает не только соответствующие активы, но и право интеллектуальной собственности. К тому же с помощью Volvo китайская автокомпания получает право на использование некоторых патентов автогиганта Ford. Но пока главное преимущество Китая – низкие расходы на оплату труда.

Согласно статистике Министерства коммерции КНР, быстрыми темпами растут китайские инвестиции в страны ЕС: в 2009 г. их рост составил 280%, в 2010 – 101%, в первом полугодии 2011 г. – 100% [Чэнь Нань, 2012, с. 33]. Китай активно приобретает европейские компании. В отличие от первого бума покупки дешевых предприятий, в настоящее время китайские приобретения за границей являются результатом взвешенных решений, теперь приобретаются надежные рентабельные предприятия. Одно из главных направлений внешнего инвестирования составляет немецкая автомобильная промышленность. Восполнение технологических пробелов в области автомобильной электроники придает китайским предпринимателям дополнительный импульс к объединению с зарубежными компаниями. Сегодня и европейские предприятия по-новому смотрят на китайских партнеров по бизнесу. Если до 2011 г. они исключали возможность того, что китайские предприятия начнут инвестировать в них свои средства, то в июне 2011 г. китайская компания «Цзюньшэн» приобрела 74,9% акций Preh GmbH. Сумма сделки составила 200 млн. евро [там же, с. 35]. При этом помимо базы по разработке и освоению новых высоких технологий в Баварии, Preh GmbH планирует открыть аналогичную базу в Китае. Европейские предприятия изменили свои взгляды на сотрудничество с китайскими партнерами, поскольку в процессе взаимодействия, помимо денежных средств, китайская сторона может предоставить необходимое сырье, и, что еще более важно, рынок. Из подобных сделок извлекают пользу обе стороны. Сотрудничая с китайскими предприятиями, европейские компании могут освоить огромный китайский рынок, который таит в себе много возможностей для развития бизнеса, что особенно важно в нынешний период экономического застоя.

По мнению некоторых ученых, феноменальный успех Китая, достигнутый за последние 33 года с момента начала реформ, которые «открыли» страну иностранным инвестициям, позволяет думать, что однопартийное китайское правительство избрало ста-

бильный и надежный путь экономического и социального роста. То, что начиналось как эксперимент, превратилось в новую модель развития, так называемый «пекинский консенсус». Китайская модель может выглядеть привлекательной альтернативой для тех стран, которым претят капризы демократии и экономические кризисы, связанные со следованием либеральным теориям, а также частичная потеря суверенитета, которая происходит в случае чрезмерной интеграции страны в международное сообщество.

В *Индии* экономический рост в 2011 г. несколько замедлился на фоне довольно высокого уровня предыдущего года. Темпы роста ВВП, несмотря на рост сферы услуг, снизились с 7,7% в первом квартале 2010 г. до 6,9% в третьем квартале, что явилось результатом значительного сокращения промышленного производства. В ближайшее время индийская экономика начнет, предположительно, снова динамично развиваться, благодаря увеличению частного потребления. Ограничительные мероприятия денежно-кредитной политики и высокие структурные барьеры могут оказывать подавляющее воздействие на инвестиции. Экспорт несколько снизится по причине ослабления мировой конъюнктуры. В целом в 2012 г. он может увеличиться на 7% по сравнению с 7,5% в 2011 г. [IFO-Konjunkturprognose..., 2011, с. 39].

В остальных значимых юго-восточных азиатских странах экономическая динамика в начале 2011 г. сильно замедлилась из-за уменьшения поставок в результате природной катастрофы в Японии и ограничений в области денежно-кредитной политики. В *Таиланде* нынешнее положение оценивается как неблагоприятное и больших изменений пока не предвидится. Хотя ожидания на ближайший период в целом положительные. Положение в *Гонконге*, на *Филиппинах*, в *Бангладеш*, *Малайзии* и *Индии*, несмотря на небольшое ухудшение ситуации, пока остается удовлетворительным, хотя прогнозы пессимистичны, особенно это касается *Гонконга*. В *Сингапуре* и *Южной Корее* эксперты ожидают ухудшения положения. Однако ожидания на ближайшее время обнадеживают. На *Тайване* как современное положение, так и ожидания значительно ухудшились. Во *Вьетнаме* и *Пакистане* экономическое положение неблагоприятное. На ближайшие месяцы эксперты не видят признаков улучшения экономической ситуации в этих странах. Только в *Индонезии* и *Шри Ланке* эксперты оценивают экономическое положение как очень хорошее. Можно ожидать, что ВВП в странах Восточной и Юго-Восточной Азии после значительного прироста в 2010 г. (7,7%), в 2012 г. увеличится в целом на 4,2% [там же, с. 39].

Внутренний спрос и особенно потребление, вероятно, останутся в большинстве стран на достаточно низком уровне. В целом в ближайшее время все показатели свидетельствуют о заметном охлаждении конъюнктуры в регионе.

В **Океании**, по мнению экспертов IFO, экономический климат ухудшился незначительно, и современное экономическое положение остается благоприятным. Особенно это касается *Австралии*. В перспективе ситуация несколько ухудшится, но не очень значительно. Самыми важными экономическими проблемами здесь эксперты считают недостаточное доверие к экономической политике правительства, недостаточную международную конкурентоспособность и нехватку специалистов. В *Новой Зеландии* экономическое положение продолжает оставаться неудовлетворительным. Ожидания на ближайший период несколько снизятся, но останутся в положительной зоне. Важнейшими проблемами являются иностранная задолженность, дефицит госбюджета и недостаточный спрос [IFO-Konjunkturprognose., 2011].

Экономический климат в **Латинской Америке** заметно ухудшается, и хотя современное экономическое положение в регионе в целом считается удовлетворительным, перспективы оцениваются осторожно. Важнейшая проблема Латинской Америки в настоящее время – недостаточная международная конкурентоспособность. *Аргентина* и *Венесуэла* помимо этого страдают от высоких темпов инфляции.

В *Аргентине*, *Чили*, *Парагвае*, *Перу* и *Уругвае* сохраняется благоприятное экономическое положение. Хотя ожидания на ближайшие месяцы в большинстве стран ухудшаются. Эксперты WES подтверждают благоприятное экономическое положение без больших изменений в будущем в *Парагвае*, но с некоторым ухудшением в *Бразилии* и *Эквадоре*. В Бразилии в третьем квартале 2011 г. отмечена стагнация. Правительство пытается противодействовать этому, в частности повышая импортные пошлины на автомобили.

В *Коста-Рике*, *Доминиканской республике* и *Панаме* экономическое положение оценивается как удовлетворительное. В *Боливии*, *Сальвадоре* и *Мексике* эксперты считают ситуацию неблагоприятной и ожидания по сравнению с предыдущим периодом значительно хуже. Ухудшение положения в Мексике объясняется, прежде всего, ослаблением конъюнктуры в США, которые являются важнейшим торговым партнером Мексики. В 2010 г. почти 80% экспорта, что соответствует почти трети мексиканского ВВП, было отправлено в США [IFO-Konjunkturprognose., 2011, с. 39].

На Кубе, в Гватемале, Тринидаде и Тобаго, в Венесуэле ситуация неблагоприятная. Причем улучшения возможны в *Тринидаде и Тобаго*, а на Кубе и в Венесуэле, напротив, эксперты предсказывают ухудшение общей экономической ситуации. Общим для всего региона фактором, влияющим на его экономическое положение, является снижение во всем мире спроса на сырье. После значительного увеличения производства более чем на 6% в 2010 г., в 2011 г. прирост составил около 4%, а в 2012 г. ожидается только 3,5% [IFO-Konjunkturprognose..., 2011, с. 40].

Показатель экономического климата на **Ближнем Востоке** ухудшился незначительно и считается в этом регионе благоприятным. Ожидания, напротив, ухудшаются, хотя и остаются позитивными. Самые значительные проблемы региона – безработица, дефициты госбюджетов и недостаточная конкурентоспособность. В *Израиле, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и Турции* преобладают благоприятные оценки экономического положения в настоящее время и в ближайшем будущем. Ожидается, что в будущем особенно усилится экспортный сектор. В *Кувейте и Ливане* современное экономическое положение удовлетворительно и больших изменений в ближайшие месяцы не ожидается. В *Иране, Иордании и Сирии* очень плохое экономическое положение и в ближайшее время оно не улучшится. Некоторое улучшение возможно только в *Иордании*.

В странах **Северной Африки** острейшими проблемами эксперты называют безработицу, неконкурентоспособность и недоверие к экономической политике правительств. *Тунис* еще страдает и от высокой инфляции. Современное экономическое положение в *Египте и Тунисе* в четвертом квартале 2011 г. оценивалось как плохое, даже хуже, чем по предыдущему опросу. Но в обеих странах ожидается некоторое улучшение. Положение в *Марокко и Алжире* оценено как положительное. В **Южной Африке** экономический климат продолжает ухудшаться. И нынешнее положение и ожидания весьма неблагоприятны [IFO-Konjunkturprognose..., 2011].

В последнее время в политике и в СМИ все чаще обсуждаются перспективы четырех быстроразвивающихся стран – **Бразилии, России, Индии и Китая**, объединяемых под названием **БРИК** («BRIC-Staaten»). Повышенное общественное внимание объясняется, прежде всего, растущей экономической значимостью этих стран, которые уже стали важными субъектами мировой экономики. В последние годы доля стран БРИК в мировом ВВП постоянно возрастала: если в 2001 г. она составляла 16,9%, то к 2009 г. уве-

личилась на 25%. Тогда как доля США и Германии в мировом ВВП с 1999 г. постоянно снижалась [Plaudkiewicz K., Paula G., Wohlrabe K., 2012, с. 42]. Об увеличении значимости стран БРИК свидетельствуют также темпы роста их экономик, превышающие среднемировые, и возрастающая доля этих стран в мировой торговле. По мнению экономиста US-Bank Г. Сакса (G. Sachs), ожидается долгосрочный экономический подъем в этих государствах. По его прогнозам, страны БРИК вместе должны перегнать шесть крупнейших промышленно-развитых стран (G-6) по объему ВВП до 2039 г.

Динамика мирового финансового рынка

Как отмечается, в 2011 г. инфляция была высокой, но ожидается некоторое снижение напряженности – если в 2011 г. рост цен оценивался в 4%, то в 2012 г. предполагается снижение инфляционного давления [IFO-Konjunkturprognose., 2011, с. 47]. В европространстве значительно сильнее, чем в среднем по миру, в ближайшие полгода можно рассчитывать на замедление роста цен.

Уменьшается число экспертов WES, которые предсказывают в ближайшее время ужесточение кредитно-денежной политики и рост процентных ставок. Соответственно ожидается снижение темпов инфляции.

Эксперты WES считают, что из четырех мировых валют, которые входят в специальные права заимствования МВФ, курсы американского доллара и британского фунта близки к равновесным. Лишь японская йена, и в меньшей степени евро, имеют завышенную оценку. Что касается валют других стран, то однозначно переоцененными эксперты считают национальную валюту Швейцарии, Чили и Перу, а также Сербии, Египта и Шри Ланки. С другой стороны, занижены курсы национальной валюты Китая, Индии, Южной Кореи, Бангладеш, Филиппин, России, Казахстана, Канады, Кении, Намибии и Эквадора, которые привязали свою валюту к доллару.

В мировом контексте можно рассчитывать на стабильный или слабый рост стоимости американского доллара в первом полугодии 2012 г., но со значительными различиями по странам. Так, эксперты ожидают ослабление доллара по отношению к национальным валютам в некоторых азиатских странах (прежде всего в Китае, Индонезии, Малайзии, Тайване и на Филиппинах). Этот результат контрастирует с ожидаемым приростом стоимости дол-

лара по отношению к национальным валютам Швейцарии, Новой Зеландии, стран Центральной и Восточной Европы, некоторых стран СНГ, Израиля и большинства африканских стран. В Западной Европе стоимость американского доллара, измеряемая в национальных валютах, останется, по оценке экспертов WES, стабильной.

Оценка краткосрочных перспектив развития России

В России в четвертом квартале 2011 г. положение было несколько хуже, чем в предыдущем квартале, но пока на удовлетворительном уровне, При этом ожидания достаточно пессимистичны.

Во многом это обусловлено замедлением темпов экономического роста в еврозоне. ЕС является главным торговым партнером России. На него приходится половина российского внешнеторгового оборота. Снижение темпов экономического роста стран ЕС – основных потребителей сырьевых товаров из России и поставщиков высокотехнологичной продукции – негативно повлияет на развитие отечественной экономики.

Традиционные и культурные связи России с европейскими странами, которые являются важным объектом интереса российских туристов. Так, в 2011 г. визы в страны Шенгенской зоны получили 5,6 млн. россиян [Россия – ЕС., 2012, с. 2]. Однако реального облегчения визового режима не произошло. В декабре 2011 г. на саммите Россия – ЕС были определены согласованные «общие шаги». Но в Брюсселе не хотят рассматривать их как связанную с конкретными сроками «дорожную карту». Но визовая проблема не единственная в отношениях между Москвой и Брюсселем. Не продвигается и работа по подготовке нового базового договора вместо старого, потерявшего силу в 2007 г. Правда продвижение торгово-экономических и культурных связей зависит не столько от переговорного процесса с Брюсселем, сколько от развития отношений России с конкретными европейскими странами.

В то же время в течение длительного времени сохраняется положительная тенденция развития китайско-российских отношений, которые теперь находятся на высоком уровне. В 2011 г. объем двусторонней торговли достиг 80 млрд. долл., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 42,7% [Китай-Россия., с. 5]. Обе страны являются крупнейшими государствами, близкими соседями и важными стратегическими партнерами. Их сотрудничество ведет не только к развитию и процветанию обеих стран, но и тесно связано с безопасностью и стабильностью в регионе и в мире

в целом, а также с будущим международных отношений. И наме-чающееся торможение китайской экономики также является нега-тивным фактором для развития России.

Ухудшение положения на традиционных отечественных на-правлениях внешнеторговых связей предполагает усиление ориен-тации страны на импортозамещение, а также поиск рынков сбыта в других регионах мира.

Литература

1. Годман Ф. Китай: возвращение либералов // Московские новости. – М., 2012. – № 78, 3 мая. – С. 4.
2. Григорьев Е. Саммит ЕС в заколдованном круге кризиса // Независимая газета. – М., 2012. – № 20 (407), 29 июня. – С. 8.
3. Китай – Россия // Российская газета. – М., 2012. – № 126, 5 июня. – С. 5.
4. Кругман П. Спасение еврозоны должно прийти изнутри // Независимая газета. – М., 2012. – № 109, 14 июня. – С. 5.
5. Мануков С. Восток привлекательнее Запада? // Новые известия. – М., 2012. – № 79, 14 мая. – С. 2.
6. Носков Е. Курс на кооперацию. Прогноз // Российская бизнес-газета. – М., 2012. – № 20, 29 мая. – С. 5.
7. Россия – ЕС. Трудное партнерство // Независимая газета. – М., 2012. – № 109, 14 июня. – С. 2.
8. Рушайло П. Убойная лига // Московские новости. – М., 2012. – № 87, 21 мая. – С. 6.
9. Федякина А. Лондон готовится к краху еврозоны // Российская газета. – М., 2012. – № 120, 29 мая. – С. 2.
10. Чжэн Синьли. Выявление потенциалов экономического роста // Китай. – Пе-кин, 2012. – № 4. – С. 4–5.
11. Чэнь Нань Новый бум покупки европейских предприятий // Китай. – Пекин, 2012. – № 4. – С. 33–35.
12. IFO-Konjunkturprognose 2011/2012: Schuldenkrise bremst deutsche Wirtschaft aus // IFO-Schnelldienst. – München, 2011. – Jg. 14, N 24. – S. 26–50.
13. Nerb G., Plenk J. IFO Weltwirtschaftsklima weiter verschlechtert. Ergebnisse des 114. World Economic Survey (WES) für das vierte Quartal 2011 // IFO Schnelldienst. – München, 2011. – Jg. 64, N 22. – S. 39–51.
14. Plaudkiewicz K., Paula G., Wohlrabe K. Die BRIC-Staaten: Ein ökonomischer Vergleich // IFO-Schnelldienst. – München, 2010. – Jg. 63, N 23. – S. 42–49.

М.А. Положихина

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Два последних десятилетия социально-экономическое развитие России характеризовалось крайне неравномерной динамикой. Комбинация различных условий и факторов обусловила чередование периодов резкого спада и подъема экономики, в том числе: трансформационный кризис 1990-х годов и период восстановительного роста начала 2000-х, снова кризис 2008–2009 гг. как часть мирового финансово-экономического кризиса [Семеко Г.В., 2009; Аганбегян А.Г., 2010; Drobychevsky S., 2010].

Если оценивать текущую экономическую ситуацию в России с формальной точки зрения, то она выглядит достаточно благополучно. Достигнутые темпы роста (4,3% в 2011 г.) внушают определенный оптимизм на фоне стагнации, охватившей Европу и остальной мир. Инфляция достигла самого низкого уровня за последние 20 лет (в 2011 г. – 6,1%). Государственный долг составляет около 10% ВВП, тогда как в передовых экономиках средний уровень государственного долга превысил 100% ВВП. Состояние счета текущих операций платежного баланса остается устойчивым благодаря значительному профициту торгового баланса, а валютные резервы Центрального банка Российской Федерации в 2011 г. вновь пополнились. Уровень занятости и объем производства вернулись к докризисным показателям. Безработица остается низкой. Доходы населения продолжают расти, уровень неравенства снизился. Даже бюджет, грозивший стать дефицитным, в 2011 г. таковым не стал [Докучаев Д., 2012]. В 2011 г. Россия заняла девятое место в мире по объему ВВП (в текущих долларах США), поднявшись с 11-й строчки в 2007 г. При расчете ВВП по паритету

покупательной способности российская экономика занимает уже шестое место в мире [Поддержка роста., 2012, с. 4–5].

Однако в экспертных оценках, касающихся состояния и перспектив роста отечественной экономики, выражается беспокойство. Рецессия, закончившаяся в середине II квартала 2009 г., после короткого периода интенсивного восстановительного роста с весны 2010 г. перешла в стадию невысокого неустойчивого роста на фоне слабого внутреннего и внешнего спроса. Темпы развития российской экономики замедляются – прогноз на 2012 г. составляет менее 4% [Акиндинова Н.В. и др., 2011, с. 51]. Как показал кризис 2008–2009 гг., благополучие России очень неустойчиво из-за большого числа нерешенных проблем и рисков.

Внешние условия и риски развития России

Современную внешнюю обстановку для России можно считать относительно благоприятной. Явно выраженная внешняя угроза отсутствует – что редкость в отечественной истории. И хотя противоречия с другими странами существуют (иногда достаточно острые – как, например, с Грузией или Японией), но прямой военной опасности нет. В настоящее время конкуренция между странами идет не столько в военной области, сколько в социально-экономической.

Межстрановая конкуренция продолжается на фоне нового этапа интернационализации или нового уровня интегрированности мирового хозяйства – глобализации. Формирование единого рынка в масштабах всего земного шара, где происходит свободное трансграничное перемещение товаров, услуг, капитала, рабочей силы, информации и т.д.; образование глобальных финансового и фондового рынков; быстрое развитие транснационального капитала создают новые условия для развития национальных экономик. Мировое экономическое сообщество из рыхлой совокупности в той или иной степени постепенно превращается в целостную экономическую систему – глобальную экономику, что создает предпосылки для более эффективного его развития в целом и для отдельных стран, в частности [XXI век: новые., 2011].

Однако процессы глобализации имеют не только положительные последствия. Они также усиливают разрывы в уровнях развития различных стран и регионов. Хотя в последнее десятилетие ряд развивающихся стран, прежде всего Китай и Индия, демонстрируют более высокие темпы экономического роста, чем

развитые страны. В результате, изменяется баланс сил на мировой арене. Уже не США, а Китай начинает рассматриваться в качестве «локомотива» мировой экономики.

С 2009 г. в мировой экономике наблюдаются новые явления: общее снижение темпов экономического роста и длительное сохранение кризисных явлений в развитых странах (в том числе проблемы государственного долга ряда стран еврозоны и США).

Как отмечают эксперты, нынешний кризис – особенный. Во-первых, потому, что он никак не заканчивается. Во-вторых, потому, что он мировой в полном смысле этого слова. В-третьих, ни экономисты, ни политики не знают, что делать. В связи с этим появился термин – «новая нормальность», под которой понимается состояние мировой экономики, балансирующее на грани нулевого роста и скатывания в рецессию. По словам первого зампреда Банка России А.В. Улюкаева, нормально теперь то, что экономический рост будет замедляться и в развитых, и в развивающихся странах, даже в Китае. Соответственно, спрос на сырьевые ресурсы будет падать. Нормально, что неустойчивость будут испытывать все мировые рынки, причем не циклично, а хаотично [Вардуль Н. Паранормальные..., 2012]. Неопределенность глобальной экономики и неравномерность темпов экономического роста стран и регионов, безусловно, создают значительные риски для развития экономики России.

В ближайшие годы большое влияние на социально-экономическое положение в стране будет оказывать также членство в ВТО и формирование общего экономического пространства с соседними странами, в первую очередь Таможенного союза с Беларуссией и Казахстаном. Причем в отношении воздействия вступления России в ВТО существуют весьма противоречивые оценки. Особенно алармистские настроения вызывают перспективы сельского хозяйства и банковского сектора. Но условия, а главное, длительные сроки введения новых правил создают хорошие предпосылки для адаптации к ним российских предприятий и тем самым для минимизации возможных потерь [Гринберг Р.С., Оболенский В.П., 2011].

Внешние условия, накладываясь на существующие в России проблемы и сложности, выступают катализатором происходящих в ней социально-экономических процессов. Но тенденции развития экономики страны определяются преимущественно внутренними факторами.

Внутренние факторы и проблемы развития экономики России

В обновленной «Стратегии-2020»¹ приводится следующий баланс негативных и позитивных факторов развития отечественной экономики [Стратегия-2020..., 2012, с. 17] – таблица 1.

Таблица 1

Ограничения и преимущества экономики России

№ пп	Ограничения	Преимущества
1	Неблагоприятный демографический тренд	Большой внутренний рынок
2	Относительно высокие издержки на труд	Относительно высокое качество человеческого капитала
3	«Голландская болезнь»	Значительные природные ресурсы как источник развития и дополнительных финансовых поступлений
4	Слабые институты	

Но существуют и другие оценки наиболее значимых для перспектив социально-экономического развития России проблем. Наиболее часто называются следующие.

1. Сырьевая ориентация экономики и чрезмерная зависимость государственного бюджета от мировых цен на нефть

По данным Института проблем естественных монополий, 40% ВВП России создается за счет экспорта сырья. Машинострое-

¹ Первый вариант «Стратегии-2020» был разработан Минэкономразвития России под руководством замминистра А.Н. Клепача и утвержден правительством РФ осенью 2008 г. Он основывался на положениях «Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года», принятой Правительством РФ 17 ноября 2008 г. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. помешал реализации указанной стратегии. Уже в 2010 г., с учетом первых уроков кризиса, был представлен новый вариант правительственной стратегии под названием «Инновационная Россия-2020» [Акаев А.А., 2012, с. 99, 100]. В связи с критическим восприятием документа в экспертном сообществе В. Путин в декабре 2010 г. инициировал обновление «Стратегии-2020». Экспертную комиссию возглавили ректор РАНХ и ГС В.А. Мау и ректор НУИ ВШЭ Я.И. Кузьминов. Объемный доклад в декабре 2011 г. поступил в правительство для обсуждения и согласования в министерствах. Окончательный вариант «Стратегии-2020» «Новая модель роста – новая социальная политика» был представлен в марте 2012 г.

ние, электроника и другие высокотехнологичные отрасли формируют 7–8% отечественного ВВП. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3% от промышленного экспорта России, тогда как в США – 32,9, в Китае – 32,8%. Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%. На отечественном рынке российский бизнес закупает не более 1% станков [Решетникова Е., 2011]. При этом доля энергоресурсов в экспорте России за 2000–2008 гг. выросла с 51 до 61,5%, а вместе с другими видами сырья (металлы, лес и лесоматериалы) достигла 70,4% [Рязанов В.Т., 2011, с. 159]. Если в 1990 г. в обрабатывающей промышленности было занято 20% работников, то в 2010 г. – 9% всех занятых в промышленности. Доля обрабатывающей промышленности в экспорте сократилась за тот же период с 44 до 22% [Пономаренко Н., 2011].

От того, сколько будет стоить баррель нефти, зависит и федеральный бюджет России, и ее экономика, и политика. В 2011 г. нефтегазовые доходы составляли 10,4% ВВП и половину всех доходов федерального бюджета. В 2009 г. этот показатель был равен всего 7,6% ВВП и двум пятым доходов федерального бюджета. Причем в федеральный бюджет закладываются все более и более высокие цены на нефть. Прогнозный показатель цены на нефть марки «Urals», используемый при составлении федерального бюджета, увеличился с 75 долл. США за баррель в 2011 г. до 100 долл. США за баррель в 2012 г. Цена на нефть, при которой балансируется федеральный бюджет, выросла с уровня менее 30 долл. в 2007 г. до 100 долл. и более, начиная с 2009 г. В 2012 г. бюджет будет сбалансирован при цене 115 долл. США за баррель. При вычете же нефтегазовых доходов федеральный бюджет имеет дефицит, масштаб которого уже превысил 12% [Шувалов И. Модернизация..., 2012].

При этом на нефтяном рынке растут риски со стороны спроса. Высокие цены на нефть держатся, во-первых, благодаря действию финансового фактора, так как нефтяные фьючерсы давно стали инструментом хеджирования финансовых и курсовых рисков. Во-вторых, играют роль политические факторы. В начале марта 2012 г. цена на нефть марки «Urals» впервые с июля 2008 г. преодолела отметку в 125 долл. за баррель, причем это объяснялось напряженностью вокруг поставок нефти. Но это означает, что высокие цены на нефть – очередной пузырь. И если вверх цены на нефть могут подтолкнуть какие-то неэкономические события (например, закрытие Ормузского пролива или эмбарго на ввоз иран-

ской нефти), то обрушить их может сама экономическая динамика [Вардуль Н. Ствол., 2012, с. 26].

Для большинства ведущих стран мира, которые, в отличие от России, не обладают собственными запасами нефти, такие цены невыгодны, и они будут стремиться их сбить. Снижение цен на нефть также соответствует существующим прогнозам сокращения макроэкономических темпов роста [там же, с. 27]. Причем нефтяные цены обладают особенностью падать столь же резко, как и расти.

Хотя, по мнению экспертов Внешэкономбанка России, цены на нефть не рухнут, как это произошло в 2008 г. Во-первых, прогноз МВФ роста мировой экономики в 2012 г. – 3,5%, означает достаточно высокий спрос на энергоносители. Во-вторых, бюджет Саудовской Аравии сбалансирован при цене на нефть 90–95 долл. за баррель. И эта страна не допустит дальнейшего падения цен, просто начнет добывать меньше нефти при необходимости [Бакалов А., 2012].

Однако на рынке нефти увеличиваются и риски предложения в связи с изменением «расклада сил». Самый бурный рост нефтедобычи происходит в последние годы не в Саудовской Аравии и не в России, а в США. Если в 2009 г. там добывалось 1,95 млн. баррелей в сутки, в 2010 – 1,99 млн., то в 2011 г. произошел взрыв – 7,5 млн. баррелей в день (7,8 млн., по данным ЦРУ). США по добыче нефти уже сейчас на третьем месте в мире (после России – 10,54 млн. баррелей и Саудовской Аравии – 8,8 млн. баррелей). Все дело в открытии гигантских месторождений горючих сланцев – от Канады на юг через Северную и Южную Дакоту, Вайоминг, Колорадо и Техас и на восток в Огайо и Пенсильванию, – из которых добывают так называемые масла, приравняющиеся к нефти. К 2017 г. по объему добычи нефти (10,9 млн. баррелей в день) США предполагают превзойти Саудовскую Аравию. А в среднесрочной перспективе – выдвинуться на первое место на нефтяном рынке [Вардуль Н. Ствол., 2012, с. 27].

Высокие риски нефтяного рынка делают весьма неустойчивым и уязвимым по отношению к внешним шокам федеральный бюджет России. Незначительная коррекция в нефтяных ценах способна повернуть вспять положительную динамику в доходной части бюджета, достигнутую в 2011 г. Снижение цен на нефть до 60 долл. США (как и в 2009 г.) ведет уже к кризису в экономике России. Но даже сохранение достаточно высоких цен на нефть недостаточно для ускорения ее развития. Например, в прогнозах Всемирного банка, при увеличении среднегодовой цены нефти с

98,2 до 125 долл. США за баррель, т.е. на 26,8 долл., российский ВВП приподнимется всего на половину процентного пункта – с 3,5 до 4%. Это является наглядным доказательством того, как пробуксовывает «главный двигатель» российской экономики [Вардуль Н. Угрозы..., 2012, с. 33].

Ситуация аналогична и для других сырьевых товаров, производство которых в настоящее время составляет основу российской экономики. Внешняя конъюнктура на них подвержена резким колебаниям. А спрос, учитывая низкие темпы мирового роста, особенно в развитых странах – основных потребителях данной продукции, – снижается. Сырьевая экспортно-ориентированная модель очень уязвима и в перспективе неспособна обеспечить высокие устойчивые темпы роста экономики.

2. Сокращение численности населения, особенно в трудоспособном возрасте

По состоянию на 2010 г. Россия занимала 9-е место в мире по численности населения (142 млн. человек). Хотя расчеты показывают, что на ее территории при равномерном расселении в благоприятных районах комфортно могли бы разместиться не менее 500 млн. человек [Рязанцев С.В., Хорие Н., 2011, с. 9].

С 1996 по 2009 г. численность населения страны уменьшилась с 148,3 до 141,9 млн. человек, или на 4,3%. В последующие годы сокращение численности населения удалось остановить и теперь достигнута неустойчивая стабилизация на уровне 143 млн. человек. Основные причины такой негативной динамики – низкая рождаемость и высокая смертность.

Минимальный уровень рождаемости в России был зафиксирован в 2000 г. – 8,7 промилле, максимальный уровень смертности в 2003 г. – 16,4 промилле. К 2010 г., в результате улучшения социально-экономической ситуации в стране и принятых государственных мер, удалось увеличить рождаемость (до 12,5 промилле) и снизить смертность (до 14,2 промилле). Однако суммарный коэффициент рождаемости в России (1,539 в 2011 г.) недостаточен для простого воспроизводства населения, которое возможно при достижении уровня в 2,014–2,15 [Федеральная служба государственной статистики].

Таким образом, тенденция естественного сокращения населения России на перспективу сохраняется. Более того, негативные изменения в возрастном составе населения (сокращение числен-

ности и доли женщин активного репродуктивного возраста) столь существенны, что даже максимально возможное, при реализации мер демографической политики, повышение показателей рождаемости не предотвратит естественную убыль населения страны.

В данных условиях единственным источником восполнения населения страны выступает миграционный приток. В 1994 г. максимальный миграционный приток в 810 тыс. человек практически компенсировал естественную убыль населения России в 870 тыс. человек [там же]. С тех пор масштабы миграционного притока в страну уменьшились.

Для России сокращение населения чревато геополитическими рисками. Слабозаселенные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет сложно, особенно в условиях, когда рядом находятся очень крупные по населению страны (прежде всего Китай), которые нуждаются в ресурсах и новых территориях. Кроме того, значимы и экономические аспекты – дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения. Ожидаемое сокращение численности населения потребует дополнительных государственных мер по пенсионному обеспечению, балансировке рынка трудовых ресурсов и регулированию миграции.

Проблема общего сокращения населения усугубляется неравномерностью его размещения по территории. При нарастающей депопуляции сельской местности в средней полосе России, снижении заселенности северных и восточных регионов, происходит концентрация населения в крупнейших городах (особенно в Московском регионе) и рост его численности в южных районах, особенно в Северокавказских республиках.

Росстатом разработаны варианты предположительной численности населения России до 2030 г. Согласно низкому варианту, общая численность населения к концу периода может составить 126,9 млн., при этом естественная убыль населения оценивается в более 1 млн. человек в год, а миграционный прирост – около 200 тыс. По среднему варианту, общая численность населения страны составит 139,4 млн., естественная убыль – около 700 тыс., миграционный прирост – около 400 тыс. Высокий вариант предполагает общую численность населения России в 147,6 млн., при естественной убыли около 400 тыс. и миграционном приросте более 600 тыс. человек в год [там же].

Более благоприятную динамику численности населения обеспечивают активная демографическая политика государства и меры

по снижению уровня смертности, а также рост масштабов иммиграции. Но все это требует значительных финансовых средств и скоординированных организационных усилий, в том числе в области здравоохранения, жилищной политики, регулирования внешней и внутренней миграции и т.д. А чрезмерное увеличение количества внешних мигрантов увеличивает риски социальных конфликтов и может поставить под угрозу российскую идентичность.

3. Низкий технический уровень и низкая инновационная активность отечественного бизнеса

Основу современной российской экономики до сих пор составляют предприятия, созданные в советский период, технологический уровень которых значительно ниже, чем в развитых странах. Причем за прошедшие годы технологическая структура экономики ухудшилась. На конец 2010 г. средняя степень износа основных фондов в стране достигла 47,1%, коэффициент обновления фондов – 3,9% [Федеральная служба государственной статистики]. Причем в отдельных отраслях промышленности степень износа доходит, по данным Счетной палаты, до 80% [Арсюхин Е., Арабов П., 2010]. В отличие от передовых стран, перевооружающих промышленность через 8–10 лет, в России темпы технического перевооружения составляют 15–20 лет [Чувакина В.С., 2011, с. 85–86].

Высокая доля физически и морально устаревшего оборудования, значительная степень износа промышленной инфраструктуры и ее явный недостаток во многом определяют низкую производительность труда в России, невысокое качество отечественной продукции (за исключением сырьевой) и ее слабую конкурентоспособность на мировых рынках. По имеющимся оценкам, применяемые неэффективные технологии обеспечивают от 20 до 60% (в зависимости от отрасли) отставания России по производительности труда от развитых стран мира [Почему производительность..., 2009].

По величине ВВП на одного занятого Россия примерно в 4 раза уступает США и в 3 раза – Европе [Проблемы развития рыночной..., 2011, с. 18]. Максимальный разрыв наблюдается в машиностроении, минимальный – в добывающих отраслях. Средняя почасовая производительность труда в России в 2010 г. составляла 19,0 долл./человек, тогда как в Норвегии (мировом лидере) – 77 долл., США – более 60 долл., Франции и Германии – более 50 долл., Испании и Японии – более 40 долл., Турции – около

23 долл./человек. Хотя по этому показателю Россия превосходит остальные страны БРИК. В Бразилии почасовая производительность труда достигает 11,6 долл./человек, Индии – 7,5 долл., Китае – только 4,1 долл./человек [Производительность..., 2012].

При очевидной необходимости перевооружения и переоснащения промышленных производств, объемы инвестиций в основной капитал недостаточны для нормального воспроизводства технической базы промышленности. Причем основные средства направляются на ликвидацию ограничений роста уже существующей технологической базы путем капитального ремонта зданий и сооружений или приобретения импортного оборудования [Пехтерева Е.А., 2009].

Собственно инновационная активность российского бизнеса крайне низкая. В 2005–2007 гг. разработку и внедрение технологических инноваций в промышленности России осуществляло немногим более 9% предприятий [Пехтерева Е.А., 2009, с. 113; Федеральная служба статистики]. И динамика в данной области неблагоприятная. По данным Всемирного экономического форума, по инновационной продвинутости бизнеса Россия спустилась с 91-го места в мире в 2008 г. на 114-е место в 2011 г. [Стратегия-2020..., 2012, с. 37].

В сложившихся обстоятельствах возрастает вероятность технических аварий и даже техногенных катастроф. Хотя российский инновационный сектор обладает, по мнению и отечественных, и международных экспертов, одним из самых мощных потенциалов в мире, страна рискует в перспективе полностью утратить функцию поставщика на рынках высокотехнологичной продукции.

4. Недостаточно благоприятный инвестиционный климат

Согласно данным Национального рейтингового агентства (НРА), в 2010 г. Россия по уровню инвестиционной привлекательности занимала 130-е место среди 212 стран мира, поднявшись с 137-го места в 2008 г. [Пытин Д., 2011]. В рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (Global Competitiveness Index) на 2011–2012 гг. она находится на 66-м месте [Стратегия-2020..., 2012, с. 18]. Уровень предпринимательской активности в России в 4 раза ниже, чем в Бразилии и Китае, в 2–3 раза ниже, чем в Мексике, Турции и ЮАР [там же, с. 37].

Основными причинами недостаточной привлекательности России для инвесторов эксперты называют: слабую защиту инвестиций и собственности, высокую коррупцию, наличие значительных барьеров входа на рынок, недостаточно благоприятный режим пересечения границы, малый объем финансового рынка.

В результате, на фоне роста российской экономики, продолжается отток капитала из страны и сохраняется низкий уровень внутренних инвестиций.

В 2011 г. чистый отток капитала из России превысил 84 млрд. долл. Одновременно страна привлекла 52 млрд. долл. ПИИ. Однако этот приток в основном обеспечили российские инвестиции, для снижения налоговой нагрузки предварительно проведенные через офшорные или близкие к ним схемы (Кипр, Швейцария, Люксембург, Нидерланды, экзотические острова). Трудно не согласиться с мнением, что «когда отечественные инвестиции вынуждены выдавать себя за иностранные, это очевидный симптом инвестиционного неблагополучия» [Вардуль Н. Загадка..., 2012, с. 37].

В 2011 г. оборот финансовых вложений крупных и средних предприятий в 10 раз превысил объем инвестиций в основной капитал (до кризиса превышение составляло 2–3 раза). Причем в общем объеме инвестиций в основной капитал собственные средства предприятий составили 43%, бюджетные вливания – 20, а банковские кредиты едва превысили 9%. На Западе доля банковских средств в общем объеме инвестиций достигает 30–40% [Акаев А.А., 2012, с. 113].

Сложившиеся финансовые потоки определяют недостаток «длинных» денег в экономике России, необходимых для активной инвестиционной деятельности частного бизнеса. И пока отсутствует механизм, способствующий повышению нормы накопления, трансформации внутреннего спроса в расширение отечественного производства. Деньги в российской экономике для этого есть, но они не инвестируются в основной капитал.

5. Несоответствие существующих институтов уровню развития общества

Согласно рейтингам Всемирного банка, за 2005–2009 гг. Россия ухудшила свои позиции по показателям качества государственного регулирования и, особенно, контроля коррупции [Стратегия-2020..., 2012, с. 35]. Неблагоприятная институциональная динамика не только негативно сказывается на темпах экономического роста и

конкурентоспособности России на мировом рынке, но ведет уже к нарастанию социальной напряженности и развитию протестного движения в обществе.

По мнению одного из экспертов, фальсификация выборов – не более чем формальный повод, объединяющий людей с очень разными воззрениями и дающий возможность выплеснуть протест против «установленных правил игры» [Массовые..., 2012, с. 149]. По мнению другого, в России сложилась потребность в «институтах, способных превратить нелиберальную демократию в либеральную» [там же, с. 155]. Соответственно, стоит задача найти такие эффективные формы, которые в наибольшей степени соответствовали бы современным условиям России и способствовали бы ее дальнейшему развитию.

Долгосрочные прогнозы развития России

Пролонгация современных тенденций позволяет делать прогнозы развития России на долгосрочную перспективу.

В том числе, согласно *прогнозу развития мировой экономики до 2050 г., представленному банком HSBC* в 2012 г., Россия будет находиться в числе стран с темпами экономического роста 3–5% в год [Соколовская М., 2012]. Команда аналитиков *Bank of America* во главе с В. Осаковским, составившая прогноз, как будет выглядеть Россия в 2020 г. тоже считает, что экономический рост России будет довольно умеренным, зато стабильным – примерно на 3,9% в год [Снижение численности..., 2012]. По мнению «отца БРИКС» Дж. О'Нила, России не нужны драматические темпы роста, ей нужно избегать кризисов. И тогда ее ВВП уже в 2017 г. может стать больше, чем у Италии, а в период с 2020 до 2030 г. – оставить позади Францию, Великобританию и, в конце концов, ФРГ [Орехин П., 2012].

Большинство экспертов уверено, что существующие драйверы экономического роста России – рост цен на сырье – исчерпали себя [там же]. Но дальше взгляды расходятся. По мнению одних, главный для России фактор роста в перспективе – «плохая» демография. Дефицит рабочей силы подстегнет рост зарплат, сокращение издержек компаний, а может быть, даже модернизацию производств. Почти половину россиян в 2020 г. можно будет записать в средний класс. Но все равно страна будет во многом зависеть от цен на нефть и развития политической ситуации. Остается вероятной и русская версия «арабской весны» [Соколовская М., 2012].

По мнению других, основными драйверами роста экономики России останутся потребительский спрос и государственные расходы. А главная угроза заключается в возможности их чрезмерного роста. Предвыборные обещания президента В.В. Путина уже обойдутся в 4–5,5% ВВП. Если российское правительство не увеличит налоги, бюджет можно будет сбалансировать только при цене на нефть около 200 долл. за баррель или неминуем рост государственного долга [Снижение численности..., 2012].

Хотя иностранные эксперты представляют довольно благополучным будущее России, они считают необходимым проведение значительных реформ. Пока Россия склонна недоиспользовать имеющийся потенциал развития и скорее растрачивать, чем накапливать его. Требуется приложить большие усилия, прежде всего в институциональной области и в сфере бизнес-климата, чтобы занять одно из ведущих мест в мире [Соколовская М., 2012].

Варианты развития экономики России рассматриваются и отечественными специалистами.

Так, по мнению группы ученых, возглавляемой Е.Г. Ясиным, в стране возможна реализация *инерционного сценария* [Акиндинова Н.В. и др., 2011]. В соответствии с ним сырьевой сектор сохранит доминирующие позиции в экономике, основным фактором роста останется медленное увеличение добычи углеводородного сырья (нефти и газа), а базовым условием – медленный, но постоянный рост мировых цен на нефть. В этом сценарии темпы экономического роста будут медленно затухать. За 20 лет российский ВВП может вырасти примерно на 50%, но из-за того, что мировая экономика будет расти существенно более высокими темпами, доля России в мировом ВВП заметно снизится (с современных 2,5 до 1,5%), т.е. страна будет относительно проигрывать в экономическом соревновании [там же, с. 51].

Опасности инерционного сценария хорошо известны: неустойчивое состояние не может продолжаться вечно. Достаточно нового сильного внешнего шока (новый мировой кризис или падение цен на нефть) для того, чтобы ситуация начала выходить из-под контроля. Возможность долгосрочного устойчивого роста данная группа специалистов видит исключительно в более активном вовлечении России в международные экономические отношения, более активном участии в международной торговле и ускоренном развитии несырьевых экспортно-ориентированных секторов [там же, с. 54].

Другая группа (Белоусов Д.Р. и др.) рассматривает три возможных варианта развития событий [Долгосрочное развитие..., 2010]. В том числе: *сценарий инновационного прорыва*, который предполагает формирование новых центров компетенций, обеспечивающих выход на новые рынки высоко- и среднетехнологической продукции, а также укрепление позиций на существующих рынках за счет развития «прорывных технологий» и технологической модернизации массовых среднетехнологических производств. Риски сценария связаны с отсутствием в нем «запаса прочности» в финансовой сфере [там же, с. 61–66]. *Консервативно-сырьевой сценарий* – проведение крайне осторожной финансовой и макроэкономической политики, направленной на формирование максимально надежной основы для поддержания российской экономики в нестабильных условиях внешнеэкономической конъюнктуры [там же, с. 66–68]. Центральной идеей сценария является максимальная либерализация российской экономики. Риски данного сценария связаны со стратегической бесперспективностью сложившейся экспортно-сырьевой ориентации. Постепенное падение конкурентоспособности российской продукции приведет к потерям внешних и внутренних рынков. *Адаптационный сценарий* предполагает экономическую политику, адаптирующуюся к условиям затяжного глобального экономического кризиса [там же, с. 68–70]. Важнейшим антикризисным инструментом становится управление обменным курсом рубля. Ни о реализации модернизационных программ, ни о создании резервов в этой ситуации речь не идет. Риски развития в соответствии с данным сценарием связаны с угрозой втягивания страны в инфляционно-девальвационную спираль и возможностью окончательной потери качественных, наукоемких и высокотехнологичных производств.

В *макропрогнозе Минэкономразвития РФ до 2030 г.*, основывающемся на вариантах структурных и институциональных изменений в зависимости от бюджетного маневра, предлагается два варианта развития экономики страны: консервативный (инерционный) и инновационный [Правительству предлагается..., 2012]. *Консервативный путь* развития связан с укреплением сырьевой специализации России на мировом рынке: масштабной разработкой новых месторождений, развитием энергоемких производств, импортом технологий, строительством электростанций, прокладкой новых трубопроводов. В *инновационном сценарии* экономика меняет опору: наряду с модернизацией энергосырьевого комплекса растет доля высокотехнологичных отраслей. В последнем случае

ресурсы перераспределяются в пользу образования, здравоохранения, науки, информатизации, а также машиностроения и транспортной инфраструктуры. В результате к 2030 г. в структуре экономики доля «экономики знаний», машиностроения и телекоммуникаций возрастает с 11 до 20%, а доля ТЭКа, наоборот, снижается с 20 до 10% [там же].

Формула бюджетного маневра консервативного сценария – плюс 1% ВВП на здравоохранение и образование, плюс 0,8% ВВП на оборону и безопасность и минус 0,5% ВВП на экономику. При инновационном сценарии расходы государства на здравоохранение, образование и науку растут на 2% ВВП, на экономику – на 0,5% ВВП, на оборону и безопасность – на 1% ВВП (все – до 2020 г.). Консервативный вариант – это «жизнь по средствам» с бездефицитным бюджетом, начиная с 2015 г. Но при этом предвыборные обещания В.В. Путина могут быть выполнены только в отношении половины бюджетников, денежное довольствие военнослужащих к 2030 г. возвращается на дореформенный уровень, госпрограмму вооружений в 22 трлн. руб. придется сокращать, а также смириться с ростом неравенства доходов столицы и регионов. В инновационном сценарии дефицит бюджета вплоть до 2030 г. будет составлять 1,5–2% ВВП, а госдолг вырастет до 25% ВВП. Различается и траектория роста: в среднем на 4,4% в год при инновационном развитии или на 3,5–3,6% – при консервативном. В первом случае Россия увеличивает свою долю в мировом ВВП с 3 до 3,7% к 2030 г., во втором темпы ее роста практически совпадают с мировыми [там же].

Как следует из всех прогнозов, долгосрочная перспектива развития России во многом определяется выбранными направлениями государственной политики, способностью государства решать накопившиеся проблемы и адекватно реагировать на изменение внешних и внутренних условий.

Альтернативы макроэкономической политики

Как следует из таблицы 1, только одно ограничение экономики России – слабые институты – не имеет никакого противовеса. Представляется логичным, что государственная политика должна включать использование существующих преимуществ и минимизацию имеющихся ограничений. Например, ее направлениями могли бы быть совершенствование институтов и ориентация на внутренний рынок. Но многие, в том числе авторы «Страте-

гии-2020», придерживаются других взглядов. Исходя из разных теоретико-идеологических представлений, выстраиваются различные траектории развития страны и соответствующие им государственные политики, значительно различающиеся макроэкономическими параметрами. Расхождения особенно заметны по следующим направлениям.

Величина инфляции

Авторы «Стратегии-2020» считают целью достижение максимально возможных темпов роста экономики, а основную задачу правительства видят в снижении инфляции до 5% годовых [Стратегия-2020..., 2012, с. 24]. По мнению других специалистов, нереалистично одновременно ставить такие задачи [Акаев А. А., 2012, с. 101].

Согласно приводимым в «Стратегии-2020» данным, в настоящее время «рост спроса в экономике на 55% покрывается ростом цен, на 25% – ростом импорта и лишь на 20% – ростом предложения со стороны отечественных предприятий» [Стратегия-2020..., 2012, с. 13]. Очевидно, что в этих условиях, ставя задачу снижения инфляции, нужно учитывать реакцию спроса и импортного предложения. Ведь они изменяются значительно быстрее, чем предложение отечественных предприятий. Но возможные варианты развития событий в документе не рассматриваются. Кроме того, в нем не учитывается влияние на инфляцию изменения цен естественных монополий. Между тем снижение инфляции в первом полугодии 2012 г. до 3% годовых (из-за перенесения сроков индексации тарифов) более чем красноречиво свидетельствует о значимости этой связи.

Группа специалистов, возглавляемая Е.Г. Ясиным, считает, что позитивный сценарий развития России требует быстрого и резкого подавления инфляции – до 3% в течение 2–3 лет. А также повышения уровня инвестиций не менее чем до 25% ВВП за счет активного привлечения прямых иностранных инвестиций, ограничения темпов роста удельных трудовых издержек [Акиндинова Н.В. и др., 2011, с. 57–58].

По мнению А.А. Акаева, в России установилась умеренная равновесная инфляция, соответствующая структуре и состоянию экономики. Согласно проведенным расчетам, в среднесрочном плане она естественным образом выйдет на уровень 4–5% годовых [Акаев А.А., 2012, с. 108]. Российская инфляция в значительной

мере носит немонитарный характер – это инфляция издержек, для снижения которой требуется модернизация экономики, обновление основных средств производства, сокращение издержек в естественных монополиях и пр. Поэтому нет необходимости ужесточать денежно-кредитную политику. Напротив, увеличение денежной базы интенсифицирует процесс накопления финансовых ресурсов, что, в свою очередь, стимулирует инвестиционную активность и экономический рост. Современный уровень монетизации российской экономики составляет примерно 40% ВВП, а в развитых европейских странах – 60–80%. Соответственно ЦБ РФ должен планомерно расширять денежное предложение на 30–40% ежегодно, как и в предыдущем десятилетии.

Инфляция 7–9% годовых в ближайшие годы приемлема для выхода на темпы экономического роста 6–8% в год, считает В.М. Полтерович. Он приводит результаты эмпирических исследований, согласно которым оптимальное значение инфляции для развивающихся стран выше, чем для развитых, и находится в районе 6–10% в год. В. Сенчагов полагает допустимой инфляцию до 15% годовых, так как в большинстве стран с развивающимся рынком рост денежной массы опережает повышение цен не на 3–4%, как полагал М. Фридман, для развитых стран, а на 20–30%, как в России. Важно, чтобы годовая инфляция не превышала 9–10% – это пороговое значение для российской экономики, ниже его финансовая система проявляет повышенную склонность к кредитованию товаропроизводителей [там же, с. 108].

Допустимый уровень бюджетного дефицита

По мнению И.И. Шувалова, ради модернизации экономики можно пожертвовать идеей бездефицитного бюджета. Хотя «модернизационный» дефицит должен действовать лишь «короткое время» и не следует создавать «длинных» дефицитов бюджета. О том, что следование жестким бюджетным ограничениям не позволит перейти на новую модель экономического роста в РФ, заявляет заместитель министра экономического развития России А.Н. Клепач. Он подчеркивает, что не нужно отождествлять финансовую устойчивость с бездефицитным бюджетом [И. Шувалов: Модернизация..., 2012].

Резко выступает против увеличения расходов бюджета бывший глава Минфина РФ А.Л. Кудрин. Он указывает, что дефицит нефтегазового бюджета в 2012 г. уже достиг 12%, а это – «уро-

вень дефицита Греции». Дальнейшее увеличение дефицита бюджета представляет собой серьезную угрозу макроэкономической стабильности в России [Россия и мир: в поисках..., 2011; И. Шувалов: Модернизация..., 2012].

С. Журавлев и А. Ивантер путем компьютерного моделирования показали, что дефицит 2% ВВП для России не опасен с точки зрения попадания в долговую ловушку [Акаев А.А., 2012, с. 111]. Главное – нужно научиться эффективно тратить государственные средства, а не просто их сохранять. Но это невозможно без снижения уровня коррупции.

Институциональные изменения

Ряд специалистов настаивает, что построение новой модели экономического роста в России невозможно без повышения эффективности государственного аппарата, воссоздания разрушенных в последние годы институтов и резкого улучшения на этой основе инвестиционного климата. Для того чтобы отойти от инерционного сценария, нужно немедленно начать модернизационные институциональные реформы. Без пусть слабых, но работающих институтов экономика России обречена на сохранение своего сегодняшнего состояния, на усиление застойных тенденций и, как следствие этого, на постепенное нарастание экономического дисбаланса и социально-политической напряженности [Акиндинова Н.В. и др., 2011, с. 74].

Другие напоминают, что «демократизация без обеспечения законности и правопорядка плохо сказывается на экономической динамике, а иногда ведет к спаду производства» [Массовые..., 2012, с. 155]. Кардинальные институциональные преобразования (демократизация) в условиях социально-экономического кризиса привели к развалу СССР. По мнению В.М. Полтеровича, институты целесообразно улучшать в процессе экономического роста, т.е. надо начинать с его ускорения [Акаев А.А., 2012, с. 103, 107].

В подготовленном Правительством РФ проекте государственного бюджета на 2013 г. некоторые предложения, выдвигаемые экспертным сообществом, учтены, в том числе увеличены средства на образование и здравоохранение; нефтегазовый дефицит снижен до 10,6%. Утверждено бюджетное правило расходования нефтегазовых доходов и постепенный переход к использованию при составлении бюджета средних за десять лет цен на нефть [На образование и..., 2012]. В Бюджетном послании Президент В.В. Путин

признал необходимость разработки долгосрочной бюджетной стратегии и программного принципа составления бюджета [О бюджетной политике..., 2012].

Ряд экспертов оценивают ориентацию представленного проекта бюджета как продолжение предыдущей политики В.В. Путина: осторожной (консервативно-либеральной) и социально ориентированной. По мнению других, его действия в экономике по-прежнему будут хаотичными, в стиле «ручного управления» применительно к текущему моменту. Третьи считают, что В.В. Путин будет стараться сохранить «окно возможностей», готовясь как к худшему развитию событий, так и к использованию возникающих благоприятных обстоятельств. По словам М. Хазина, принципиальным в настоящий момент является выбор сценария для политического курса России – продолжение либеральных реформ или начало их свертывания. Это решение придется принимать В.В. Путину именно в этом году, ждать больше просто невозможно. Другое дело, что реализовывать его можно будет и чуть позже. Впрочем, чем дольше будет затяжка, тем сложнее и жестче нужно будет действовать [Хазин М., 2012].

Насколько оправдаются ожидания и оценки экспертов – покажет будущее. Очевидным является противоречивость краткосрочных и долгосрочных ориентиров развития России. С одной стороны, ожидание нарастания кризисных явлений в мировой экономике, к которым страна не очень хорошо готова. Хотя в правительстве идет работа над сценарием действий в условиях «второй волны» кризиса и снижения цены нефти до 60 долл. за баррель. С другой стороны, необходимость решать существующие в социально-экономической сфере многочисленные острые проблемы в условиях ограниченности прежних источников роста и необходимости перехода на новую модель развития. Все это требует тщательно продуманной, комплексной, последовательной и решительной государственной политики, основанной на адекватной оценке современного состояния экономики страны, ее причин и следствий, существующих взаимосвязей. Но, хотя проблемы отечественной экономики хорошо известны, нет единодушия в направлениях их решения. И в этом заключается еще один, если не главный, риск для устойчивого поступательного развития страны.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Экономика России на распутье: выбор посткризисного пространства. – М.: Астрель: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. – 379 с.
2. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 4. – С. 97–116.
3. Акиндинова Н.В., Алексашенко С.В., Ясин Е.Г. Сценарии и альтернативы макроэкономической политики: Доклад / Высш. шк. экономики – Нац. исслед. ун-т и др. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011. – 74 с.
4. Арсюхин Е., Арабов П. Промышленность на голом энтузиазме // Известия. Экономика. – М., – 09.12.2010. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/369006>
5. Бакалов А. Всемирный банк повысил прогноз роста экономики России // KM.RU. Бизнес и финансы. – 13.06.2012. – Режим доступа: <http://km.ru/bizness-i-finansy/2012/06/13/vsemirnyi-bank/vsemirnyi-bank-povysil-prognoz-rosta-ekonomy-Rossie>
6. Вардуть Н. Ствол у виска // Профиль. – М., 2012. – № 1. – С. 26–27.
7. Вардуть Н. Паранормальные явления // Профиль. – М., 2012. – № 3. – С. 28–29.
8. Вардуть Н. Загадка Набиуллиной // Профиль. – М., 2012. – № 11. – С. 36–37.
9. Вардуть Н. Угрозы из прогноза // Профиль. – М., 2012. – № 13. – С. 32–33.
10. Гринберг Р.С., Оболенский В.П. Присоединение России к ВТО: pro et contra / Ин-т экономики РАН. – М., 2011. – 38 с.
11. XXI век: новые процессы и явления в экономике мира и России / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина и др. – М.; Тамбов, 2011. – Кн. 1: Хозяйственное переустройство современного мира и России; Институциональные преобразования в трансформируемых экономиках / Науч. ред.: Гришин В.И. и др. – 570 с.
12. Докучаев Д. Год низкого роста // NEWSRU.COM. Авторские колонки. – 14.03.2012. – Режим доступа: http://www.newsru.com/columnists/14_mar2012/dokuchaev.html
13. Долгосрочное развитие экономики России: сценарии и прогнозы до 2030 г. / Белоусов Д.Р., Апокин А.Ю., Пенухина Е.А. и др.; Центр макроэк. анализа и краткосроч. прогнозирования, Моск. междунар. высш. шк. бизнеса «МИРБИС» (Ин-т). – М., 2010. – 147 с.
14. И. Шувалов: Модернизация экономики важнее бездефицитного бюджета // РБК. Экономика. – 21.06.2012. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/21/06/2012/656095.shtml>
15. Массовые протесты в Москве: взгляд экономистов // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 3. – С. 148–158.
16. Мельникова Л.В. Перспективы роста российской экономики в действующих долгосрочных прогнозах // ЭКО. Прогнозы в мире перемен. – Новосибирск, 2011. – № 12. – С. 48–62.

17. Модернизация российской экономики: структурный потенциал / Куренков Ю.В., Петров В.К., Кондратьев В.Б. и др.; Отв. ред.: Иванова Н.И.; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М., 2010. – 228 с.
18. На образование и здравоохранение в 2013 г. выделяют более трлн. руб. // Грозный. БезформатаRU. Главные новости. – 10.07.2012. – Режим доступа: <http://groznyy.bezformata.ru/listnews/videlyat-bolee-1-trin-rub/5291247>
19. Обретение будущего: Стратегия 2012: Конспект / Гонтмахер Е.Ш., Денисенко М.Б., Зубаревич Н.В. и др.; Ин-т совр. развития. – М.: Экон-информ, 2011. – 95 с.
20. О бюджетной политике в 2013–2015 гг. // Бюджетное послание Президента РФ. – М., 2012. – Режим доступа: <http://президент.рф/документы/15786>
21. Орехин П. Выгнать из БРИКСа! // Профиль. – М., 2012. – № 13. – С. 34–36.
22. Пехтерева Е.А. Инновационная экономика России: Новые возможности роста // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 1: Экономический рост в России: Глобальный контекст / Ред.-сост. вып. Г.В. Семеко. – С. 109–135.
23. Поддержка роста и снижение рисков // Доклад об экономике России / Всемирный банк в России. – М., 2012. – № 27. – 44 с. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/ter-27-march2012-rus.pdf>
24. Пономаренко Н. Новый век – новая индустриализация / Госбук. Сообщество. Модернизация экономики и технологическое развитие промышленности. Блоги. – М., 2011. – 20.05. – Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/23868>
25. Почему производительность труда в России такая низкая // XPressa.ru. – 14.05.2009. – Режим доступа: http://www.xpressa.ru/translates/516-pochemu_proizvoditelnost_truda_v_rossii_takya.html
26. Правительству предлагается выбрать несовместимое: быть России энергетической сверхдержавой или «экономикой знаний» // NEWSRU.COM. Финансы. – 16.04.2012. – Режим доступа: http://www.newsru.com/finance/16apr2012/mer_prognos.html
27. Проблемы развития рыночной экономики / Петраков Н.Я., Цветков В.А., Соловьёва С.В. и др.; Под ред. Цветкова В.А.; РАН. Ин-т пробл. рынка. – М., 2011. – 279 с.
28. Производительность труда в 2010 г. // Вести. Экономика. Инфографика. Россия в цифрах. – 06.03.2012. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/infographics/687>
29. Пытин Д. Самые инвестиционно привлекательные страны // РБК. Рейтинги. Макроэкономика. – 14.07.2011. – Режим доступа: <http://www.rating.rbk.ru/articles.shtml>
30. Решетникова Е. Стратегия вместо политики // Российская газета – Промышленное обозрение. – М., 2011. – № 822 (40). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/08/strategia.html>

31. Россия в многообразии цивилизаций / Шмелёв Н.П., Журкин В.В., Иванов И.Д. и др.; Под ред. Шмелёва Н.П.; РАН. Ин-т Европы. – М.: Весь мир, 2011. – 889 с.
32. Россия – 2010: российские трансформации в контексте мирового развития / Барановский В.Г., Головин М.Ю., Гонтмахер Е.Ш. и др.; Предисл. Горбачёва М.С. – М.: Логос, 2010. – 308 с.
33. Россия и мир: в поисках инновационной стратегии: Гайдаровский форум – 2011: Материалы международной научно-практической конференции, 16–19 марта 2011 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ и др. – М.: Дело, 2011. – 447 с.
34. Рост рисков и неопределенности: Доклад об экономике России / Всемирный банк в России. – М., 2011. – № 26. – 29 с. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/worldbank/2011/26/RER26_RUS.pdf
35. Рязанов В.Т. Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. – СПб., 2011. – № 4. – С. 149–176.
36. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. и др. – М.: Науч. мир, 2011. – 189 с.
37. Семёко Г.В. Мировая экономическая динамика и экономика России в начале XXI в. // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 1: Экономический рост в России: Глобальный контекст / Ред.-сост. вып. Г.В. Семёко. – С. 52–80.
38. Снижение численности населения и падение цен на нефть – благо для России // Финмаркет RU. – 26.06.2012. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/z/nwz/hotnews.asp>
39. Соколовская М. Однажды в 2050 году // Профиль. – М., 2012. – № 3. – С. 30–32.
40. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>
41. Федеральная служба государственной статистики: Официальная статистическая информация. Демография. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wsw/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>
42. Хазин М. Прогноз для России на 2012 г. // Мировой экономический кризис. Хроники и комментарии. – 08.04.2012. – Режим доступа: <http://www.worldcrisis.ru/crisis/966855>
43. Чувакина В.С. Новая индустриальная модернизация и повышение конкурентоспособности российской экономики // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 3. – С. 84–87.
44. Экономическая доктрина Российской Федерации (макет-проект). – М.: Научный эксперт, 2008. – 360 с.

45. Drobychevsky S. Challenges of post-crisis economic policy in Russia // CASE Network E-brief. – Varshava, 2010. – March. – Mode of access: www.case-research.eu/upload/publicacia_plik/28413969_E-Brief-Drobychevsky%2004.2010.pdf
46. Fraser I., Harrington A. Economy 2011: The year ahead – Russia's prospects and problems // QFINANCE. Home. Blogs. – 06.01.2011. – Mode of access: <http://www.qfinance.com/blogs/ianfraserand-antonyharrington/2011/01/06/2011-the-year-ahead>
47. Perey G. How the Kremlin will resolve Russian economic structural problems // Neftegaz.ru. Economy and Finance. – M., 2010. – 07.05. – Mode of access: <http://www.neftgaz.ru/analisis/view/7491>

И.Ю. Жилина

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НУЖНА РОССИИ?

*Направо пойдешь – коня потеряешь,
прямо пойдешь – голову потеряешь,
налево пойдешь – и коня и голову
потеряешь*

Русская народная сказка.

Оценка современного состояния отечественной экономики

Второго января 2012 г. экономическим реформам в России исполнилось 20 лет. На протяжении этого периода основные направления государственной политики неоднократно корректировались и менялись.

Ситуация 1990-х годов определялась разрушением советской плановой системы и закладыванием основ рыночной. Главным лозунгом первого десятилетия нового века сначала были «стабилизация» (первый и второй сроки президентства В.В. Путина), как противопоставление бурным процессам 1990-х годов, а затем – «модернизация» (президентство Д.А. Медведева). Но если российскую экономику удалось в целом стабилизировать (правда, не без помощи высоких цен на энергоносители), то объявленное направление на модернизацию не было реализовано. В 2009 г. российское правительство также реализовало антикризисные мероприятия, потратив на это не менее 2,112 трлн. руб., или 5,4% ВВП 2009 г. [Акиндинова Н.В. и др., 2011].

Но результаты реформ мало кого удовлетворяют, и они далеки от декларируемых целей. Общие итоги 20-летнего развития малоутешительны: страна ушла от плановой экономики, заплатив за это деиндустриализацией, выпадением из когорты развитых

стран и дрейфом в сторону периферийных государств – поставщиков сырья для мировых экономик.

Российская экономика фактически вернулась в доиндустриальную эпоху. Доля обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости упала с 22% до 16, доля машиностроения – с 9 до 1%. Кроме того, если в 1990 г. 44% экспорта приходилось на обрабатывающую промышленность и 10% – на машиностроение, то к 2010 г. их доли сократились соответственно до 22 и 6% [Пономаренко Н., 2011]. В то же время импорт машин и оборудования вырос с 31,4% в 2000 до 51,5% в 2009 г. [Чувакина В.С., 2011, с. 85–86]. По оценкам специалистов РАН, сегодня российская экономика в основном функционирует в рамках IV технологического уклада (ТУ) с элементами пятого, хотя и обладает потенциалом для завершения перехода к V ТУ с одновременным завоеванием ниш (10–15% мирового рынка) в рамках VI технологического уклада [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012].

По оценкам экспертов, деиндустриализация экономики России является результатом бессистемного реформирования экономики на основе принципов «Вашингтонского консенсуса» (последовательное дерегулирование хозяйственной деятельности, приватизация госпредприятий, рестриктивная финансово-кредитная политика) при сохранении раздутого, неэффективного и коррумпированного госаппарата, высоких налогов на доходы от труда и капитала, административных методов «ручного управления» [О стратегии развития..., 2011, с. 19]. Неслучайно, члены Фонда «Реформа» (Л. Абалкин, С. Асекритов, В. Бакатин, С. Фатеев, С. Шаталин) еще осенью 1994 г. писали о том, что спад производства, деиндустриализация страны имманентно присущи выбранному властями курсу и в его рамках не могут быть преодолены [Основные тенденции..., 1994].

Особую роль в этом процессе сыграла приватизация, отличавшаяся рядом особенностей по сравнению с аналогичными процессами в других странах [Разуваева Н.Н., 2009]. Анализ итогов приватизации, проведенный Счетной палатой России, показал, что она «была проведена по худшему варианту из всех европейских стран». «В итоге более 60% промышленного потенциала страны оказалось за бортом, многие предприятия были обанкрочены, потеряли инженерный корпус. Вторая в мире советская экономика упала почти на сто позиций» [Степашин: Чубайс честно..., 2012]. Вместо передовых отраслей в российской индустрии усилились более примитивные сырьевые, поскольку их продукция пользова-

лась спросом за рубежом [Трейвиш А.И., 2002, с. 23]. В то же время у новых собственников не возникало мотивов легального развития предприятий, приватизированных с помощью подкупа чиновников по многократно заниженной цене. Кроме того, реформы сопровождались колоссальными потерями накопленных знаний. Приватизационная кампания привела к фактическому уничтожению прикладной науки, а более чем десятикратное сокращение расходов на НИОКР в 1990-е годы повлекло обесценивание имеющегося в стране запаса знаний [Глазьев С.Ю., 2012].

Хотя в результате приватизации в России действительно изменилась форма собственности, такие деклариовавшиеся цели, как создание широкого слоя эффективных частных собственников, повышение эффективности предприятий и их конкурентоспособности на мировом и отечественном рынке, достигнуты не были [Коптев В.И., 2010]. Катастрофический экономический результат российской приватизации объясняется тем, что ее организаторы не ставили задачу получения достаточных средств для модернизации предприятий и отраслей, повышения эффективности управления. Они преследовали иные, политические цели – быстрое создание слоя частных собственников, которые могли бы стать опорой нового строя и нового политического режима [Разуваева Н.Н., 2009, с. 59; Степашин: Чубайс честно..., 2012].

И в фазе восстановительного экономического подъема страны (1999–2007) не удалось решить задачу структурного разворота экономики [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012; Рязанов В.Т., 2011, с. 158]. Эксперты весьма жестко оценивают деятельность властей по реформированию. Стабильность страны «куплена за нефтедоллары и подстрахована “подушкой безопасности”, надутой из тех же источников. Кризис показал, насколько этот запас спокойствия ненадежен и как мало от нас зависит» [Обретение будущего..., 2011, с. 11].

Далеки от оптимизма и оценки ситуации населением России. По данным социологических опросов, большинство опрошенных (около 60%) считают, что вектор развития, избранный после крушения СССР, в целом верен, и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Однако около 40% убеждены, что путь, по которому идет современная Россия, тупиковый. А 54% полагают, что экономика России потеряла динамизм, и ее отставание от ведущих держав мира будет только нарастать [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2011].

Главный вывод прошедшего периода заключается в том, что сырьевая модель, обеспечивавшая стабильность последнего десятилетия, становится тормозом для развития, порождает застой в экономике и низкую производительность трудовых ресурсов; монополизацию и отсутствие конкуренции; рост иждивенческих настроений в социальной сфере; высокий уровень бюрократизации и коррупции; отсутствие интереса к развитию, приоритет фискальных принципов при принятии государственных решений; диктат принципа «свой-чужой» в кадровой, инвестиционной и других сегментах государственной политики. Сегодня мы теряем капитал, инвесторов, людей, технологии, квалификации [План «Новая..», 2011]. Низкие темпы роста ВВП (не более 4% в год) недостаточны для решения задач, стоящих перед Россией. А действующая модель не может уже обеспечить увеличения темпов роста экономики страны.

Судя по заявлениям руководителей государства, политическая элита также осознает бесперспективность сырьевой модели экономики. Выступая на VII Ежегодном бизнес-форуме «Деловой России» в мае 2011 г., В.В. Путин признал, что сырьевая модель экономики исчерпала себя, она «не только ставит нас на низшие позиции в мировом разделении труда, главное – она не дает нам выйти на новую ступень в развитии человеческого капитала, добиться стандартов XXI века» [Выступление.., 2011]. Идея о необходимости формирования новой экономики с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг и с эффективным сельским хозяйством, работающей на современной технологической базе и способной к качественному росту в условиях жесткой конкуренции, содержится также в одной из программных статей В.В. Путина, опубликованной в ходе президентской кампании, и в его выступлении в Государственной думе в апреле 2012 г. [Путин В.В. О наших.., 2012; Стенограмма.., 2012]. Согласен с данной позицией и Д.А. Медведев, заявивший в ноябре 2011 г., что наша задача – «всемерно развивать промышленность, развивать реальный сектор, если хотите, провести новую индустриализацию, но только на принципиально иных началах, чем это было, например, в 30-е годы» [Вершинин П., 2011].

Россия сейчас снова находится на распутье, выбирая направление дальнейшего развития [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012]. Признание В.В. Путиным факта масштабной деиндустриализации страны, потери качества и тотального упрощения структуры производства, а также поддержка предложенной «Деловой Россией»

концепции¹ новой индустриализации² страны позволяют надеяться на то, что политическая элита, наконец, перейдет от слов к делу. И России, возможно, удастся уйти от сырьевой модели экономики.

Экономические модели для России

В отечественном научном сообществе существуют различные точки зрения по поводу стратегий развития России, в том числе:

- стратегия интерактивной модернизации В.М. Полтеровича;
- стратегия опережающего развития С.Ю. Глазьева;
- стратегия Р.И. Нигматулина о сбалансированной экономике и стимулировании внутреннего спроса;
- стратегия инновационно-технологического прорыва А.А. Акаева;
- Стратегия-2020 «Новая модель роста – новая социальная политика» (В.А. Мау, Я.И. Кузьминов, Е.Г. Ясин и др.);
- Экономическая доктрина РФ Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (С.С. Сулакшин и др.).

Основные разногласия между специалистами возникают по следующим вопросам [Акаев А.А., 2012, с. 107]:

- что важнее в первую очередь: ускорение темпов роста экономики или снижение инфляции;
- с чего начинать: с улучшения институтов (институциональная модернизация) или стимулирования экономического роста (технологическая модернизация);
- на какой спрос надо ориентироваться: внутренний или внешний;
- какая модернизация больше подходит России: экспорто-ориентированная или импортозамещающая, догоняющая или про-рывная.

Сегодня экспертное сообщество предлагает две основные концепции построения новой экономической модели: формирование постиндустриального общества и новая индустриализация. Это два разных сценария развития страны, и, соответственно, две раз-

¹ Концепция новой индустриализации «Несырьевая модель социального государства» или «Новая индустриализация» (Концепция 25х25) была предложена на VII Ежегодном бизнес-форуме «Деловой России» в 2011 г. [План «Новая индустриализация», 2011].

² В качестве синонимов термина «новая индустриализация» часто используются термины «неоиндустриализация» и «реиндустриализация».

личные стратегии экономической политики. Формирование постиндустриального общества требует максимальной свободы предпринимательства, конкуренции, опоры в большей степени на малый и средний бизнес, чем на крупные корпорации. Этот сценарий предполагает намного более жесткую борьбу с коррупцией, сохранение низкой инфляции. В такой ситуации решающую роль будут играть система защиты прав собственности и качество судебной системы.

При ориентации на реиндустриализацию необходимо создать хорошие условия для крупных российских и иностранных компаний. Вероятно, предпочтительнее сохранить больше госсобственности, чтобы своими силами влиять на индустриальную политику. Возможно, следует максимально наращивать институты развития, чтобы они помогали этой новой индустриализации.

Многое зависит от того, насколько открытой останется Россия. При первом варианте политики открытость важнее, чем при втором [Гайдаровский форум-2012..., с. 34–35].

Постиндустриальный сценарий

Наиболее полно концепция перехода к постиндустриальному обществу представлена в обновленной Стратегии-2020 [Стратегия-2020..., 2012].

Авторы данного документа видят задачу страны в выходе «на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества» [там же, с. 3]. Основой его экономики являются сервисные отрасли и отрасли, обеспечивающие развитие человеческого капитала (образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, «экономика впечатлений» и т.д.). Ключевым условием формирования в РФ новой модели экономического роста является переход от «экономики спроса» к «экономике предложения»¹. Эта задача может

¹ Такая модель подразумевает опору в основном на частный бизнес, для которого приоритетом при прочих равных условиях является снижение или, во всяком случае, неувеличение налогов. Что касается социальных расходов, то они хотя и могут обеспечить дополнительный спрос, но рассматриваются как инфляционные. Главное при переходе на модель «экономики предложения» – уменьшение госрасходов и налогов при повышении эффективности бюджетных трат, низкая инфляция, низкие процентные ставки.

быть реализована при темпах экономического роста не менее 5% в год, а также низкой инфляции [там же].

В Стратегии-2020 предлагаются конкретные меры, обеспечивающие формирование макроэкономических условий для мобилизации внутренних инвестиций и повышения доступности внутреннего кредита; оптимизацию и стабилизацию бюджетных расходов и налоговой нагрузки; повышение эффективности внутреннего рынка (за счет повышения уровня конкуренции, роста деловой активности, сокращения государственного и монопольного секторов); повышение эффективности рынка труда; поддержание и использование конкурентных преимуществ в сфере человеческого капитала и новой социальной политики; развитие международной интеграции, диверсификация экспорта; оптимизацию стратегий пространственного развития.

Новой экономической модели роста соответствует новая социальная политика, которая, по замыслу авторов документа, должна быть направлена не столько на поддержку малообеспеченных слоев населения, сколько учитывать интересы растущего среднего класса, способного реализовать потенциал инновационного развития, выбирать модели трудового поведения и потребления. Именно этот креативный класс, создающий и потребляющий инновационную продукцию, обеспечит, по их мнению, решающие конкурентные преимущества в соревновании экономик XXI в. [там же, с. 4–5].

Однако разработанный документ вызвал много критики. Специалисты, разделяющие идеологические ориентиры разработчиков Стратегии-2020, упрекают их в отсутствии в документе политического раздела, без которого «это просто 800-страничный документ, который будет лежать в кабинетах» [Самедова Е., 2012]. А их оппоненты, признавая профессионализм авторов и наличие в документе интересных предложений, которые могут быть востребованы, отмечают, что она является своего рода реинкарнацией программы гайдаровского правительства. Она строится на идеях «Вашингтонского консенсуса», и в ней представлена только идеология рыночного фундаментализма, хотя в России есть и другие экономические школы [Стратегию-2020 мог бы..., 2012; Самедова Е., 2012].

Ряд специалистов считают ложной и демагогической ориентацию на постиндустриальную экономику. России нужно идти не в постиндустриальное общество, а восстановить «экономику сегодняшнего дня» и провести новую индустриализацию [Стратегия-2020. Неужели правительство..., 2012; В. Иноземцев: Политическая..., 2012]. Необоснованной и бесперспективной целью они

называют и движение от «экономики спроса» к «экономике предложения». В реальных российских условиях исходным пунктом оздоровления экономики является развитие потребительского комплекса. Средства следует вкладывать в те подразделения, где этот спрос существует постоянно и никогда не исчезнет (питание, одежда и обувь, медикаменты, жилье, транспорт, в том числе автомобилестроение). Именно этот набор должен стать приоритетом государственной политики. Новинки XXI в. не приживутся в экономике, которая не решила задачи XIX в. [Стратегия-2020. Неужели правительство..., 2012; Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П., 2012].

Кроме того, отмечается достаточно противоречивый характер документа: выдвигаемые предложения не всегда следуют из аналитической части, не все факторы, влияющие на развитие, учитываются. Вообще не рассматривается сельское хозяйство и академический сектор науки, как будто этих сфер деятельности в России и не существует.

Весьма критически оценивают оппоненты «Стратегии-2020» и требование ограничить роль государства как регулятора экономики и как собственника части средств производства. В этом случае едва ли удастся радикально изменить структуру российской экономики. Двадцатилетний опыт показывает, что рынок сам не может решить эту задачу [Примаков Е.М., 2012].

Предлагая фактически «перескочить» из сырьевой экономики в экономику постиндустриального общества, разработчики «Стратегии-2020» игнорируют роль промышленности в процессе этого перехода. Однако именно промышленность, особенно машиностроение, формирует спрос на инновации, обеспечивает повышение конкурентоспособности экономики, дает большой мультипликативный эффект: одно рабочее место в машиностроении создает семь рабочих мест в других секторах [Решетникова Е., 2011].

Объясняя позицию авторов «Стратегии-2020» по этому вопросу, один из руководителей экспертной группы Я.И. Кузьминов заявил, что «уклон» в сторону сервисной экономики вполне закономерен. По оценкам экспертов, к 2050 г. доля услуг составит более 50% мирового ВВП, а доля обрабатывающей промышленности может снизиться до 5%. По его мнению, «экономика будет настолько другая, что сейчас это трудно представить». Неважно, заявил он, где будут применяться инновации, главное, чтобы были люди, способные их генерировать. В то же время он признает, что полный отказ от промышленности был бы вреден для экономики. Но поскольку количество ресурсов в стране ограничено, вклады-

вать средства следует не во «вчерашний» день, например в электронную промышленность, а в такие ключевые сферы как дороги, образование и здравоохранение. «В остальных секторах пусть рискуют капиталисты со своими деньгами, а государство гарантирует им прозрачные правила игры и защиту прав собственности» [Серёгин О., 2012].

По-видимому, сторонники постиндустриального перехода не учитывают, что сегодня постиндустриальные страны, в первую очередь США и Великобритания, «испытывают явный дискомфорт». В сложном положении оказались также некоторые государства Европы (Ирландия, Испания, Италия и Греция), которых объединяет безразличное отношение к индустриальной политике и безответственное – к собственным финансам. «Эти страны... показывают остальным картину будущего, которое их ожидает, если тенденция к деиндустриализации возобладает» [Иноземцев В.Л., 2011, с. 92]. Кроме того, технологии, обеспечивающие лидерство развитым странам, не всегда создают в их экономиках «достаточно» добавленной стоимости. Америка, которая является и будет оставаться технологическим лидером еще длительное время, по экономическим характеристикам проигрывает Китаю, активно усваивающему созданные на Западе (даже не суперсовременные) инновации. Поэтому, хотя постиндустриальные отрасли находятся на острие технологического развития, их приоритет не может трансформироваться в устойчивое геополитическое и экономическое преимущество. И это пока далеко не все осознают [В. Иноземцев: Политическая..., 2012].

По мнению некоторых экспертов, модель экспортоориентированного развития исчерпала себя. Даже Китай, уже ставший «фабрикой мира», сегодня прилагает огромные усилия для стимулирования внутреннего спроса и частичной переориентации экономики на внутренний рынок. России следует больше ориентироваться на внутренний спрос, чем на внешний, так как она занимает восьмое место в мире по размеру внутреннего рынка. В случае оперативного запуска программ импортозамещающей технологической модернизации темпы роста экономики России уже через два-три года могут повыситься до 5–6%, а через четыре-пять лет – до требуемых для удвоения душевого дохода 7–8% в год. Кроме того, это позволит диверсифицировать экономику, чтобы обеспечить ее устойчивое развитие в условиях падения цен на нефть и роста дефицита бюджета [Акаев А.А., 2012, с. 110].

Новая индустриализация

В России сложилась достаточно мощная «группа поддержки» как в экспертной среде, так и в бизнес-сообществе концепции новой индустриализации, альтернативной постиндустриальному переходу. Более того, необходимость новой индустриализации признана на обоих флангах политического спектра: и левом, и правом [Губанов С.С., 2011].

О необходимости сохранения промышленного производства на национальной территории свидетельствует опыт ряда европейских стран, особенно Германии (доля обрабатывающего сектора в ее экономике составляет 30%), которые смогли сохранить промышленное ядро. Современная Европа является одним из мощнейших промышленных центров мира. Она в 1,5–3 раза превосходит США по объему выпуска основных промышленных товаров – от автомобилей и индустриального оборудования до металлов, химических и фармацевтических товаров. При этом на востоке ЕС формируется новая индустриальная зона, куда (а не в Китай) перебрасывается часть промышленных мощностей из базовых стран Евросоюза. Такие страны, как Польша, которые были ориентированы на индустриальный тип экономики и на промышленный экспорт, смогли не только устоять в период мирового финансового кризиса, но и вырасти. Польша – единственная из стран Европейского союза в 2009 г. показала рост ВВП, который составил 1,7% [Клюка К.О., 2012, с. 4]. Успех европейцев в нынешних условиях означает и успех самой сбалансированной модели развития, сочетающей инновации с продвижением промышленности [Иноземцев В.Л., 2011, с. 95].

Сторонники новой индустриализации отводят основную роль в реализации этой стратегии государству. Рыночные механизмы, особенно когда речь идет о переходе от одного ТУ к другому, дают сбой, так как привычные направления инвестирования капитала перестают приносить прибыль и нарушается механизм его воспроизводства. Еще более радикальную позицию по вопросу о роли государства в процессе реиндустриализации занимает С.С. Губанов, трактующий неоиндустриализацию как вторую фазу индустриализации человеческого общества, в основе которой лежит автоматизация производительных сил. Разработанная им стратегия *вертикальной интеграции производственных и бизнес-процессов*, подразумевающая объединение в рамках крупных фирм всех последовательных стадий переработки и производства сырья

до вывода конечной продукции на рынок потребует усиления государственного контроля над стратегическими, инфраструктурными, рентными отраслями экономики [Губанов С.С., 2008].

Эксперты подчеркивают, что важно развернуть идею реиндустриализации в продуманную промышленную политику, которая может включать ориентацию в долгосрочной перспективе на частный малый и средний бизнес; финансирование в наибольших объемах сфер промышленности с высокой производительностью и значительной долей высокотехнологичной продукции; курс на экспортную активность промышленной продукции и на глобальный рынок; открытость для привлечения зарубежных прямых инвестиций («длинных денег»); налоговые льготы новым промышленным предприятиям, вплоть до введения «налоговых каникул».

В то же время, стратегии, которыми пытаются заменить промышленную политику, не согласованы между собой. Их реализация сводится, как правило, к выделению из федерального бюджета средств, а остальные меры стимулирования не применяются [Глазьев С.Ю., 2012; Примаков Е.М., 2012; Решетникова Е., 2011]. В связи с этим предлагается вместо «россыпи стратегий» различных отраслей и секторов экономики, не согласованных друг с другом, разработать и реализовать развитие пяти основных комплексов: транспортно-промышленного, оборонно-промышленного, АПК, включая смежные производства, жилищно-строительного и ТЭК, каждый из которых в своем развитии опирается на тот или иной крупный сегмент внутреннего и внешнего спроса [Белусов Д.Р., 2012].

Общепризнанно, что основными приоритетами новой индустриализации являются: обеспечение конкурентоспособности российской продукции на внутреннем и в отдельных нишах мирового рынка; эффективное использование энергетических и трудовых ресурсов; формирование новых центров роста, развитие которых не зависит непосредственно от неустойчивой конъюнктуры глобальных сырьевых рынков [там же]. Но в подходах к реализации концепции новой индустриализации просматриваются некоторые различия. Одни делают ставку на восстановление прежнего экономического цикла с технологической модернизацией уже существующих секторов, другие – на запуск нового экономического и технологического цикла, ориентацию преимущественно на технологии VI TY.

Сторонники первого подхода указывают, что в ходе преобразований экономики по либерально-монетаристскому варианту

произошло не только «сжатие» воспроизводства, но и его системная деформация, сделавшая невозможным осуществление даже простого воспроизводства как основных, так и оборотных фондов. Поэтому основной задачей новой индустриализации является создание механизма интенсивного роста, который в долгосрочной перспективе должен сформировать базу для устойчивого развития и стабильного подъема страны.

Реиндустриализация предполагает ускоренный рост инвестиций в основной капитал – в 1,5–2 раза быстрее роста ВВП в отдельные периоды, что подразумевает реализацию проинвестиционной налоговой политики: расширение изъятия ренты в газовой промышленности и металлургии (сейчас уровень изъятия в этих секторах – примерно по 40–45% против 85% в нефтяной отрасли), рост акцизов на табак с максимально возможным (в размере примерно половины доизымаемого) снижением социальных отчислений примерно до 23–24% в среднем и НДС примерно на 1 п.п.¹ основной ставки. Но в силу неустойчивости ренты как источника доходов бюджета чрезмерный «размен» роста изъятия ренты на снижение налогов опасен для бюджетной стабильности. Поэтому оставшуюся часть ренты целесообразно использовать для поддержки деятельности институтов развития, главным образом для предоставления дешевых длинных кредитов по приоритетным направлениям, прежде всего инфраструктурным [там же].

Приоритетом при этом является не вытеснение и замещение традиционных отраслей и производств агроиндустриальной экономики, а ориентация инновационного сектора на их технико-технологическое обновление. Начать же программу реализации курса на новую индустриализацию следует с наиболее развитых и высокотехнологичных на сегодняшний день отраслей промышленности, например атомной и авиационной [Рязанов В.Т., 2011, с. 172; Клюка К.О., 2012, с. 7].

Последовательно отстаивающий концепцию новой индустриализации В.Л. Иноземцев предлагает развивать промышленное производство со средней добавленной стоимостью, в частности энергетическое машиностроение и судостроение. Этим отраслям необходимо предоставить существенные преференции, оградить от безумий чиновничества, активнее привлекать инвестиции. На некоторое время России стоит превратиться в площадку для чужих производств и перенимания опыта [Принуждение к иннова-

¹ п.п. – процентный пункт.

циям..., 2009]. Условием развития, особенно в машиностроении, является концентрация производства на ограниченном количестве наиболее современных предприятий, обеспечивающая их нормальную загрузку. Это подразумевает реструктуризацию независимых или входящих в госхолдинги ФГУПов, т.е. создание нескольких концернов, интегрированных по продуктовому принципу и / или обладающих синергетическими эффектами по географическому принципу. Впоследствии эти холдинги могут быть приватизированы.

По отношению к производствам, не имеющим перспектив развития без масштабного государственного субсидирования, может проводиться политика «управляемого перепрофилирования» (заккрытие производств и их трансформация в «браунфилды»¹ с последующим привлечением инвесторов для создания нового производства). В этом случае необходимо тесное взаимодействие федерального центра (программа реструктуризации, переговоры со стратегическими инвесторами), регионов (развитие соответствующих кластеров, программы переобучения персонала) и частных инвесторов [Белоусов Д.Р., 2012].

Одним из наиболее стойких приверженцев модели экономического развития с опорой на прорыв в новый ТУ является С.Ю. Глазьев. По его мнению, любой уже сформировавшийся, достигший насыщения ТУ потребует все больших затрат и даст меньше прибыли, которая в конце концов станет отрицательной, в то время как лидеры научно-технической гонки наращивают превосходство. И вход в эту технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным. Производства же принципиально нового ТУ существенно менее затратны, чем предыдущего. Поэтому именно сейчас, когда траектории VI ТУ еще не сформировались и идет конкуренция альтернативных технологий, у России есть шанс захватить лидерство на перспективных направлениях становления нового ТУ и тем самым «оседлать» восходящие потоки новой длинной волны экономического роста [Глазьев С.Ю., 2009].

Этот подход также представлен в докладе, подготовленном группой известных российских ученых Секции экономики Отделения общественных наук РАН [О стратегии развития..., 2011]. Авторы доклада полагают, что глобальный структурный кризис дает странам, отставшим от лидеров глобальной экономики, реальный шанс для быстрого подъема к уровню развитых стран за счет опе-

¹ Приобретение старых заводских корпусов «годных к употреблению».

режающего развития ключевых производств и факторов нового ТУ. Ключевыми направлениями являются биотехнологии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы, а также отрасли, предъявляющие спрос на его продукцию (ракетно-космическая, авиационная, атомная промышленности, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, солнечная энергетика). По мнению авторов, заделы, имеющиеся в этих областях, дают России реальные возможности для опережающего развития нового ТУ и шансы на лидерство в соответствующих направлениях формирования новой длинной волны экономического роста. Становление нового ТУ будет сопровождаться интеллектуализацией производства, переходом к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. В новых условиях важнейшее значение приобретут научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также требования к качеству жизни и экологичности среды обитания. В структуре потребления доминирующее положение займут информационные, образовательные, медицинские услуги, что предопределяет повышение роли науки, образования и здравоохранения, являющимися базовыми отраслями нового ТУ.

В докладе анализируются макроэкономические условия успешного развития российской экономики, инструменты налогово-бюджетной, денежно-кредитной, антимонопольной и ценовой политики (снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, приоритетное выделение бюджетных ассигнований на поддержку критически значимых для становления нового ТУ государственных расходов, а также относительное и абсолютное увеличение расходов на здравоохранение, науку, образование, поддержку инвестиционной и инновационной активности, модернизацию инфраструктуры). В том числе признается, что требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе. Это предполагает повышение нормы накопления до 35–40% ВВП с ее концентрацией на прорывных направлениях глобального экономического роста. При этом инвестиции в развитие производств нового ТУ должны увеличиваться ежегодно не менее чем в 1,5 раза, доля расходов на НИОКР в ВВП – достигнуть 4% [там же, с. 5–6]. При этом увеличение финансирования следует концентрировать на

тех перспективных направлениях развития нового ТУ, в которых российские организации имеют конкурентные преимущества.

Одновременно авторы доклада предлагают ограничить свободу вывода капитала, особенно в нелегальных формах, задействовать некоторые резервы повышения бюджетных доходов за счет изменения правил расчета некоторых экспортных пошлин и налогов, введения налога на вывод капитала и валютнообменные операции и ряд других условий [там же, с. 11]. Пока же, констатируют авторы, средств у страны недостаточно. Подчеркивается, что реализация стратегии перехода к новому ТУ требует резкого повышения требований к управленческим кадрам, введения жестких механизмов ответственности за исполнение целевых показателей и соревновательности за достижение лучших результатов.

Авторы утверждают, что перевод экономики на инновационный путь развития и подъем инвестиционной активности должен и может произойти в течение 5–10 лет. А задачи модернизации экономики с достижением мирового уровня конкурентоспособности и технологического развития могут быть поэтапно реализованы в течение 15–20 лет, с получением первых значимых результатов технологической модернизации уже через 3–5 лет [там же, с. 3].

На данном этапе большинство экспертов признают, что реиндустриализация не означает «свертывания» сырьевого сектора в пользу обрабатывающей промышленности. Речь идет о переходе к новой модели экономической стратегии и политики, которая позволила бы значительно более эффективно использовать рентный ресурс для диверсификации экономики [Рязанов В.Т., 2011. с. 151]. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) должен превратиться в значимый наукоемкий и высокотехнологичный комплекс и одновременно стать генератором распространения инновационной волны по всему народному хозяйству [там же, с. 174]. Преобразованный ТЭК обеспечит расширение объема финансовых ресурсов, которые могут пойти на цели диверсификации. В настоящее время они используются не для целей структурной перестройки экономики РФ, а размещаются за рубежом, что означает не только их вывод из российской экономики, но и превращение в дотации иностранным потребителям российского сырья, укрепляя их конкурентные позиции. Российской финансовой системе эта политика обошлась прямой потерей 20–50 млрд. долл. в год только на разнице процентов, уходящих на поддержание американских финансовых пирамид [Рязанов В.Т., 2011, с. 174; Глазьев С.Ю. 2012; Клюка К.О., 2012, с. 8]. Более того, В.Л. Иноземцев утверждает, что энергетика

может стать одним из драйверов роста экономики при переориентации газовой отрасли на сжиженный газ и размещении российских танкеров во всех океанах, чтобы они могли в любой момент поставить этот газ туда, где он нужен [В. Иноземцев: Политическая..., 2012].

«Дорожная карта» новой индустриализации «Деловой России»

План «Деловой России» «Новая Индустриализация» (Концепция 25х25) ставит задачу создать к 2025 г. в конкурентном секторе экономики России 25 млн. современных рабочих мест с производительностью не менее 3 млн. руб. в год, в том числе в секторе предприятий, ориентирующихся на высокий внутренний спрос (импортозамещение), в традиционных высокотехнологичных российских отраслях (энерго-, атомном и других секторах машиностроения), на производствах по глубокой переработке российского сырья и ресурсоемких производствах, ориентированных в основном на экспорт, а также в сельском хозяйстве и жилищном строительстве, секторе «новой экономики» (медицина, образование, социальные услуги) и в секторе малого бизнеса [План «Новая...», 2011].

При этом в отличие от экспертного сообщества, рассматривающего в качестве главного направления реформ осуществление макроэкономических и институциональных изменений, «Деловая Россия» предлагает начать переход к новой конкурентной модели развития российской экономики «снизу», на базе проектного подхода. Апробация разработанной «Деловой Россией» «Дорожной карты» новой индустриализации предполагает осуществление 10–15 наиболее эффективных проектов федерального уровня, реализация которых дала бы толчок развитию соответствующих секторов в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, а также смежных отраслей экономики. Эти пилотные проекты позволяют выявить узкие места и общесистемные проблемы в экономике в целом и уже на основе полученного опыта выработать программу институциональных изменений.

Наиболее эффективным путем реализации пилотных проектов является создание кластеров федерального уровня, имеющих общесистемное значение и оказывающих влияние на экономику страны в целом. В отличие от отраслевого подхода, деформирующего экономику за счет лоббирования интересов отдельной отрасли или компании, кластеризация позволяет сформировать комплекс-

ный взгляд на государственную политику развития экономики страны и региона с учетом потенциала глобальных и региональных экономических субъектов. Основными кластерообразующими факторами являются ресурсы, технологии и наличие якорных компаний, а базовыми условиями для создания эффективных кластеров – географическая концентрация, специализация и множественность экономических агентов. Входящие в кластер предприятия одновременно сотрудничают и конкурируют друг с другом в рамках концепции «соопетITION», что позволяет сочетать преимущества частной инициативы, стремления к развитию и кооперации, снижающей издержки. Эффективность кластера в значительной мере зависит от функционирования системы взаимодействия государства, выступающего инициатором создания кластера и разработчиком пакета конкретных для каждого кластера мер поддержки, с бизнесом, действующим в конкретном кластере, а также от системы договорных обязательств с инвесторами. При этом прямое участие государства в финансировании проектов может даже помешать развитию кластера. Основная роль отводится государству в определении правил работы каждого кластера и в формировании органов его управления, контрактации управляющей компании, которая в оптимальном варианте должна быть частной и стимулированной на конечный результат.

Важным элементом новой модели государственного управления на переходном этапе реализации «дорожной карты» является отделение функции «управления развитием» от «управления текущим состоянием российской экономики». Поэтому «Деловая Россия» предлагает для реализации первого этапа «дорожной карты» создать новый орган – Администрацию развития, которая будет работать на принципах проектного управления, координировать процесс создания и управления набором кластерных проектов и отвечать перед правительством за выполнение «дорожной карты». Вместе с тем успех этих проектов во многом будет зависеть от эффективности управления экономикой страны в целом и реализации правительством общесистемных шагов [Дорожная карта., 2011].

Уже в ходе работы съезда «Деловой России» в декабре 2011 г. В.В. Путину были представлены первые пять проектов кластеров – Ульяновского авиационного территориально-отраслевого комплекса (ТОК), Ростовского ТОК сельскохозяйственного машиностроения, Томского образовательного ТОК, Винодельческого ТОК Северо-Кавказского федерального округа, Ярославского фармацевтического ТОК, которые планируется создать в рамках реали-

зации Концепции 25х25 [Владимиру Путину представили..., 2011]. В настоящее время работа по отбору перспективных проектов кластеров продолжается.

Удастся ли России создать новую экономическую модель?

Анализ моделей перехода к постиндустриальному обществу и новой индустриализации показывает, что, несмотря на различие идеологии, в них содержится некоторые сходные положения. Как подчеркнул в выступлении на Гайдаровском форуме И.И. Шувалов, реиндустриализация, провозглашаемая в статьях В.В. Путина и Е.М. Примакова, не противоречит постиндустриализации, проповедуемой экономистами В.А. Мау и Я.И. Кузьминовым. В той модели, которую описали члены экспертных групп, есть место для новой индустриальной политики. В реальной жизни, подтвердил А.В. Дворкович, эти концепции так или иначе будут сочетаться [Гайдаровский форум-2012, с. 7, 35.].

Конечно, едва ли можно предположить, что, по крайней мере, в ближайшие годы, будет реализовано предложенное в «Стратегии-2020» сокращение расходов на оборону и правоохранительные органы, особенно учитывая, что ОПК рассматривается правительством как драйвер инновационных направлений в промышленности, а реформу МВД приходится проводить заново.

В то же время учет предложений экспертов, выступающих с различных позиций, просматривается уже в первых указах главы государства. В частности, в Указе «О долгосрочной государственной экономической политике РФ»¹ Президент дает правительству ряд поручений, направленных на создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест, увеличение объема инвестиций, доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП, повышение позиции РФ в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса с указанием конкретных показателей и сроков. Кроме того, в данный указ включены поручения, касающиеся области стратегического планирования социально-экономического развития, совершенствования бюджетной, налоговой политики, повышения эффективности бюджетных расходов и государственных закупок, приватизации и совершенствования управления государственным имуществом, улучшения условий

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2333.

ведения предпринимательской деятельности, модернизации и инновационного развития экономики. Указом «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»¹ глава государства поручил правительству РФ обеспечить увеличение реальной заработной платы как всего работающего населения, так и отдельных категорий (в сфере образования, здравоохранения, предоставления социальных услуг), принять программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда работников бюджетного сектора экономики, обусловив повышение оплаты труда достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых услуг и т.д. [В. Путин начал..., 2012].

Однако положительно оценивая появление в указах Президента РФ целевых показателей и сроков их достижения, эксперты указывают на нереалистичность и необоснованность некоторых из них, высказывают сомнения в возможности выполнения поставленных задач. Например, планируемого увеличения производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. можно добиться только при среднегодовых темпах роста производительности примерно 7%, в то время как во всех программах среднесрочного развития предусматривается рост ВВП примерно на 4% в год. Такое сочетание показателей невозможно, поскольку они коррелируют между собой. Нереалистичен и показатель роста инвестиций. В последние десять в целом «хороших» лет он колебался в пределах 13–16% ВВП, поэтому его рост уже через три года до 25% ВВП маловероятен. Что касается таких показателей, как создание 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест и увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей, то их достижение невозможно проконтролировать, в первом случае – из-за отсутствия определения «высокопроизводительного» рабочего места и, соответственно, статистических данных о их создании, а во втором – из-за того, что уже десять лет статистика ведется не по отраслям экономики, а по видам экономической деятельности [Николаев И., 2012, с. 24].

Серьезной проблемой, которую придется решать в ходе реиндустриализации экономики, является «кадровый голод», с которым столкнулась российская промышленность. Если передовое оборудование для начала можно купить за границей, то на подготовку квалифицированных рабочих и инженерных кадров, умею-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2334.

щих на нем работать, требуется время, особенно учитывая полный развал системы как общего, так и среднего и высшего профессионального образования. Впрочем, та же проблема существует и в здравоохранении: высокотехнологичное дорогостоящее оборудование простаивает, потому что на нем некому работать.

Некоторые эксперты весьма скептически относятся к возможности быстрого освобождения от сырьевой зависимости и перехода к новой экономической модели. Так, В.Л. Иноземцев утверждает, что России не только не удастся совершить «прыжок» в постиндустриальный мир, она вряд ли сможет производить «нормальную» конкурентоспособную на мировых рынках промышленную продукцию, поскольку нынешняя коррумпированная система управления создает вектор, отталкивающий модернизацию. В этих условиях шанс на нормальную реиндустриализацию – менее 10% [В. Иноземцев: Политическая..., 2012]. Кроме того, постсоветский опыт показывает, что главный риск развития России – это кризис способности государства к реализации важнейших проектов и проведению сложных реформ. Поэтому в первую очередь необходимо кардинально повысить качество государственного управления [Громов А., Куричев Н., 2012, с. 23]. С.С. Губанов вообще считает, что только выбор в пользу вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной формы собственности обеспечит успех неоиндустриализации [Губанов С.С., 2011].

Литература

1. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 4. – С. 97–116.
2. Акиндинова Н.В., Алексашенко С.В., Ясин Е.Г. Сценарии и альтернативы макроэкономической политики: Доклад / Высш. шк. экономики – Нац. исслед. ун-т и др. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011. – 74 с.
3. Арсухин Е., Арабов П. Промышленность на голом энтузиазме // Известия. Экономика. – М., 2010. – 09.12. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006>
4. Байнев В.Ф. Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2009. – № 3. – С. 14–24.

5. Белоусов Д.Р. В главных ролях: Нужна новая индустриализация // Ведомости. Архив. – М., 2012. – 23 мая. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/281299/nuzhna_novaya_industrializaciya
6. Вершинин П. Модернизация на новых началах // Файл-РФ. Политика. – 11.11.2011. – Режим доступа: <http://file-rf.ru/context/875>
7. Владимиру Путину представили пилотные проекты территориально-отраслевых комплексов Новой индустриализации // Деловая Россия. Юбилейный съезд. – М., 2011. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=24&doc=21789>
8. В. Путин начал новый срок с выполнения своих обещаний // РБК. Политика. – М., 2011. – 07 мая. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/07/05/2012/649540.shtml>
9. В. Иноземцев: Политическая воля – это абсолютное и главное // Однако. – М., 2011. – № 32 (96). – Режим доступа: http://www.odnako.org/magazine/material/show_13113/
10. Выступление Владимира Путина на VII Ежегодном бизнес-форуме Деловой России // Национальный форум Деловой России. – М., 2011. – 25 мая. – Режим доступа: <http://www.forum.deloros.ru/forum2011/551.html>
11. Гайдаровский форум-2012. Россия и мир: 2012–2020 // Экономическая политика. – М., 2012. – № 2. – С. 6–57.
12. Герасина Ю.А. Современные российские корпорации: проблемы становления и развития // Труды Вольного экономического общества России. – М., 2008. – Т. 95, № 3. – С. 169–179.
13. Глазкова Л. Новая реиндустриализация // Российская Федерация сегодня. – М., 2011. – № 22. – С. 32–34.
14. Глазьев С.Ю. Как построить новую экономику // Эксперт. – М., 2012. – № 7 (790). – С. 54–57.
15. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов // Официальный сайт С. Глазьева. Наука и экспертиза. – 21.07.2009. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru/scienexpert/84/>
16. Гринберг Р.С., Горшков М.К. Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Инициативы XXI века. Материалы онлайн. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ini21.ru/?id=1527>
17. Громов А., Куричев Н. «Витязь» на распутье // Нефть России. – М., 2012. – № 1. – С. 19–23.
18. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – М., 2008. – № 9. – С. 3–27.
19. Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. – М., 2011. – № 11. – С. 3–55.

20. Дорожная карта Новой индустриализации // Деловая Россия. Материалы. – 16.05.2011. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=368>
21. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира: Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. – М., 2011. – Т. 9, № 6. – С. 85–98.
22. Клюка К.О. Новая индустриализация – вектор развития национальной экономики // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2012. – № 31. – С. 1–11.
23. Коптев В.И. Сравнительный анализ приватизации в России и зарубежных странах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 28 (209), Вып. 30: Экономика. – С. 82–85.
24. Николаев И. Указы в цифрах // Прямые инвестиции. – М., 2012. – № 6. – С. 24.
25. Обретение будущего: Стратегия-2012.: Конспект. – М.: Экон-информ, 2011. – 95 с.
26. Основные тенденции политического развития России. Сентябрь 1994 г. / Научно-исследовательский институт социальных систем. – 24.07.2012. – Режим доступа: http://niiss.ru/misc_sep94.shtml
27. О стратегии развития экономики России: Препринт / Под ред. С.Ю. Глазьева. – М: ООН РАН, 2011. – 48 с.
28. План «Новая индустриализация» // Деловая Россия: Материалы. – 16.05.2011. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=193>
29. Плужник М.В. Индустриальный прогресс как условие трансформации модели рентно-ресурсной экономики // Вестник науки Сибири. – Томск, 2011. – № 1. – С. 434–438.
30. Пономаренко Н. Новый век – новая индустриализация // Госбук. Сообщество. Модернизация экономики и технологическое развитие промышленности. Блоги. – М., 2011. – 20.05. – Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/23868>
31. Примаков Е.М. 2011 год: взгляд в будущее // Российская газета. Государство. – М., 2012. – 16 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/16/primakov.html>
32. Принуждение к инновациям: стратегия для России: Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. – М., 2009. – 288 с.
33. Путин В.В. О наших экономических задачах // Российская газета. Государство. – М., 2012. – 30 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html>
34. Разуваева Н.Н. Приватизация в России: национальные особенности // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2009. – № 4. – С. 52–64.
35. Решетникова Е. Стратегия вместо политики // Российская газета – Промышленное обозрение. – М., 2011. – № 822 (40). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/08/strategia.html>

36. Рогов К.Ю. Новая модель экономического роста: от экономики спроса к экономике предложения / Стратегия-2020. Документы группы 1. – М., 2011. – 12 с.
37. Рязанов В.Т. Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. – СПб, 2011. – № 4. – С. 149–176.
38. Самедова Е. Куда кривая выведет // Профиль. – М., 2012. – № 11. – С. 10–14.
39. Серегин О. Весенние диалоги в ВШЭ и Стратегия-2020 // Стратегия-2020. Экспертные группы по обновлению Стратегии-2020. – 27.03.2012. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/news/32714929.html>
40. Сироткин Д. Инновационный бизнес обеспечивает выпуск менее 20% всей инновационной продукции в России // Деловой Петербург. Рынки. Экономический форум. – СПб., 2012. – 21 июня. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2012/06/21/Innovacionnij_biznes_obes/
41. Стадник И. Гайдаровский форум: Модернизационные стимулы стоят на площадях // Open economy. Макроэкономика. – 21.01.2012. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1390583.html>
42. Стенограмма отчета В. Путина в Госдуме // Российская газета. Государство. – 11.04.2012. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/11/putin-duma.html>
43. Степашин: Чубайс честно признался в задаче приватизации 90-х // Взгляд. Деловая газета. Новости. – М., 2012. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2012/2/17/562105.html>
44. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
45. Стратегию-2020 мог написать еще Гайдар в 1995-м // НаканунеRU. Аналитика. В России. – 16.03.2012. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/16332>
46. Стратегия-2020. Неужели правительство будет это реализовывать? / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Аналитика. Наши комментарии. – М., 2012. – 28 марта. – Режим доступа: http://rusrand.ru/daily/daily_717.html
47. Трейвиш А.И. Промышленность в России за 100 лет // Россия в окружающем мире. Международный независимый эколого-политологический университет. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.rus-stat.ru/stat/7042002-1.pdf>
48. Условия, организационно-правовые механизмы и ресурсы модернизации: Аналитический доклад «Инновационное развитие России: стратегия, ресурсы, законодательные решения». VII Байкальский международный экономический форум / Под общей редакцией В.Д. Кривова // Официальный сайт законодательной Думы Томской области. Информационно-методические материалы. Информационный бюллетень. – Томск, 2012. – № 3 (132). – Режим доступа: <http://duma.tomsk.ru/page/21327/>

49. Чувакина В.С. Новая индустриальная модернизация и повышение конкурентоспособности российской экономики // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 3. – С. 84–87.
50. Шмелёв Н.П. Экономические перспективы России // Социологические исследования. – М., 1995. – № 3. – С. 12–16.
51. Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Потребитель – двигатель прогресса // Независимая газета. Идеи и люди. – М., 2012. – 30 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2012-05-30/9_consumer.html

Б.Г. Ивановский
ИННОВАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
(Реферативный обзор)

Роль инноваций в экономике

Инновационное развитие является сегодня необходимым условием для самого выживания общества. Благодаря инновациям решаются многие глобальные проблемы человечества: эпидемии, детская смертность, производительность труда, доступность образования, культурных ценностей, технических средств [Szirmai A., Naude W.A., Goedhuys M., 2011]. Расчеты показывают, что более половины всего запаса знаний, приобретенных человечеством, было получено во второй половине XX в., более половины всех патентов было лицензировано за последние 30 лет, а число новых продуктов, услуг и изобретений утроилось за последние 20 лет [Torun H., Cicekci C., 2007, p. 24].

Создание, распространение и применение знаний, реализуемых в инновационных разработках, в настоящее время признаются одним из основных двигателей экономического роста [там же, p. 4.]. Большинство секторов и отраслей экономики в настоящее время переживают то, что называется «ренессансом Шумпетера», когда инновации выступают важным источником эффективной конкуренции, экономического развития и преобразования общества. Это проявляется через сдвиги, которые происходят как в структуре инновационной системы, так и структуре экономики в целом. Переход национальной экономики на инновационный путь развития также рассматривается как основной фактор, определяющий долгосрочный экономический рост [Lakhwinder S., 2007].

Вместе с тем существуют большие расхождения в вопросе о том, что же такое инновации.

По мнению некоторых авторов, инновация представляет собой комплекс открытий и изобретений (например, новой техники), применяемых в бизнесе и социальной среде, что, в свою очередь, приводит к диффузии и появлению новых потребителей. В процессе реализации новшеств возникают новые идеи, которые часто требуют дальнейших инновационных решений. Успешные инновации зачастую вынуждают конкурентов применять их или осуществлять собственные инновационные разработки [Torun H., Cicekci C., 2007].

Выделяется несколько типов инноваций [там же, р. 10]:

1. Собственно инновации – новые товары или услуги, выставленные на продажу.

2. Инновационный процесс, который изменяет способ производства внутри фирмы или по цепочке поставок.

3. Поведенческие инновации, которые меняют организационную структуру.

Различают радикальные и дополнительные инновации. Радикальные инновации представляют совершенно новые продукты, часто производимые с новыми участниками диверсифицированной базы знаний [там же, р. 23]. Незначительные улучшения в существующих продуктах, услугах и технологических процессах представляют собой дополнительные инновации, часто реализуемые на действующих предприятиях с традиционной производственной и венчурной базой.

По мнению других специалистов, под инновацией подразумевается создание нового или улучшенного продукта или технологического процесса, при внедрении которого обеспечивается выполнение таких условий, как повышение производительности труда и качества продукции, удовлетворение новых потребностей при условии сохранения, или улучшения состояния окружающей среды [Бобков Л.В., 2011]. Соответственно, выделяются следующие типы инноваций [там же, с. 6]:

– процессная инновация – организация производства нового или усовершенствованного продукта с учетом требований безопасности производства или потребления при выполнении требований экологии;

– базисная инновация – внедрение изобретений и открытий, на базе которых создаются принципиально новые виды машин и оборудования, новые конструкционные материалы;

– улучшающие инновации – обеспечивают модернизацию машин и оборудования, существенно улучшают качество инструк-

ционных материалов, однако не создают принципиально новых машин и материалов;

– псевдоинновации – сравнительно небольшие усовершенствования машин и оборудования, ускорение производственного процесса, экономия материалов.

Особое внимание следует уделять улучшающим инновациям, поскольку их достоинством является сравнительно невысокие затраты на НИОКР, переподготовку кадров, облегченные условия финансирования. Вместе с тем улучшающие инновации, составляя основу НТП, испытывают влияние со стороны базисных инноваций, которые повышают уровень требований к качеству улучшающих инноваций.

Другие исследователи, рассматривая взаимосвязь между инновациями и бизнесом, проводят различие между творческой и инновационной деятельностью, отмечая, что эти два понятия часто смешиваются [Dubois.D., 2004]. Как правило, инновационная деятельность рассматриваются как часть процесса, посредством которого знания трансформируются в инструмент активизации экономической деятельности. Однако с практической точки зрения более полезен подход, когда творчество рассматривается как процесс генерирования идей, а инновационная деятельность, как процесс их переработки, просеивания и критического осмысления в целях реализации. Таким образом, идеи, возникающие в процессе творчества, являются своего рода пищей для инноваций.

Для анализа понятия «инновации» предлагается определить рамки, в которых осуществляется разработка инновационного продукта и его распространение [там же]. Эти границы определяются следующими факторами:

– затраты на внедрение, производство и реализацию инновационного продукта должны быть ориентированы, прежде всего, на потребителя этого продукта или услуг;

– поставки новой продукции потребителю должны осуществляться в минимальные сроки, поэтому производителям «*know-how*» следует уделять особое внимание выбору поставщиков;

– инновационные фирмы должны обратить особое внимание на опасность со стороны последователей – конкурентов, которые не осуществляли затраты на НИОКР в процессе производства аналога инновационного продукта, и, таким образом, имеют возможность реализовать его по более низкой цене.

Данная позиция позволяет выдвинуть другую классификацию инноваций. Согласно ей, в первую группу входят элементы,

связанные с совершенствованием потребительских характеристик и лучше учитывающие сегментацию потребительского спроса. Во вторую группу попадают инновации, связанные с разработкой новой концепции, технологии или совершенствованием презентации. К третьей относятся приспособленные к потребностям и возможностям рынка организационные инновации. В качестве типичного примера таких инноваций приводится деятельность государства Сингапур, которое в течение нескольких десятилетий осуществляет стратегию «дополнительные активы» (complementary assets), направленную на привлечение прямых иностранных инвестиций и кадров для предпринимательской деятельности.

В целом же для успешного развития и продвижения бизнеса в области инноваций считается необходимым учитывать как общие тенденции современной экономики, так и свойства инноваций как специфического товара на рынке [там же].

Как отмечает в докладе UNCTAD¹, усовершенствование технологии влияет на экономический рост несколькими путями [Renewable energy technologies..., 2011]:

- позволяет национальному хозяйству увеличить выпуск продукции при том же уровне затрат за счет увеличения производительности факторов производства;
- способствует росту через производство новых товаров с более высокой добавленной стоимостью и более высокой эластичностью к доходам;
- усиливается влияние научно-технического и образовательно-квалификационного потенциалов.

Кроме того, научно-технический прогресс приводит к крупным изменениям в предметах и средствах труда. На современном этапе относительно снижается роль природных материалов в экономическом развитии и ослабляется зависимость обрабатывающей промышленности от минерального сырья. Информационные технологии позволяют механизировать сферу услуг. А использование электронной техники в комплексе со станками и роботами привело к созданию гибких производственных систем, в которых все операции по механической обработке изделия выполняются последовательно и непрерывно [там же, р. 73]. Но решающий вклад в

¹ UNCTAD – United Nations Conference on Trade and Development или Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), орган Генеральной Ассамблеи ООН – создан в 1964 г. В настоящее время в его работе принимают участие более 190 стран мира, в том числе Россия.

экономический рост сегодня обеспечивают нововведения и сопряженные с ним процессы в управлении и повышении качества рабочей силы.

Никто в настоящее время не сомневается, что долговременный экономический успех национального хозяйства прямо связан с его инновационным развитием. Динамизм развития инновационной деятельности в разных странах определяет границу между богатыми и бедными народами. В том числе корреляция между инновационностью национальной экономики и благосостоянием ее граждан недавно подтверждена на базе компаративного исследования 115 стран мира [Модернизация экономики., 2010, с. 57].

Эффективность инноваций

Оценка эффективности инноваций является предметом широких дискуссий, в которых проявляются различные подходы исследователей.

Например, Л.В. Бобков в понятие эффективность инноваций включает три составляющие [Бобков Л.В., 2011, с. 102]:

- социальную эффективность – ряд факторов, из которых выделяется социальная обстановка в государстве или регионе, количество и социальный состав населения, воспроизводство рабочей силы, соответствие требованиям мировых стандартов в части образования и здравоохранения;

- экологическую эффективность – как минимум, недопущение ухудшения состояния окружающей среды и, как максимум, ее улучшение;

- экономическую эффективность – показатели чистого дохода (как разницы между поступлениями и расходом средств на инновации), чистого дисконтированного дохода и внутренней нормы доходности.

Официальная статистика по всему миру учитывает инновации преимущественно как затраты компаний на исследования и разработки. При постоянном росте затрат на НИОКР, эффективность инновационной деятельности практически не измеряется [Ткаченко Е.А., Рогова Е., Балашов А.И., 2010]. Конечно, прямой связи между затратами на НИОКР и финансовыми результатами не существует, поскольку исследования ведутся в расчете на будущее, порой весьма отдаленное. Кроме того, на финансовые результаты влияют самые разные факторы. Однако одними этими затратами измерять инновационную активность по меньшей мере нелогично.

Исследователи, занимающиеся данной проблемой, предлагают самые разные методики измерения инновационной активности, увязывая ее с эффективностью управления. Имеются многочисленные подтверждения успешности компаний, которые эффективно управляют инновациями. Некоторые компании – лидеры в области инноваций – инвестируют в исследования и разработки меньше, чем конкуренты. Это касается, например, компании Apple Inc., доля затрат которой на НИОКР составляет 5,9% от объема продаж, в то время как в среднем по отрасли эта доля составляет 7,6%. Однако в статистике по-прежнему отражаются лишь затраты.

Такой же подход к определению эффективности нововведений наблюдается и в России. Принято считать, и статистика это подтверждает, что инновационная активность российского бизнеса крайне низка. Но, с одной стороны, неоспорима сама методика сбора информации. Она полностью отвечает требованиям международной практики, и, следовательно, базируется на количественных и затратных показателях. Уровень инновационной активности определяется отношением числа организаций, имевших в течение отчетного года законченные маркетинговые или организационные инновации или имевших продолжающуюся незавершенную инновационную деятельность и имевших затраты на технологические инновации, к общему числу обследованных организаций. Понятно, такая методика мало связана с понятием эффективности инновационной деятельности.

С другой стороны, инновации в России не являются фактором конкурентоспособности, и средств на НИОКР выделяется мало. По данным агентства «Эксперт – РА», среднее отношение затрат на НИОКР к доходам крупных российских компаний составляет 0,5%, что, по меньшей мере, в 3 раза ниже, чем в зарубежных компаниях [там же].

Менеджеры крупных компаний признают важность инноваций и считают, что расходы на исследования нужно увеличить. Однако важны не столько сами расходы, сколько то, как результаты исследований превращаются в продукты и технологии, востребованные рынком. А для этого необходим эффективный инновационный менеджмент.

При осуществлении инновационной деятельности большую роль играет фактор неопределенности (риска) в получении конечных результатов. В США сегодня имеется более 16 тыс. фирм, которые имеют свои собственные исследовательские лаборатории, из которых 20 имеют годовой R&D бюджет свыше 1 млрд. долл.

В общей сложности эти 20 фирм расходуют на НИОКР около 60 млрд. долл. в год. Предположительно, такие предприятия не должны иметь больших проблем с фактором неопределенности и сопутствующими ему финансовыми рисками [Rosenberg N., 2004]. Однако такая точка зрения неправомерна по двум причинам. Первая состоит в том, что проведение НИОКР в сфере высоких технологий становится все затратнее. Вторая заключается в том, что результат R&D может сопровождаться финансовыми рисками, которые определяются следующими факторами.

1. Расходы на научные исследования могут не привести к получению новых научных знаний, необходимых для создания принципиально нового продукта.

2. Получение новых научных знаний еще не гарантирует создание товарной продукции или услуги с новыми потребительскими качествами. Период создания может быть таким длительным и чрезмерно дорогим, что производство этого товара или услуги станет экономически невыгодным.

3. Качество вновь создаваемого продукта должно определяться не только с технологической, но и с экономической точек зрения. Например, самолет Concorde был просто великолепным достижением с технической точки зрения. С экономической же позиции иначе как финансовой катастрофой этот проект назвать нельзя. Когда проект начинался, было рассчитано, что для покрытия затрат необходимо продать 300 самолетов. Было же реализовано только 16.

4. Насколько целесообразно производство продукта для данной фирмы, т.е. вероятность того, что эта фирма сумеет «снять» прибыль от своего новаторского товара. Это может зависеть от того, запатентованы инновации или нет. Если они не могут быть запатентованы в ближайшие сроки, следует учитывать – насколько быстро это смогут сделать конкурирующие фирмы, которые также потратили свои средства на изобретение подобного продукта.

5. Вполне возможна ситуация, когда решением регулирующего правительственного органа может быть ликвидирована возможность получения ожидаемой прибыли. Например, в фармацевтике и пищевой промышленности законодательство США предусматривает, что новая продукция должна проходить длительный период испытаний, прежде чем поступит на рынок. В некоторых случаях период тестирования занимает более десяти лет. Соответственно, оценка стоимости внедрения совершенно нового фармацевтического продукта на рынок США сейчас превышает 500 млн. долл.

6. Следует определять, насколько целесообразно для производства «now-how» использовать собственные новые технологии или, может быть, получить эти технологии от конкурирующей фирмы.

Таким образом, для понимания природы инновационной деятельности фактор неопределенности имеет фундаментальное значение, поскольку чрезвычайно трудно предсказать, как рынок будет реагировать на введение новых технологий. Одна из очевидных причин заключается в том, что в большинстве стран трудно предвидеть, как новые продукты (или услуги) впишутся в потребительские предпочтения и приоритеты [там же].

Способность к инновациям становится ключевым компонентом конкурентоспособности современного бизнеса и одним из важнейших факторов ее устойчивости. Стимулирование и управление инновациями помогают бизнесу в производстве как добавленной социальной стоимости (added social value), так и добавленной бизнес-стоимости (added business value).

В России сегодня идет спор между сторонниками модернизации на основе масштабного обновления технологической базы экономики и сторонниками модернизации за счет создания мощного инновационного комплекса. Однако если следовать современной логике национальных модернизаций с их триадой – производительные силы, территориальное распределение и инновации, то модернизация технологической базы и создание инновационного контура должны происходить одновременно. Только в этом случае появляется возможность создать на своей территории компании – мировые лидеры в определенной области. Несколько десятков таких компаний – обязательное условие окончательной успешности модернизации [Модернизация экономики России..., 2010, с. 37].

Механизм, соединяющий технологическую модернизацию и инновации заложен в теории «спирали роста». Согласно этой теории, важно опираться на то, что естественно присуще хозяйству или нации: либо на естественные достижения в производственном потенциале, либо на естественные потребности – и усиливать и то и другое ресурсами государственного управления.

Ряд экспертов для России среди таких приоритетов выделяет программы по развитию медицины и сельского хозяйства (пример того, как государственные преференции естественно растущему сегменту создают условия для бурного роста сектора). А также в качестве более мощных по воздействию на экономику и занятость сектора – новое градостроительство и создание транспортных

коммуникаций [там же]. По мнению других, при выработке эффективной экономической политики, связанной с переходом на инновационный путь развития, следует делать упор на те отрасли промышленности, где есть хорошие разработки и подготовленные кадры. К таким отраслям относится авиакосмическая и автомобильная промышленность, судостроение [Бобков Л.В., 2011].

Инновации и малый бизнес

Большой вклад в инновационную деятельность вносят предприятия малого и среднего бизнеса. Организационные особенности этих предприятий, выражающиеся в меньшей бюрократизации, более инновационной структуре менеджмента и большей сосредоточенности на достижении успеха, дают малым и средним предприятиям определенные преимущества над крупными компаниями в развитии инноваций. Это явление характеризуется следующими показателями:

- затраты на исследования и разработки среди малых и средних предприятий (МСБ) постоянно растут. Так, в США, расходы таких предприятий на НИОКР выросли с конца 1985 по 1995 г. на 300%, в то время, как крупные компании увеличили затраты на эти цели в том же периоде на 20% [Intellectual Property..., 2011, p. 20];

- доходы малых и средних предприятий от вложений в НИОКР превышают поступления от аналогичных затрат у крупных компаний. В США доля выручки от реализации продукции, основанной на НИОКР у предприятий МСБ в конце 90-х годов составляла 3,9% в общем объеме продаж (и продолжала расти в течение последних десяти лет) в то время, как у крупных фирм эта доля составляла 3% за тот же период;

- малые и средние предприятия имеют определенные организационные и экономические преимущества в отдельных секторах экономики, включающие производство контрольного оборудования производственного процесса и информационных технологий, которые требуют меньших капитальных вложений. В этом случае МСП легче сфокусироваться на узких направлениях инновационной деятельности.

При сравнении достоинств и недостатков ведущих форм инновационной деятельности отмечается, что малые инновационные предприятия в части создания новых технологий в расчете на одного занятого намного эффективнее крупной фирмы. Результатом

же инноваций более эффективно пользуются крупные компании. Меньше влияние на их положение финансовых убытков в случае неэффективной инновационной деятельности [Бобков Л.В., 2011, с. 48]. Кроме того, крупные предприятия в значительной степени контролируют как сами малые инновационные предприятия, так и технопарки и бизнес-инкубаторы, предназначенные для становления и развития последних.

Получение гарантированных прибылей за счет экспорта энергоносителей и других видов сырьевых ресурсов в течение последнего десятилетия существенно ослабили в России внимание к развитию инноваций, как со стороны предпринимателей, так и государства. До последнего времени Россия вполне удовлетворялась получаемой рентой от продажи сырьевых ресурсов. Однако последний мировой экономический кризис показал, насколько это неустойчивый источник благосостояния.

Россия обладает слишком большой и богатой территорией, чтобы удержать ее без современных технологий, обеспечивающих обороноспособность и безопасность границ. В России слишком большое население, чтобы обеспечить его работой только по добыче и транспортировке сырья. В России слишком разнообразная структура экономики и слишком сложная техносфера, чтобы позволить себе обойтись без квалифицированных рабочих, инженеров, ученых и учителей. Поэтому ключевым звеном в поиске ответов на вызовы современности становится формирование национальной инновационной системы (НИС).

Строительство НИС в России, скорее всего, пойдет путем формирования нескольких «центров кристаллизации» инновационной активности. И в каждом из этих центров будут использованы разные модели инновационных систем [Модернизация экономики..., 2011, с. 62]. Сложившаяся экономическая ситуация должна также подтолкнуть государственные организации и частных инвесторов к ускоренному развитию малых инновационных предприятий.

Социальные факторы развития инноваций

Вопросы, связанные с инновациями и их влиянием на экономический рост часто ограничиваются рассмотрением только технологических нововведений в производственной сфере. Однако в результате научного и технического прогресса возникают глобальные угрозы (социальные, военные и экологические), которые необходимо эффективно нейтрализовать. Достичь этой цели можно

лишь в процессе инновационного развития соответствующих сфер жизнедеятельности человека. Понимание проблем развития на современном этапе требует исследования динамики инноваций в различных секторах экономики, в том числе в непродуцированной сфере.

Инновационное мышление является столь же необходимым, как и сами инновации. Исключительно технических инноваций для полноценного развития общества явно недостаточно. Соответственно, один из наиболее важных факторов, определяющих успешность инновационной деятельности, заключается в равных возможностях получения образования на всех его уровнях для различных групп населения. Кроме того, инновационное мышление должно быть неразрывно связано с экоэтическим сознанием. Ведь новая техника и само общество должны быть безвредными как для людей, так и для природы.

Понимание многомерности процесса инноваций и социально-экономического развития должно лежать в основе принятия ориентированных решений экономической политики. Однако этот подход еще не привлек того внимания среди научных кругов, которое он заслуживает. Хотя некоторые современные теории экономического роста базируются на предположении, что в основе современной экономики лежат такие категории, как образование и профессиональные навыки. Чем больше общество инвестирует в человеческий капитал, тем больше вероятность успешного экономического роста [Economic growth definition, 2011]. Данное положение противоречит более ранним представлениям об источниках финансирования социальной сферы, когда считалось, что государство может развиваться только за счет ужесточения фискальной политики или притока дополнительных человеческих ресурсов.

Скорость научно-технического прогресса и экономического роста определяется эффективностью распространения не только технических новшеств, но и социальных инноваций. Причем социальные инновации стоят в десятки раз дешевле, а приносят в десятки раз больший доход, чем традиционные «технологические» инновации. Для конкретной компании они означают увеличение ROI (Return on Investment) в 4–16 раз в период от шести месяцев до года. Главное – отдача от таких инноваций просчитывается и измеряется [Szirmai A., Naude W.A., Goedhuys M., 2011].

С этой точки зрения планируемое переустройство отечественных производительных сил, модернизация и инновационное развитие страны зависят не только и не столько от наличия и ко-

личества материальных, финансовых, природных и иных ресурсов, сколько от качества их использования [Модернизация экономики..., 2010, с. 98]. Однако в России так и не решена проблема внедрения и управления инновационными процессами на всех уровнях и стадиях производства. Внедряемые на предприятиях инновации неэффективны, затраты на разработку инновационного продукта не окупаются полученной прибылью, инновационные идеи в процессе их разработки и усовершенствования морально устаревают и т.п.

По данным исследования, специально подготовленного к Санкт-Петербургскому международному экономическому форуму-2010, одной из ключевых причин этого положения признается нехватка управленческих кадров, способных реализовывать инновационные проекты, и нехватка сотрудников, способных на инновационную деятельность. При этом парадоксально, но Россия является страной, где отдача при вложении в персонал одного доллара равна 2,7 долл., что на 20% выше данного показателя в Европе [там же, с. 101]. Другие специалисты наиболее сложной, запутанной и актуальной называют проблему обеспечения предприятий квалифицированными производственными кадрами [Бобков Л.В., 2011].

Кроме того, неясны движущие силы инновационных и модернизационных процессов. Положение политической элиты в России не зависит напрямую от экономической ситуации. Более того, правящая верхушка приобрела определенные выгоды от экономического кризиса, еще более укрепив свои позиции в ключевых отраслях экономики и расширив свой бизнес.

Средний класс, рассматриваемый с точки зрения определенных исследователей как мощный двигатель инноваций, гарант стабильности и устойчивости в обществе, в России представляется достаточно расплывчатым образованием. Если речь идет о чисто экономическом толковании – например, о слоях со средней величиной доходов или средним уровнем материальной обеспеченности, – то вопрос о среднем классе превращается в счетно-статистическую проблему. Если же рассматривать проблему среднего класса с социологической точки зрения, то его наличие и масштабы в стране в значительной степени зависят от выбора критерия. А подобных критериев довольно много и их применение дает очень разные картины.

Среднему классу приписываются чуть ли не все позитивные черты в части его экономических, политических и социальных установок. В России он представляет собой скорее идеализированный образ будущих членов общества, чем реальную социальную группу.

Таким образом, «средний класс» – категория идеологическая, обозначающая то, чем должна стать основная масса активного населения с определенных ценностных позиций [Симонян Р.Х., 2008]. С учетом того, что система ценностей в стране весьма неоднородна, выделить определенную группу населения и мобилизовать ее на решение задач инновационного развития достаточно сложно.

Роль науки и интеллектуальной собственности в развитии инноваций

До 1990-х годов Россия считалась страной с высоким уровнем развития науки и техники, способная успешно осуществлять собственные исследования в таких областях как теоретическая физика, ядерная и космическая технологии и некоторых других [Cervantes M., Malkin D., 2012]. Инновационный провал в России наблюдается с момента распада СССР. Инвестиции в научные исследования и разработки уменьшились с 1990 г. с 2% от ВВП до 1% к настоящему времени. В странах ОЭСР, в среднем, этот показатель равен 2,2%. Число сотрудников, работающих в области науки и техники, сократилось в 2 раза по сравнению с началом 1990-х годов, в то время, как спрос на специалистов в большинстве стран ОЭСР остается высоким.

Переход к рыночной экономике не затронул сферу научных исследований и разработок (R&D), где финансирование продолжает осуществляться по модели, унаследованной от СССР. Доля государства в этих расходах составляет 70% и лишь 30% приходится на корпоративный сектор экономики. Это значительно меньше, чем в странах ОЭСР, где бизнес является основным источником финансирования расходов на R&D. При этом в последнее десятилетие в развитых странах наблюдался рост доли частного финансирования за счет привлечения прямых иностранных инвестиций и грантов [там же].

Существующий в России механизм финансирования научных исследований и разработок, полагают многие исследователи, является одним из основных препятствий развития сферы НИОКР. Большая часть исследований выполняется организациями Академии наук и институтами, подчиненными различным государственными ведомствам. Эти организации слабо связаны с потребностями бизнеса. При этом государство направляет средства в основном в фундаментальную науку. А развитие прикладных исследований, которые в большей степени отвечают задачам удовлетворения на-

сущных социально-экономических потребностей, отстает. Университетские исследования составляют минимальную долю в развитии науки и техники. Однако без сети исследовательских университетов трудно создать механизм распространения технологических знаний, а также общественных и частных партнерств в области инноваций.

Другим слабым звеном в инновационной системе России является недостаток венчурного капитала. Часть его поступает из иностранных венчурных фондов на кредитной основе, и лишь небольшая доля из этих средств направляется непосредственно на создание новых технологических инноваций. В создании венчурного капитала необходимо более широкое участие банковского сектора, который в России еще достаточно слаб для активного участия в этой области.

Для успешного осуществления задач инновационного развития следует также выработать у инноваторов управленческие навыки, необходимые при создании новых инновационных производств на базе бизнес-консультационных и информационных услуг для исследователей и молодых предпринимателей, способных интегрировать научные программы с задачами и целями бизнеса [там же].

Сокращение «инновационного разрыва» между Россией и западным миром требует проведения реформ, необходимых для обеспечения формирования новой инновационной инфраструктуры в научно-исследовательской сфере, а также постоянного взаимодействия между производством и наукой. В настоящее время около 70% инвестиций в НИОКР приходится на ресурсные отрасли промышленности, которые мало заинтересованы во вложениях в инновации и не создают внутренний спрос на расширение внедренческих фирм в России. В результате страна вынуждена ориентироваться в области развития технологий на экспортные рынки.

Необходимо также усилить права на интеллектуальную собственность (IPR). В последнее время в этой области в России достигнут определенный прогресс. Однако коммерциализация новых идей в научной сфере сдерживается отсутствием последовательных и четких правил владения, управления и защиты интеллектуальной собственности. А без этого невозможно обеспечить стимулирование развития инноваций.

Хотя в настоящее время есть признаки того, что перечисленные проблемы в области развития новых технологий начинают постепенно находить свое разрешение. Этому способствует, в част-

ности, создание при помощи государства инкубаторов для высокотехнологичных стартапов и центров инновационных технологий.

По мнению некоторых отечественных специалистов, научные исследования в области создания базисных инноваций, требующие больших затрат с неопределенностью результатов, следует возложить на институты РАН и вузовскую науку [Бобков Л.В., 2011, с. 77]. При этом РАН нуждается, прежде всего, в достаточном финансировании. Именно отсутствие средств подталкивает российских ученых к выезду в другие страны. Речь идет не только о сравнительно небольшой оплате труда, но и в отсутствии средств на проведение научных исследований. Это касается не только нехватки и устарелости лабораторного оборудования, но и острого дефицита высококвалифицированных рабочих и инженеров, способных создать и эксплуатировать это оборудование.

Кроме того, большое значение имеет защита прав интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность не является основным фактором развития экономики, однако служит важнейшим инструментом для достижения успешности экономического роста и представляется важным критерием здоровья экономики [Intellectual property, 2011]. Взаимодействуя с другими факторами экономического развития, такими как производительность труда, уровень образования и технического развития, наличие природных ресурсов и т.п., интеллектуальная собственность может создавать условия для стимулирования инновационной деятельности, и, следовательно, стимулирует развитие торговли и инвестиций, активизируя, таким образом, всю хозяйственную деятельность.

Различные формы интеллектуальной собственности, реализуемые в качестве патентов, авторских прав, товарных знаков и других аналогичных правовых норм традиционно рассматривались как государственные меры по защите природных ресурсов и личных неимущественных прав. В настоящее время права интеллектуальной собственности признаны в качестве экономического механизма защиты «интеллектуальной валюты», стимулирующей научные исследования и разработки, которые создают технологические новшества и инновации. Права интеллектуальной собственности способствуют развитию инноваций посредством следующих экономических и правовых стимулов:

- принцип оплаты за исследования и разработки;
- государственная и частная поддержка продвижения и распространения новшеств;

- содействие культурному самовыражению и взаимопониманию культур;
- обеспечение доступности технологий через механизм лицензирования;
- увеличение суммы знаний в обществе путем предоставления открытой информации в виде патентных приложений и публикаций;
- содействие передаче технологий путем расширения пространства финансируемых правительством НИОКР.

В центре инновационного процесса и технологических изменений сегодня лежит проблема распространения приложения знаний. Основной причиной того, что инновации защищены правом на интеллектуальную собственность, является ситуация, когда изобретения, творческие работы, бренды и другие ценные нематериальные активы, которые получили название «non-excludable», если они не защищены юридически, легко могут быть использованы конкурентами. Без обладания правом на интеллектуальную собственность небольшой разработчик технологий не смог бы предотвратить экспроприацию инновации со стороны его более могущественных конкурентов. В этом случае у фирмы нет стимулов вкладывать средства в НИОКР, поскольку затраты на разработку инновационного продукта будут нерентабельны и, более того, компания может вообще потерять свой бизнес.

Наличие прав на интеллектуальную собственность способствует экономическому развитию посредством передачи технологий через увеличение объемов прямых иностранных инвестиций. Особенно это касается развивающихся стран, которые получают доступ к инновациям, которые дают возможность местным компаниям получать доступ к новым технологиям и «know-how» компаний. Этот процесс осуществляется следующими способами [там же]:

1. Передача новых технологий в развивающиеся страны опирается на строгое соблюдение патентного права, что обеспечивает не только привлечение прямых иностранных инвестиций, но и дает возможность импортировать передовые технологии, новые продукты и услуги из развитых стран, совершенствуя, таким образом, технологическую базу.

Следовательно, строгое соблюдение норм патентного права напрямую способствует активизации импорта товарной продукции и услуг. Такой импорт включает материальные активы – машины, оборудование и материалы, а также другую продукцию, основан-

ную на НИОКР и активизирующую инновационную деятельность (например, лабораторное оборудование).

2. Государственная поддержка строгого соблюдения патентного права способствуя расширению импорта из-за границы.

В свою очередь импорт материалов и оборудования способствует активизации НИОКР и разработке инновационных технологий, которые национальные производители обеспечивают патентной защитой.

3. Патентная защита у компаний нерезидентов также связана с защитой интеллектуальной собственности и объемом производства новых технологий.

Так, если иностранная компания не обеспечивает значительного прироста новых технологий на местный рынок, ее патентные документы могут быть непролонгированы. По расчетам ОЭСР, 1% вложений в развитие патентного права в развивающихся странах обеспечивает около 1% прироста вложений в НИОКР. А 1% вложений в поддержку брендов (торговых марок) и авторских прав увеличивает вложения в НИОКР соответственно на 1,4% и 3,3% [Renewable energy technologies, 2011].

Своевременное получение патента позволяет владельцу получать дополнительные доходы. Однако патентная защита не всегда срабатывает. Есть страны, где широкое распространение получило копирование иностранных изделий и их выпуск под своими марками. Например, представители предприятий КНР закупают небольшую партию продукции, копируют и поставляют на мировой рынок уже под своим названием. Сравнительно небольшая оплата труда в КНР позволяет, продавать такую продукцию по демпинговым ценам – по некоторым расчетам, на 20–40% дешевле, чем в других странах [Бобков Л.В., 2011, с. 90]. Специальные службы КНР проводят во всем мире активную работу по поиску и получению новейших технологий. Эксперты считают, что по уровню промышленного шпионажа КНР занимает первое место в мире.

Надежная и эффективная защита прав интеллектуальной собственности считается мощным стимулом, который позволяет фирмам инвестировать в создание новых технологий в отраслях, где отдача от инноваций рассчитана на долгосрочный период и связана со значительными финансовыми рисками вследствие возможности их копировать со стороны конкурентов. Расчеты показывают, что компании теряют более 200 млрд. долл. в год в результате подделок и пиратства. В дополнение к потере продаж, законным производителям наносится и репутационный ущерб, по-

скольку качество поддельной продукции обычно низкое и может испортить потребительские восприятия подлинного продукта. Кроме того, производители контрафакта не платят налогов и пошлин, таким образом нанося прямой экономический ущерб странам – производителям законных инноваций. Экономическое пиратство приводит к глобальному сокращению рабочих мест более чем на 200 тыс. в год. Таким образом, контрафактное производство, которое составляет примерно 5–7% мировой торговли, угрожает глобальному экономическому росту в целом [Toğun H., Cicekci S., 2007, p. 23].

Права интеллектуальной собственности обеспечивают эффективный механизм преодоления «провалов рынка», связанных с информационной асимметрией в области инновационных достижений [там же]. Основным источником данных провалов является неспособность отдельных лиц и фирм предотвратить незаконное использование нововведений, которые они производят. Для преодоления необходимо временное предоставление льгот для производителей нововведений с целью защиты интеллектуальной собственности. Без этого у бизнеса не будет достаточных стимулов вкладывать деньги в рискованные НИОКР, поскольку выгоды от инвестиций могут быть получены не в полном объеме.

Предоставляя исключительные права на изобретения, патентная система зачастую побуждает к созданию других инноваций в конкурирующих и сопряженных отраслях экономики путем разработки альтернативных решений технических проблем, не нарушая патентные права. Попытки обхода патентного права могут существенно затормозить процесс продвижения и распространения новых технологий.

Литература

1. Бобков Л.В. Вопросы инновационного развития промышленности России. – М.: Дашков и К, 2011. – 109 с.
2. Модернизация экономики России: от теории к практике: Доклад для мирового политического форума. – Ярославль, 2010. – 132 с.
3. Пехтерева Е.А. Инновационная экономика России: Новые возможности для роста // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2009. – № 1: Экономический рост в России: Глобальный контекст / Ред. и сост. вып. Г.В. Семеко. – С. 109–135.

4. Симонян Р.Х. Средний класс в России – миф или реальность? // *Общественные науки и современность*. – М., 2008. – № 1. – С. 37–49.
5. Ткаченко Е.А., Рогова Е.М., Балашов А.И. Инновационная активность российских предприятий: проблемы измерения и условия роста / ГОУ ВШЭ. СПб. филиал. – СПб.: Изд-во СПб. гос. политехнич. университета, 2010. – 207 с.
6. Arocena R., Sutz J. Research and innovation policies for social inclusion: an opportunity for developing countries // Taylor and Francis Group content. *Innovation and development*. – 2012, Vol. 2, Issue 1. – P. 147–158. – Mode of access: <http://tandfonline.com/doi/full/10.1080/2157930X.2012.663583>
7. Cervantes M., Malkin D. Russia's innovation gap // OECD Observer. Sections. Economy. Country snapshots. – Geneva, 2012. – P. 10. – Mode of access: http://www.oecdobserver.org/news/archivstory.php/aid/554/Russia_92s_innovation_gap.html
8. Dubois D. The role of innovation in economics / About.com. Education. Economics. – 2004. – Mode of access: <http://economics.about.com/library/weekly/aa060204a.htm>
9. Economic growth definition // Economic news article. – 03.06.2011. – Mode of access: <http://economicnewsarticles.blogspot.com/2011/06/economic-growth-definition.html>
10. Intellectual property: Powerhouse for innovation and economic growth / International Chamber of Comers. News&Media. Articles. – Paris, 2011. – Mode of access: <http://www.iccwbo.org/News/Articles/2011/Intellectual-property-is-a-powerhouse-for-innovation-and-economic-growth/>
11. Lakhwinder S. Innovations and economic growth in a fast changing global economy: Comparative experience of Asian countries // Munich university library. – Munich, 2007. – Paper N 8, posted 07, November. – Mode of access: <http://mpira.ub.uni-muenchen.de/80/>
12. Renewable energy technologies, energy poverty and climate change // UNCTAD. Technology and innovation report. – Geneva, 2011. – 179 p. – Mode of access: http://archive.unctad.org/en/docs/tir2011_en.pdf
13. Rosenberg N. Innovation and economic growth / OECD. – Paris, 2004. – 6 p. – Mode of access: <http://www.oecd.org/cfe/tourism/34267902.pdf>
14. Szirmai A., Naude W.A., Goedhuys M. Entrepreneurship and innovation in developing countries / United Nations University. World institute for development economics research. Policy brief. – Helsinki, 2011. – N 1. – Mode of access: http://wider.unu.edu/publications/Policy-Brief/en_GB/unupb1-2011
15. Torun H., Cicekci C. Innovation: is the engine for economic growth / EGE University. The faculty of economics and administrative sciences. – Izmir, 2007. – 54 p. – Mode of access: <http://www.tcmb.gov.tr/yeni/iletisimgm/Innovation.pdf>

Е.В. Пилипенко

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ КАК ОСНОВА ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

«Мы, к сожалению, находимся в плену старых представлений о том, что происходящее связано с политическими решениями, природой экономики, ресурсами и так далее... все упирается в фактор развития человека как разумного существа»

С.П. Капица

Сегодня идет интенсивный поиск новой парадигмы общественного развития, способной адекватно объяснить происходящее и предложить приемлемую концепцию будущего. Этот процесс принципиально важен, поскольку любая экономика – не самоцель, а лишь инструмент, более или менее эффективный, реализации глобальной цели любого общества – обеспечения непрерывного процесса удовлетворения возрастающих потребностей настоящего и будущих поколений.

Степень эффективности экономического механизма будет всецело зависеть от степени непротиворечивости подлинных (не декларируемых) целей общественного развития выбранным способом их реализации. Сегодняшний кризис, по нашему мнению, как раз и заключается в том, что инструменты реализации заявленной цели (удовлетворение возрастающих потребностей сегодняшнего и будущих поколений) таковы, что исключают саму возможность ее достижения. Именно этим объясняются столь напряженные поиски новых, адекватных истинным целям общественного развития экономических механизмов и инструментов.

Рассмотрим, в рамках какой из существующих концепций общественного развития она сможет наиболее полно воплотиться.

Концепция постиндустриального общества наибольшее распространение получила во второй половине XX в. Фактически она является развитием и продолжением популярных в 60-х годах прошлого века теорий «индустриального общества» (Р. Арон) и «стадий экономического роста» (У. Ростоу). Основные положения теории постиндустриализма изложены в трудах Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинского, А. Тоффлера, Ж. Фурастье и др. В целом концепция «постиндустриального общества» претендует на роль общесоциологической теории поступательного развития человечества. Постиндустриальное общество противопоставляется доиндустриальному и индустриальному по следующим параметрам: основному производственному ресурсу; типу производственной деятельности; характеру базовых технологий [Иноземцев В.Л., 2000].

И тем не менее, несмотря на многочисленные исследования, истинная причина происходящих изменений, на наш взгляд, так и не была названа, поскольку основное внимание уделялось описанию внешних признаков каждого из этапов общественного развития в ущерб анализу движущих сил, внутренней логики и противоречий этого процесса. Прав, на наш взгляд, В.Л. Иноземцев, называя доктрину постиндустриализма «излишне объективистской». Именно придание чрезмерного значения объективным факторам – технике и технологии (так называемый технологический детерминизм) – в ущерб субъективным и не позволило сторонникам постиндустриализма увидеть суть происходящих изменений и, соответственно, определить эффективный механизм воздействия на них. Фактически *следствие было принято за причину*. В самом деле, все те изменения, которые приводятся как проявление действия теории постиндустриализма – и переход к информации как основному производственному ресурсу, и замена трудоемких технологий на наукоемкие, и изменение характера взаимодействия человека в производственном процессе и т.п. – все это *результат, следствие* как эволюционных, так и революционных *изменений в духовной, интеллектуальной природе человека*, его продвижения в процессе познания мира (природы) от верований к теоретическим научным знаниям.

Характеристика типов общественного устройства представлена в таблице 1. При этом традиционные параметры (п. 1–4) дополнены характеристикой интеллектуальной сферы, которая как раз и отражает эволюцию человеческих знаний.

Таблица 1

Характеристика этапов эволюции человеческого общества

№ пп	Характеристики типов общественного устройства	Доиндустриальное	Индустриальное	Постиндустриальное
1.	Основной производственный ресурс	Сырье	Энергия	Информация
2.	Тип производственной деятельности	Добыча	Изготовление	Последовательная обработка
3.	Характер базовых технологий	Трудоемкие	Капиталоемкие	Наукоемкие
4.	Характер взаимодействия	Человек с природой	Человек с преобразованной им природой	Человек с человеком
5.	Характеристика интеллектуальной сферы	Преобладание донаучных знаний и верований	Сочетание эмпирических и теоретических научных знаний	Преобладание теоретических научных знаний

Сделанный акцент на *эволюции знаний как основной причине любых происходящих в обществе изменений* со всей очевидностью указывает на главное действующее лицо, одновременно и причину и результат этих изменений, – человека. Это, в свою очередь, заставляет по-иному взглянуть на *сферу «духовного производства»* – как на ключевую, решающую в любых социально-экономических процессах – и сосредоточить внимание и усилия на исследовании характерных для нее процессов и закономерностей.

В 80-х годах прошлого века теория постиндустриализма, не изменяя своего основного социально-экономического содержания, под влиянием и в результате нового этапа научно-технической революции – компьютеризации – трансформировалась в ***концепцию информационного общества***. Термин «информационное общество» был введен в научный оборот в начале 60-х годов фактически одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао. Затем существенный вклад в ее развитие внесли М. Порат, Й. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц и ряд других. В рамках этой концепции производство, распределение и потребление информации рассматривается как преобладающая сфера экономической деятельности общества.

Эта концепция в еще меньшей степени, чем концепция постиндустриального общества, может претендовать на статус новой парадигмы общественного развития в силу целого ряда причин.

Прежде всего, в силу явно неадекватной (чрезмерно завышенной) оценки степени самостоятельности и самодостаточности информации в производстве и общественной жизни. Роль информации как *ресурса*, особенно в современном, наукоемком, производстве, действительно, трудно переоценить. Любые исследования в этом направлении, т.е. исследования информации как специфического ресурса своевременны, полезны и важны.

Однако нельзя забывать о том, что информация становится знанием, т.е. действительным, определяющим *фактором* общественной жизни, только в голове человека. Поэтому до тех пор, пока не будет создан сравнимый по своим параметрам с человеческим мозгом искусственный интеллект, говорить о том, что электронные устройства способны создавать из поступившей к ним или обработанной ими информации новые знания, нельзя. Правильнее, вероятно, говорить о том, что электронные (или любые другие) устройства ускоряют и упрощают обработку массива информации, чем существенно облегчают человеку процесс создания новых знаний. Однако в любом случае информация была, есть и, вероятно, еще долго (если не всегда) будет *подчиненным человеку ресурсом*, эффективность использования которого всецело зависит от субъективных особенностей и качеств личности. Таким образом, говорить об информации как о самостоятельном, самодостаточном, системообразующем факторе общественной жизни нет, по нашему мнению, никаких оснований. Таким фактором – самостоятельным, самодостаточным, системообразующим – является творческая деятельность человека, одним из ресурсов и продуктов которой является информация.

В целом концепция информационного общества существенно обогатила представления о современном этапе общественного развития, однако в дальнейшем, на наш взгляд, более продуктивно рассматривать информацию именно как результат «духовного производства», существующий в его рамках и по его законам. Следовательно, первостепенную важность приобретает исследование самой *сферы «духовного производства»*.

В последние годы господствующей в экономической науке, все в большей степени занимающей умы ученых и политиков, стала **концепция экономики и общества знаний**. Вообще в научной литературе распространен взгляд на экономику знаний как на «новую», «неизвестную» экономику, что, с одной стороны, совершенно оправдано. Однако, как мы полагаем, правильнее было бы рассматривать экономику знаний не как некий, неизвестно как

возникший необъяснимый феномен, а как *закономерный этап эволюционного развития производительных сил, вызванный переходом накопленного человечеством количества научных знаний в новое качество.*

Источником богатства в экономике знаний становится деятельность, развивающая человеческие способности, а именно, «труд» самосознания, который выполняют «индивиды», каждый в отдельности и все вместе во всеобщем и всестороннем обмене. Развитие человеческих способностей – это одновременно цель деятельности и сама деятельность. Здесь нет различия между целью и всегда незавершенным стремлением к этой цели. Происходит фундаментальный переворот: *не человек служит развитию производства, а производство служит человеческому развитию, самосознанию.*

Как практически осуществить эти принципы в экономической деятельности? Представляется, что если вывести сферу «духовного производства» из-под влияния рынка, то это будет способствовать повышению эффективности развития как каждого из производств в отдельности, так и всей системы в целом.

Не претендуя на универсальность и окончательность решения проблемы тем не менее предлагаем свой вариант решения (рис. 1).

Он представляет **концепцию экономики знаний**, основанную на следующих принципиальных моментах:

- единстве экономического поля;
- приоритетном развитии «духовного производства»;
- соответствии механизма управления и показателей эффективности особенностям продукта каждого из производств.

Предлагаемая модель является *отражением объективной реальности* – процесса познания. Мы полагаем, можно со всей уверенностью утверждать, что процесс познания *всегда* начинается в голове человека и только от человека зависит – какую *форму* будут иметь результаты его познавательной деятельности – форму записи, книги, материального объекта – или они так и останутся лишь его мыслью, идеей и не выйдут за пределы его сознания. Принципиально важным для понимания механизма функционирования единого экономического поля является тот факт, что ни одно из звеньев этой цепочки («духовное» – информационное – материальное производство) не существует без других, их существование и развитие взаимообусловлено и взаимозависимо. Совокупность «духовного», информационного и материального производств представляет собой единую технологическую цепочку производ-

ства и использования знаний: процесс производства знаний, начавшись в «духовном производстве» с создания идеальных (личностных) знаний, продолжается в информационном производстве посредством их кодирования и распространения и завершается овеществлением в материальном производстве.

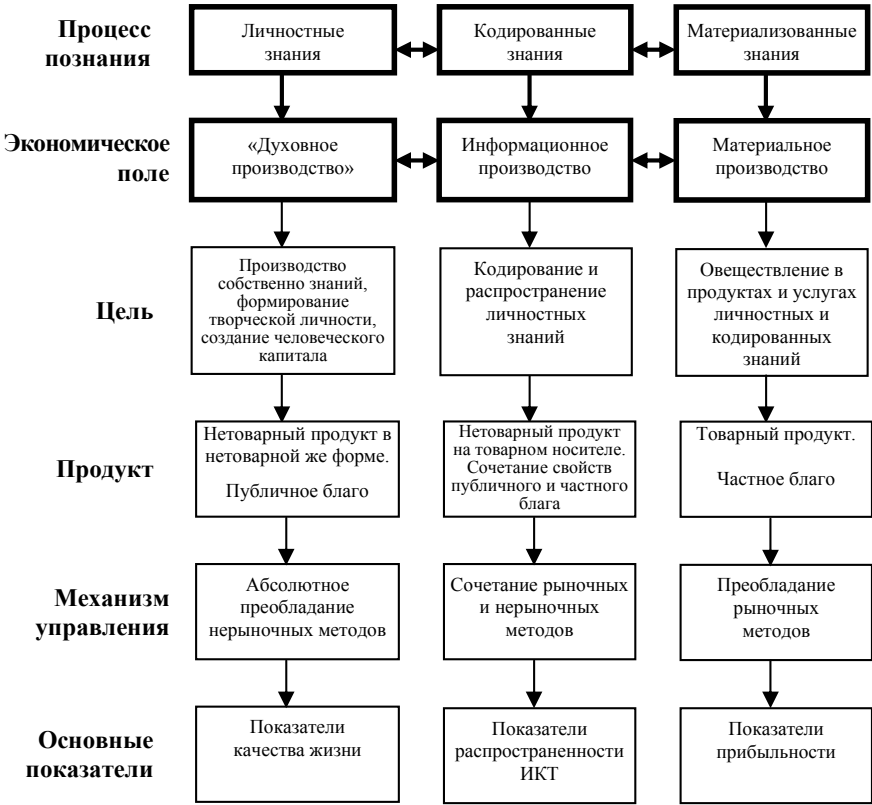

Рис. 1. Система экономики знаний.

С одной стороны, как информационное, так и материальное производства представляют собой не что иное, как представление в ином виде (кодифицированном и овеществленном соответственно) идеальных знаний, полученных в «духовном производстве». Иначе говоря, целью информационного и материального производств является переработка знаний, полученных в «духовном производстве». Остановка, неэффективная работа «духовного производства»

автоматически влекут за собой замедление и остановку информационного и материального производств, поскольку они лишаются как предметов, так и средств труда.

С другой стороны, даже уникальные по своим возможностям воздействия на реальную жизнь человека и общества личностные знания, не будучи материализованными, оказываются потерянными для общества, для общественного прогресса. Фактически материализация знаний является одним из важнейших условий самого их существования.

Однако материальное производство *всегда вторично* по отношению к производству «духовному», поскольку всегда *лишь воплощает ранее созданные в «духовном производстве» образы и идеи*. Это со всей очевидностью указывает на систему взаимосвязей и подчиненности в едином экономическом поле: источником и основой общественного богатства является «духовное производство». *Производство материальное является лишь более или менее успешным овеществителем идей, создающихся в «духовном производстве»*. Информационное производство является связующим звеном между «духовным» и материальным производствами и сочетает в себе черты их обоих.

Легко заметить, что представленная на рисунке 1 схема функционирования экономики знаний не имеет ни национальных, ни социальных особенностей или предпочтений: она не относится только к капиталистическому или исключительно к социалистическому способу производства; это не «американская», «исламская», «русская» или как-либо иная исключительно национальная, территориальная или религиозная модель. Отражая объективную реальность – процесс познания – она носит *универсальный* характер. Основное требование, предъявляемое обществом знаний к экономике знаний как механизму достижения его целей – обеспечить *приоритетное развитие «духовного производства» в едином экономическом поле*.

В обществе (и экономике) знаний должен быть создан такой механизм, в котором материальное производство займет не несвойственное ему (как хорошо видно из рис. 1) *главствующее*, а естественное для него *замыкающее* положение, положение не более чем овеществителя идей, создаваемых в «духовном производстве». Это весьма непростой процесс, требующий, во многих случаях, полной перестройки системы социально-экономических отношений, и различные общества будут идти к нему по-разному –

опираясь на те институты, которые уже ими созданы и заново создавая те, которые никогда им ранее не были присущи.

Необходимость (если точнее – *объективная закономерность*) коренных перемен в общественном (и, как следствие, экономическом мироустройстве) объясняется просто – вплоть до настоящего времени *человек как личность* (точнее – как *творческая личность*) никогда не был *целью* общественного развития, а рассматривался как более или менее необходимое *средство* достижения целей в областях материального производства. Однако именно многовековая эволюция материального производства, максимально возможное, предельное развитие техники и технологий привели к пониманию необходимости изменения целей и направлений общественного развития, выдвижения в число первейших приоритетов и факторов развития *собственно человека как единственного творца* единственного по-настоящему *неисчерпаемого ресурса экономического и общественного развития – знаний*. Такое понимание экономики знаний дает простой ориентир в сложных терминологических спорах об определении ее понятия и сущности: этот критерий – *цель экономического развития*.

Применим этот критерий к конкретной ситуации, ответив на вопрос: «инновационная экономика» – это то же самое, что и «экономика знаний» или нет? В современной научной литературе эти понятия часто не разделяются, а термины – «экономика знаний» и «инновационная экономика» употребляются в качестве синонимов. Между тем это принципиально, *мировоззренчески* разные явления. Ведь какова *цель* «инновационной» экономики? Та же, что и у экономики «неинновационной» (т.е. заменяемой «инновационной») – *получение все большей прибыли*. Инновации – это только способ получить более дешевые сырье и материалы (в том числе заменить исчезающие естественные ресурсы ресурсами искусственными), более дешевую, чем человек, рабочую силу (т.е. заменить в производственном процессе человека с его все возрастающими социальными потребностями машинной техникой) и т.д. Поэтому страны, далеко продвинувшиеся в построении такой – инновационной – экономики вместо ожидаемого ослабления социально-экономических кризисов получили их фактическое усиление. Что и неудивительно, поскольку *не был изменен стержень экономической системы – материальное производство по-прежнему доминирует над «духовным»*, существование и развитие человека по-прежнему рассматривается не как абсолютная ценность, не как главная цель общества, а в рамках и с точки зрения полезности

для материального производства. По этому критерию (цели) инновационная экономика является лишь очередной модификацией того, что мы называем экономикой «традиционной» и в силу этого не способна «взорвать» систему, порождением которой она является (рис. 2).

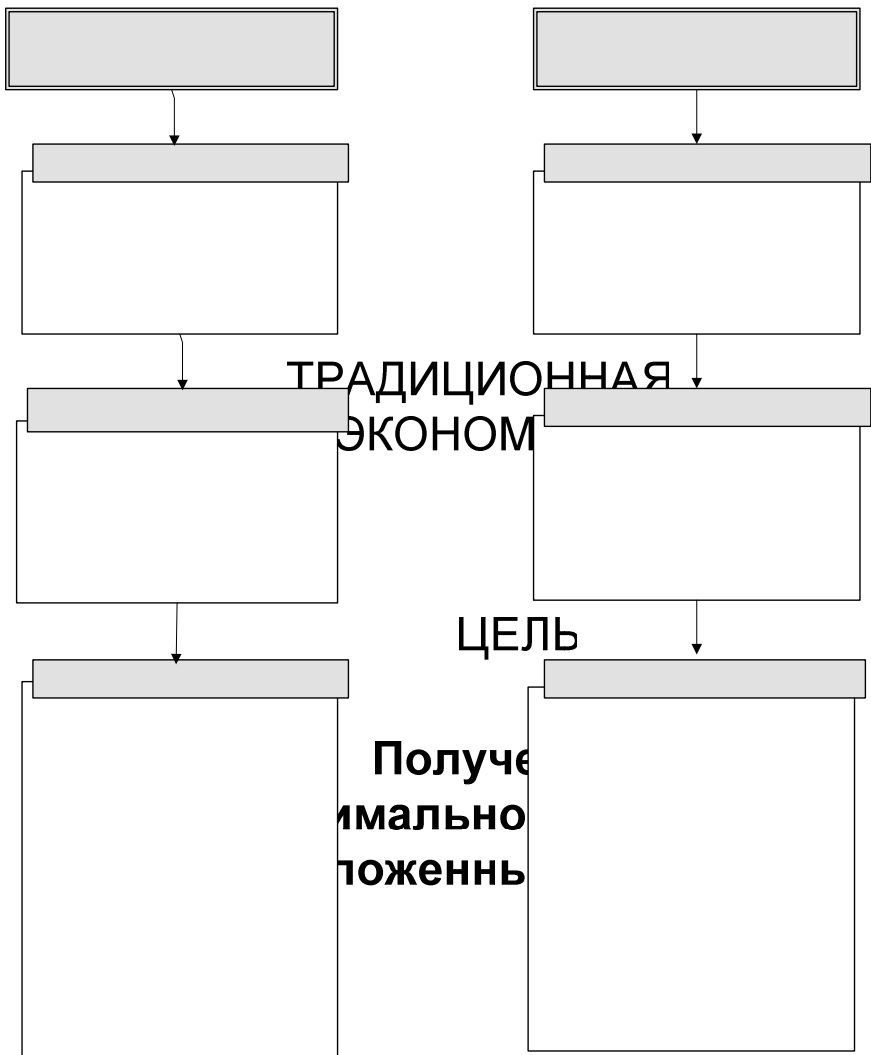

Рис. 2. Различия экономики знаний и традиционной экономики. Однако, если следовать такому критерию (цель экономического развития), может получиться, что на сегодняшний день нет

оснований говорить об экономике знаний как о свершившемся факте. Полагаем, что это так и есть. Можно говорить о набирающей силы тенденции, необходимо изучать движущие силы этого процесса и выстраивать с ними эффективные (т.е. неантогонистические, непротиворечивые) отношения на этом новом экономическом поле. При этом надо исходить из того, что *становление экономики знаний есть процесс объективный и необратимый*, поскольку переход количества накопленных человечеством знаний в новое качество является уже свершившимся фактом.

Формирование экономики знаний – это длительный и болезненный (поскольку связан с неизбежной ломкой общественных стереотипов) процесс, находящийся (в лучшем случае) в самом начале. Понятно, что этот процесс для каждой страны будет иметь свои особенности, определяемые особенностями производственной структуры, инновационной системы и менталитета населения.

Однако уже сегодня любые стратегические и тактические решения (как экономические, так и политические) необходимо согласовывать с ее требованиями. Конечно, полный «спектр» этих требований сегодня определить невозможно, однако совершенно очевидно главное требование – *развитие человека* должно рассматриваться как *собственно цель и критерий общественного прогресса*. От степени успешности решения этой задачи и будут в конечном счете зависеть проблемы и перспективы построения общества и экономики знаний в России.

Литература

1. Диалектика материального и духовного производства в экономике знаний / Институт экономики УрО РАН. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. – 295 с.
2. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 190 с.

М.А. Положихина

НОВЫЕ УСЛОВИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА ТРУДА

В 2000-х годах Россия вступила в новый период своего развития, связанный с *количественным уменьшением* трудовых ресурсов и *качественным их изменением*.

В 2010 г. общая численность экономически активного населения¹ России оценивалась (с учетом неформальной занятости) в не менее 100 млн. человек. Численность экономически активного населения в формальном секторе в период 1990–2011 гг. колебалась около 75–76 млн. человек. К 2020 г. прогнозируется сокращение общей численности экономически активного населения страны, по разным оценкам, до 90–96 млн. человек, а к 2030 г. – до 80–89 млн. человек. Причина такой негативной динамики – уменьшение (за счет действия демографических факторов) численности населения в трудоспособном возрасте, которое, как ожидается, сократится с 88,4 млн. человек в 2010 г. до 78–80 млн. человек в 2020 г. и до 72–77 млн. человек в 2030 г. [Стратегия-2020., 2012, с. 232; Федеральная служба государственной статистики]. При этом численность мужчин трудоспособного возраста сокращается более высокими темпами, чем женщин.

Вместе с тем за прошедшее 20-летие в России значительно вырос уровень образования занятого населения. Причем в 2000-е годы темпы накопления человеческого капитала в российской экономике превосходили ситуацию 1990-х годов, не говоря уже о последних десятилетиях существования советской системы. К 2010 г.

¹ Экономически активное население = население в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 года) – нетрудоспособное население (заключенные, военнослужащие и т.д.) – экономически неактивное население (домохозяйки, инвалиды и т.д.) + работающее население старше и младше трудоспособного возраста = занятое население + безработные.

почти три четверти российских работников обладали уровнем третичного образования¹. А доля малообразованных работников (с основным общим или начальным образованием и ниже) упала до менее чем 6% (соответственно 4,8 и 0,7%). Фактически можно говорить о почти полном вымывании из российской экономики работников, не пошедших дальше обязательных 9 классов [Капелюшников Р.И., 2012, № 2, с. 55].

Как отмечают исследователи, причина ускоренного роста доли работников с уровнем третичного образования заключается в резко возросшей со второй половины 1990-х годов экономической ценности высшего образования. Если во второй половине 1990-х годов средняя величина «премии» за вузовский диплом в России составляла 30–40%, то в начале 2000-х она стабилизировалась примерно на уровне 60%. Окупаемость вложений в человеческий капитал в России (на уровне 8–10% в год) – пока одна из самых высоких в мире [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 133].

Процесс стремительного повышения экономической ценности человеческого капитала, начавшийся после старта рыночных реформ, в большей или меньшей степени затронул все страны с переходной экономикой. У России скачок в норме отдачи был одним из самых сильных. Кроме того, он растянулся на более длительное время, захватив не только 1990-е, но и начало 2000-х годов. Здесь действовали многие факторы: декомпрессия заработков вследствие дерегулирования оплаты труда; лучшая адаптивность более образованных работников; отраслевые сдвиги в структуре занятости; технологический прогресс. Но главным было то, что в условиях перевода экономики из планового режима в рыночный с определенного момента спрос на высококвалифицированную рабочую силу рос быстрее ее предложения [там же, с. 144].

Основным «мотором» этого процесса, по-видимому, выступала институционально-организационная (и отчасти – технологическая) перестройка экономики, которую невозможно было осуществить без привлечения больших отрядов рабочей силы с высоким образованием и высокой квалификацией. Активный рост спроса носил во многом компенсационный характер и стал реакцией на дисбалансы в структуре занятости, возникшие еще в плановую

¹ Третичному образованию, выделяемому согласно Международной стандартной классификации образования в версии 1997 г. (МСКО-97), в России соответствует среднее профессиональное, высшее и послевузовское образование. Вторичному – среднее школьное и начальное профессиональное образование.

эпоху и усилившиеся в период переходного кризиса. Он внес серьезные коррективы в структуру российской занятости, обеспечив перераспределение рабочей силы от менее квалифицированных к более квалифицированным профессиональным группам. В условиях, когда сегмент рабочих мест по профессиям руководителей, специалистов высшего и среднего уровней квалификации с каждым годом становился все шире, ориентация на повышение уровня образования была вполне рациональной инвестиционной стратегией населения. В результате, с количественной точки зрения человеческий капитал, которым в настоящее время располагает российская экономика, – один из самых значительных в мире. По доле работников с третичным образованием Россия выступает мировым лидером, а с высшим – входит в группу наиболее передовых стран [там же].

Изменения в качественных и количественных характеристиках отечественных трудовых ресурсов в 1990–2000-х годах происходили неравномерно и сопровождались *нарастанием диспропорций*, в том числе территориальных, национальных, возрастных, гендерных и отраслевых.

С 1993 по 2011 г. общая плотность населения России сократилась незначительно – с 8,7 до 8,4 человек на км². Однако *неравномерность размещения населения внутри страны усилилась*. Разрыв в плотности населения между самым густонаселенным регионом (Московской областью) и самым малонаселенным (Чукотским автономным округом), по данным переписи населения 2010 г., составляет более 2 тыс. раз – 154,2 человек на км² и 0,07 человек на км² соответственно [Федеральная служба государственной статистики]. В настоящее время большая часть населения страны концентрируется в Центральном, Северо-Кавказском, Поволжском и Южном федеральном округах, тогда как в Дальневосточном федеральном округе, на севере Сибирского, Уральского и Северо-Западного федеральных округов численность населения сокращается ускоренными темпами. При этом в Центральном и Северо-Западном округах активно развиваются депопуляционные процессы в сельской местности. Кроме того, более высокий уровень рождаемости в национальных образованиях в перспективе может привести к тому, что русские перестанут преобладать в структуре населения России.

Население страны стареет. Численность населения моложе трудоспособного возраста в России сократилась с 36,0 млн. человек в 1989 до 22,8 млн. человек в 2010 г. В перспективе ожидается

дальнейшее ухудшение ситуации. По разным вариантам прогноза Росстата, к 2020 г. численность населения моложе трудоспособного возраста составит 23–28 млн. человек, а к 2030 г. – 18–26 млн. человек. Численность населения старше трудоспособного возраста демонстрирует противоположную динамику: с 1989 по 2010 г. она увеличилась с 27,2 до 30,7 млн. человек. В перспективе предполагается дальнейший рост численности этой категории населения – до 36–37,5 млн. человек к 2020 г. и 37–42 млн. человек к 2030 г. [Федеральная служба государственной статистики].

Образовательную структуру российской рабочей силы отличает сильная *гендерная асимметрия в пользу женщин*. Так, среди мужчин высшее образование (законченное и незаконченное) в настоящее время имеют чуть более 1/4, тогда как среди женщин – около 1/3. Среди занятого населения по доле обладателей высшего образования мужчины отстают от женщин еще сильнее – 31,8% против 40,1%. Объясняется это тем, что у женщин темпы образовательного апгрейдинга в 1990–2000-х годах были намного выше, чем у мужчин. Главным фактором, определяющим данный дисбаланс, является то, что для женщин ценность вузовского диплома существенно больше, чем для мужчин. По разным оценкам, гендерный разрыв получаемых «премий» составляет 1,2–1,5 раза [Капелюшников Р.И., 2012, № 2, с. 55–56]. Причем перевес женщин в уровне образования складывается в условиях действия дополнительной мотивации у мужчин к получению высшего образования в связи с возможностью уклонения от воинской службы. По экспертной оценке, чистый «эффект призыва» оценивается в 2–3% от общей численности студентов вузов [там же, с. 64]. В результате женская рабочая сила в России характеризуется более высоким уровнем человеческого капитала по сравнению с мужской.

Одновременно Россия продолжает занимать одно из лидирующих мест в мире по масштабам *недоиспользования накопленного человеческого капитала*. Не менее 1/3 всех работников с третичным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. По минимальным оценкам, к тем, чей образовательный потенциал недоиспользуется, можно отнести около 15% работников сферы обслуживания, 20% сельскохозяйственных работников, 40% неквалифицированных рабочих [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 139].

Недоиспользование формально высококвалифицированных работников во многом обусловлено *неодинаковым качеством получаемого образования*. Эксперты отмечают снижение качества

профессиональной подготовки работников в России. Особенно это касается начального профобразования и основной части среднего профобразования, которые испытывают провал уже в исходном качестве обучающихся. В учебные заведения этого типа все больше идут люди, не имеющие мотивации к получению профессиональных навыков. Образование больше используется для социализации, а не для профессиональной карьеры. Отсутствуют также рыночные сигналы о качестве работника определенной квалификации [Россия и мир., 2011].

Дисбаланс между структурой подготавливаемых трудовых кадров и спросом на них. В настоящее время в России численность обучающихся в системе начального профессионального образования неуклонно снижается. Наибольшую же часть (44%) растущей численности выпускников учреждений высшего образования составляют экономисты, юристы и другие специалисты обществено-гуманитарного профиля [Семеко Г.В., 2011, с. 139]. И рейтинг вузов по качеству приема складывается следующий: МГУ им. М.В. Ломоносова, Физтех, МГИМО, медицинские вузы, причем даже региональные [Россия и мир., 2011, с. 254].

При этом, по данным 2008 г., наиболее востребованными в отечественной экономике являются работники здравоохранения и работники обрабатывающих производств по техническим специальностям [Семеко Г.В., 2011, с. 142–143]. С одной стороны, в стране нарастает дефицит квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. По словам Я.И. Кузьмина, «в ближайшие десятилетия России грозят не столько техногенные, сколько “человекогенные” катастрофы в области эксплуатации сложного оборудования... Зато предстоит замечательное развитие сектора услуг» [Россия и мир., 2011, с. 254]. С другой стороны, по ряду направлений, в том числе педагогика, здравоохранение, социальное обслуживание, выпускники не устраиваются работать по полученной специальности. В целом, при переизбытке трудовых кадров по одним специальностям существует их недостаток по другим, т.е. система подготовки кадров не соответствует структуре и потребностям экономики.

Все перечисленные тенденции весьма инерционны и в значительной степени будут сохраняться в средне- и даже долгосрочной перспективе (до двух поколений).

Возможные сценарии развития рынка труда

По мнению экспертов, со стороны предложения трудовых ресурсов картина выглядит достаточно однозначной. При сохранении нынешних показателей охвата молодежи обучением в вузах и сузах, к середине столетия российская рабочая сила будет как минимум на 80% состоять из обладателей третичного образования, причем на 2/3 – высшего [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 145]. Соответственно, зарегламентированная исполнительская работа и тяжелый физический труд для них неприемлемы, т.е. три четверти населения России так уже работать не будут [Россия и мир..., 2011, с. 255].

В результате в экономике возникнет острый дефицит не-квалифицированной рабочей силы. Ее придется в больших масштабах «импортировать» из-за рубежа, все активнее привлекая мигрантов, либо резко повышать оплату за подобный труд, делая его минимально привлекательным для лиц со сравнительно высоким образованием.

Ситуация на стороне спроса гораздо менее определенная. Пока не ясно, как российские предприятия станут реагировать на дальнейший рост предложения рабочей силы с высоким формальным образованием: не заметят его или начнут создавать новые высококвалифицированные рабочие места, перестраивая свою технологическую и организационную базу. Теоретически возможны оба крайних сценария. Однако наиболее вероятным представляется промежуточный вариант, предполагающий ограниченную адаптацию, когда спрос на дипломированную рабочую силу хотя и будет продолжать расти, но намного медленнее чем в 2000-е годы. В таком случае все большему числу будущих обладателей третичного образования придется «оседать» на низкоквалифицированных рабочих местах, не требующих значительных инвестиций в человеческий капитал. Как следствие, к середине столетия контингент избыточно образованных работников на российском рынке труда может оказаться намного больше, чем сейчас. Еще опаснее, если значительная часть дипломированной рабочей силы будет вообще вытеснена с рынка труда.

Возможно, что российская экономика уже вплотную приблизилась к черте, за которой могут начаться резкое увеличение масштабов недоиспользования высококвалифицированной рабочей силы и падение экономической ценности образования. Это чревато размыванием тех преимуществ, которые в российских условиях дает (пока) накопление человеческого капитала. Очевидно,

что такой вариант развития событий сопряжен не только с огромными потерями в экономической эффективности, но и с непредсказуемыми социальными и политическими последствиями. В итоге вместо высокопродуктивной экономики знаний в России может сформироваться нечто противоположное – не имеющая аналогов и прецедентов *экономика невостребованных знаний* (или даже *псевдознаний*), контуры которой пока еще не вполне ясны [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 147]. Какой в результате вариант развития реализуется, во многом зависит от принятых мер государственной политики по целому ряду направлений.

Направления регулирования рынка труда

Внешняя миграция

Считается, что количественные проблемы отечественного рынка труда во многом могут быть решены за счет постоянной и временной иммиграции.

Так, миграционный прирост в период 1992–2010 гг. почти на 60% компенсировал естественную убыль населения и замедлил процесс его старения [Стратегия-2020..., 2012, с. 225]. Значительна роль временной трудовой миграции в экономике страны. Трудовые мигранты занимают «плохие», низкооплачиваемые, с тяжелыми и опасными условиями труда рабочие места. Трудом рабочих-мигрантов создается 8% ВВП России [Рязанцев С.В., Хорие Н., 2011, с. 35].

Согласно официальным данным, количество легальных трудовых мигрантов в России стабильно росло вплоть до 2008 г., достигнув более 2,4 млн. человек. В 2010 г. количество оформленных разрешений на работу сократилось на 17% по отношению к 2009 г. и составило 1,2 млн. [там же, с. 23]. Но значительная часть трудовой миграции происходит в стихийном режиме и на незаконных основаниях. По оценкам, в России работает от 3 до 5 млн. иностранных граждан без оформления соответствующего разрешения [Концепция..., 2012].

Доля легальных иностранных трудовых мигрантов среди населения, занятого на российском рынке труда, остается относительно небольшой – всего 3–4%. Однако, например, в 2009 г. в строительстве она составила 15%, в добыче полезных ископаемых – 4,5, в сфере торговли и бытовых услуг – 3, на транспорте – 2% [Стратегия-2020..., 2012, с. 225].

Иностранная рабочая сила привлекается в Россию более чем из 140 стран. В 2010 г. крупнейшими поставщиками иностранных рабочих были Узбекистан (511,5 тыс. человек), Таджикистан (268,6 тыс.) и Кыргызстан (117,7 тыс.), а также Украина (161,3 тыс.), Китай (186,5 тыс.) и Турция (131 тыс. человек) [Рязанцев С.В., Хорие Н., 2011, с. 23–24]. Причем на российском рынке труда сложилась достаточно четкая специализация трудовых мигрантов из отдельных стран на определенных отраслях занятости, т.е. иностранные трудовые мигранты трудоустраиваются в России по этнотерриториальному принципу.

В перспективе реальными донорами для российского рынка труда являются только страны Центральной Азии. На долю иммигрантов из этого региона уже приходится более 40% общего миграционного прироста на постоянное место жительства и 50% всей численности иностранной рабочей силы [там же, с. 35]. Причем в последние годы в общем миграционном потоке интенсивно растет доля представителей титульных народов центральноазиатских стран (таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен).

Несмотря на определенные плюсы, увеличение масштабов такой внешней трудовой миграции приводит к нарастанию негативных эффектов. Увеличение притока хуже владеющих русским языком и менее квалифицированных мигрантов обостряет проблемы адаптации и коммуникации с постоянным русскоговорящим населением.

Рабочие-мигранты живут в плохих условиях, получают гораздо меньшую заработную плату, подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, повсеместно нарушаются их трудовые и человеческие права. Фактически можно говорить о формировании сегмента принудительного труда в некоторых отраслях российской экономики. Многие предприятия с использованием труда рабочих-мигрантов представляют собой составную часть сегмента теневой экономики. Из-за демпинга цены на труд часть местных работников теряет стремление и желание искать работу в этой отрасли. А работодатели теряют интерес к модернизации производств, так как имеют возможность снижать издержки производства за счет снижения затрат на рабочую силу.

В результате внешняя миграция способствует консервации высокой доли ручного труда и низкого технического уровня отечественных предприятий. За счет ее не может быть решена проблема обеспечения рынка квалифицированными рабочими. Умений и на-

выков иммигрантов недостаточно для модернизации и, тем более, для инновационного развития экономики России.

Внутренняя миграция

Следует отметить, что в стране практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и безработных ни в собственном регионе, ни в соседних территориях. Отмечается крайне низкая территориальная мобильность населения. В 2008 г. в межобластных перемещениях в России участвовали только шесть человек в расчете на 1 тыс. жителей. В США аналогичный показатель составляет 19 человек, в Австралии – 17 [Стратегия-2020..., 2012, с. 227].

Более эффективному использованию отечественных трудовых ресурсов препятствует, прежде всего, нерешенность жилищной проблемы. Негибкость и недостаточность предложения на рынке жилья является, кроме того, ограничивающим фактором повышения уровня рождаемости в России.

Необходимость регулирования рынка трудовых ресурсов вполне осознается как научным сообществом, так и представителями государственных органов. В соответствии с принятыми правовыми актами в 2012 г. должен появиться прогноз баланса трудовых ресурсов России на 2013 г. и плановый период 2014–2015 гг., причем не только в целом по стране, но и в разрезе регионов. В июне 2012 г. утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., а в июле 2012 г. принята новая редакция Закона «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1¹.

Предпринимаемые меры по совершенствованию «правил игры» на рынке трудовых ресурсов оцениваются в целом позитивно. Во всяком случае, принятые документы предусматривают вполне разумные и правильные мероприятия. Весь вопрос в том, насколько взвешены и обоснованы будут реальные действия. Как показывает новейшая история, разрыв между благими пожеланиями и конкретными шагами в России чрезвычайно велик.

В то же время, как представляется, усилия со стороны государства по преодолению дисбалансов в системе подготовки трудовых кадров недостаточны. Предложение о сокращении бюджетных мест в вузах, прозвучавшее со стороны министра образования Д. Ливанова, при сохраняющемся высоком спросе на высшее обра-

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – М., 1992. – № 30. – Ст. 1797.

зование со стороны населения, трудно оценить иначе, как неявное усиление его платности. Более рациональным в сложившихся условиях является изменение структуры приема, в том числе увеличение приема по техническим специальностям при соответствующем сокращении мест по общественно-гуманитарным специальностям. Большого внимания также заслуживают вопросы повышения качества получаемого образования и более активное привлечение частного бизнеса к подготовке кадров. Пока частный бизнес практически самоустранился от этого процесса и не заинтересован как-либо в нем участвовать.

В целом же, по мнению специалистов, ключевым фактором, от которого зависит тот или иной сценарий развития рынка труда в России, является величина совокупных издержек, связанных с созданием «хороших» рабочих мест. В современной российской экономике такие издержки часто остаются запретительно высокими. Создание высококвалифицированных рабочих мест невозможно без значительных инвестиций и тесно связано с технологическими и организационными инновациями. В этом смысле недостаточные темпы создания «хороших» рабочих мест являются обратной стороной низкой инвестиционной и инновационной активности российских предприятий, которая, в свою очередь, выступает прямым результатом неблагоприятного делового климата в стране [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 146].

Хотя вопрос о величине издержек на труд в России далеко не однозначен и в значительной степени политизирован, его решение во многом обусловлено способами регулирования заработной платы и доходов населения. А в более общем политэкономическом смысле непосредственно связано с принципами распределения и перераспределения создаваемого прибавочного продукта. И здесь существуют различные точки зрения.

Заработная плата и доходы населения

Одним из тезисов либеральных экономистов является утверждение о том, что доходы населения в России и зарплаты, в частности, растут слишком высокими темпами, опережая рост производительности труда. И дальнейшее проведение такой политики опасно, так как ведет к росту инфляции.

Однако проведенные расчеты показали, что уровень производительности труда 1991 г. был в 2005 г. превышен на 4,7%. Между тем реальная зарплата оставалась ниже предкризисной на 18,2%.

И в последующие годы, и в целом за период трансформации российской экономики производительность труда опережала рост заработной платы.

Не подтверждается также тезис о том, что разрыв в уровнях оплаты труда в России и в развитых странах мира обусловлен отставанием по производительности труда. Так, разница с ФРГ и США в производительности труда по часовой выработке в России в 2010 г. оценивалась, в 2,9–3,2 раза [Производительность труда..., 2012], а среднемесячная зарплата в сопоставимом выражении различалась с теми же странами в 2012 г. – более чем в 5 раз [Средняя зарплата..., 2012]. Если же сравнивать Россию со странами, сопоставимыми с ней по величине ВВП на душу населения, то среднестатистическому россиянину при схожей выработке на человека недоплачивается от 2–2,3 раз (по сравнению с Польшей и Новой Зеландией) до 20–28% (по сравнению с Чехией и Туркменистаном) [Иванов Л., 2011].

Достаточно сомнительно и утверждение о том, что «зарплатная нагрузка» слишком велика для российской экономики. В связи с тем, что легальная часть заработной платы достаточно низка, трудно точно оценить ее соотношение с ВВП. Как считают специалисты, в России только 2/3 зарплаты «белые», а треть – скрытая [там же].

Но, главное в том, что существует огромная дифференциация в уровне заработной платы по отраслям и регионам России, а также между городом и деревней. Поэтому данные о размере средней заработной платы и ее росте не отражают полностью положение с оплатой труда в стране. Существуют отрасли, регионы и рабочие места, о которых можно сказать, что они переоценены. При этом стоимость значительной части рабочей силы (зарботная плата) занижена.

Во многом данная ситуация определяется преобладающей стратегией частного бизнеса по минимизации издержек производства за счет экономии на заработной плате. За счет занижения оплаты труда компенсируется также низкая организационная эффективность производств. Но, давая краткосрочный выигрыш, в долгосрочной перспективе эта политика приводит к деградации рабочей силы и потере мотивации к созидательному труду. В конечном счете недооценка стоимости трудовых ресурсов ведет к стагнации экономики на низком производственно-технологическом уровне.

Рабочая сила в России не может быть дешевой, так как в этом случае не обеспечивается ее воспроизводство. В определенном мере, существующее занижение оплаты рабочей силы в России компенсируется государственными социальными выплатами. Почти 60% домохозяйств получают хотя бы один вид пособия от государства [Стратегия-2020..., 2012, с. 350]. Однако при этом рынок не получает необходимых сигналов для экономии и рационального использования трудовых кадров. Искажается также смысл и направленность государственной социальной политики, растут расходы государственного бюджета. При этом примерно 50% бедных в стране, нуждающихся в социальной поддержке, вообще не имеют доступа к программам помощи [там же, с. 351].

По мнению специалистов, отдельные адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, имеют низкую эффективность в снижении уровня неравенства и, в принципе, не могут решить проблемы бедности, так как не устраняет причин, порождающих это явления. На сегодняшний день воспроизводство неравенства и бедности населения России определяется механизмами распределения и перераспределения ресурсов [Модернизация..., 2012]. Без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений проблемы неравенства и бедности не решаются автоматически, даже в условиях высоких темпов экономического роста, а, наоборот, только углубляются. И основной путь корректировки заключается в совершенствовании системы налогообложения.

В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени наиболее важной частью механизма перераспределения доходов признается прогрессивная шкала налогов. Из более чем 200 стран в мире 15 стран не имеют налога на доходы физических лиц (НДФЛ), 30 – имеют плоскую шкалу и более 150 – прогрессивную. Российская система налогообложения является регрессивной, так как она неравенство увеличивает [там же, с. 314].

Отечественными учеными разработаны предложения по перестройке распределительных механизмов и введению прогрессивной шкалы налогов. Они позволяют снизить неравенство (в пределах 7–10 для коэффициента фондов¹), относительную и абсо-

¹ Коэффициент фондов – это соотношение между средними доходами 10% самых бедных и 10% самых богатых слоев населения (первой и десятой децильных групп).

лютную бедность, при увеличении доходов 80% населения, особенно низкодоходных групп (1-го дециля в 2,5 раза), за счет уменьшения темпов роста доходов не более чем у 10% населения. Причем предлагаемое изменение доходов не связано с дополнительной нагрузкой на бюджет и увеличением общей массы доходов, а также затрагивает не более 8–9% общего объема доходов [там же, с. 314, 317].

Однако введение прогрессивного подоходного налога и других мер регулирования рынка труда встречает резкое неприятие «верхней частью среднего класса (работодателями)¹ на уровне идеологии» [Стратегия-2020., 2012, с. 329]. По мнению авторов «Стратегии-2020», с их стороны в случае принятия таких действий возможно активное либо пассивное сопротивление (обход требований трудового законодательства, отток за границу). «Хотя вывод капитала и создание “запасных аэродромов” они уже начали» [там же]. В этой связи хотелось бы заметить, что «верхняя часть среднего класса (работодатели)» во многих развитых странах мира смирилась с прогрессивной шкалой налогообложения по вполне очевидным политическим мотивам. Прогрессивное налогообложение доходов населения – естественный атрибут цивилизованных распределительных отношений. Без него во всех странах Европы масштабы неравенства и бедности были бы сравнимы или превосходили бы российские. Это сформировавшийся оптимальный механизм, поддерживающий социальный мир и политическую стабильность в Европе [Модернизация., 2012]. Представляется, что такие мотивы должны начать действовать и в России. А «идеологические» препятствия регулированию перераспределительных отношений со стороны одной группы населения вряд ли являются достаточным обоснованием для ограничения направлений государственной политики на рынке труда. Скорее, это противоречие, разрешение которого требует компромисса от всех заинтересованных сторон.

При этом следует исходить из того, что, как показали исследования, нормальное неравенство стимулирует экономику, тогда как избыточное неравенство населения снижает темпы экономического роста и роста инвестиций, ухудшает демографическую динамику.

Избыточное неравенство определяется путем выявления определенных функциональных границ или пороговых уровней доходов, переход через которые необходим для того, чтобы раз-

¹ Честнее и точнее – частью российской элиты.

личные виды экономического, социального и демографического поведения населения были полноценно осуществимыми. Ниже этих границ неравенство признается нормальным, выше – избыточным. При снижении избыточного неравенства на 1% темп экономического роста повышается примерно на 5% (0,33 процентного пункта), а темп роста инвестиций повышается на 6,2% (0,67 процентного пункта). А снижение избыточного неравенства на величину 0,1 повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 пункта и понижает коэффициент смертности примерно на 3 пункта [Модернизация..., 2012, с. 308].

Совместный анализ значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения показал, что величина границы, отделяющей нормальное неравенство от избыточного, в 2–2,5 раза превосходит прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода в России. Доходы более 60% населения лежат ниже данной границы, что не позволяет им эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на здоровье и репродуктивное поведение. Оптимальным, как в экономическом, так и в общестратегическом (в том числе, геополитическом) плане для России является неравенство в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов [там же, с. 303].

Очевидно, что создание перераспределительного механизма, который мог бы обеспечить сокращение неравенства, является одной из основных функций государства. А без этого механизма и без преодоления избыточного неравенства невозможно ни смягчить действие отрицательных факторов на отечественном рынке труда, ни эффективно использовать имеющиеся благоприятные предпосылки для его развития.

Литература

1. Вардоль Н. Новые ниши // Профиль. – М., 2012. – № 8. – С. 26–27.
2. Зайончковская Ж.А., Флоринская Ю.Ф., Тюрюканова Е.В. Трудовая миграция в Россию: Как двигаться дальше // Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 100 с.
3. Иванов Л. Зарплата в России в 2 раза ниже нормы // Свободная пресса. Экономика. – 2011. – Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/economy/article/35820>

4. Капелюшников Р.И. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 2. – С. 52–66; № 3. – С. 120–147.
5. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. // Президент России. Документы. – М., 2012. – Режим доступа: <http://президент.рф/acts/15635>
6. Куликова С.Н. Миграционные процессы в России в условиях кризиса: Реферативный обзор // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2010. – № 1: Россия в условиях мирового экономического кризиса / Ред.-сост. вып. Б.Г. Ивановский – С. 141–157.
7. Модернизация России: Проблемы и пути их решения / Нигматуллин Р.И., Чувев А.В., Абрамов М.Д. и др.; Экспертно-аналит. центр по модернизации и технол. развитию экономики (ЭАЦ «Модернизация»). – М., 2012. – 514 с.
8. Производительность труда в 2010 г. // Вести. Экономика. Инфографика. Россия в цифрах. – 06.03.2012. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/infographics/687>
9. Россия и мир: В поисках инновационной стратегии: Гайдаровский форум-2011: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–19 марта 2011 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ и др. – М.: Дело, 2011. – 447.
10. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. и др. – М.: Науч. мир, 2011. – 189 с.
11. Самедова Е. Неравный бой // Профиль. – М., 2012. – № 1. – С. 30–32.
12. Семеко Г.В. Профессиональное образование и рынок труда в России: Проблемы взаимодействия // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2011. – № 2: Социальные факторы экономического роста / Ред.-сост. вып. С.С. Костяев. – С. 125–155.
13. Средняя зарплата в России и других странах мира в 2012 г. // Деловая жизнь. Работа. – 2012. – Режим доступа: <http://www.bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplata-v-mire2012.html>
14. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
15. Федеральная служба государственной статистики. Российская Федерация. Население. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wsw/connect/rosstat/rosstatsite/main/population>

О.Н. Пряжникова

**ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В настоящее время проблемы пенсионного обеспечения в мире серьезно обострились. Это связано в первую очередь с демографическими факторами, которые не всегда учитывались в прошлом при проведении реформ. Демографическая ситуация в большинстве развитых стран в настоящее время характеризуется замедлением роста численности трудоспособного населения или даже его сокращением. По данным ООН, численность населения мира старше 65 лет в ближайшие 40 лет удвоится, и если в 2010 г. оно составляло 7,6%, то в 2050 г. – составит 16,2% от населения мира или 1 млрд. человек. Это неизбежно приведет к потенциальному росту числа нетрудоспособных членов общества и инвалидов, т.е. к росту числа пенсионеров [Global Aging 2010..., 2010, с. 2].

При этом развитие экономики и рост уровня жизни населения в большинстве как развитых, так и развивающихся государств не только усугубили влияние демографических факторов, но и привели к появлению новых факторов, влияющих на состояние пенсионной системы. Среди них: увеличившаяся продолжительность жизни при сокращении рождаемости, что приводит к дисбалансу взносов и выплат; ранний уход на пенсию, а значит сокращение трудового периода и периода уплаты взносов; увеличение коэффициента нагрузки на трудоспособное население. Главная проблема заключается в том, что «стареющие» государства могут оказаться не в состоянии выплачивать своим пожилым гражданам пенсии и обеспечивать их медицинской и социальной помощью. Все эти факторы в совокупности привели к серьезному увеличению пенсионной нагрузки на государственные бюджеты и поставили перед правительствами вопрос об уменьшении распределени-

тельной доли составляющей пенсионной системы и увеличении доли накопительной.

За последнее десятилетие пенсионная система России существенно изменилась: она преобразовалась из распределительной (pay-as-you-go) в смешанную (multi-pillar). Современная пенсионная система РФ в ее нынешнем виде возникла в 2002 г., когда в результате реформы социальных отчислений взносы в Пенсионный фонд РФ были разделены на три компонента: базовую, страховую и накопительную составляющие трудовой пенсии. Базовый компонент предназначен для борьбы с бедностью среди пожилого населения и его размеры не зависят от трудового стажа и прошлой заработной платы. Накопительный компонент предполагает обязательное использование персональных (личных) пенсионных счетов для граждан, родившихся в 1967 г. и позднее. Тариф страхового взноса на финансирование накопительной части пенсии составляет сейчас 6% от зарплаты работника. Четвертый компонент – добровольное пенсионное страхование начал действовать в 2009 г. и финансируется за счет взносов работников и / или работодателей, софинансируемых государством.

Эти преобразования соответствуют общим мировым тенденциям реформирования пенсионных систем последних десятилетий, которые предполагают четыре стандартные составляющие системы, различающиеся своими функциями, механизмами, источниками финансирования. Первая компонента нацелена на решение задач социальной защиты нетрудоспособных. Все остальные – на сглаживание уровня потребления граждан в разные периоды жизни. Первая чаще всего финансируется за счет общих доходов бюджета, остальные – за счет взносов.

В 2010 г. прошел новый этап пенсионной реформы. В частности, ЕСН был заменен системой социальных взносов, уплачиваемых непосредственно во внебюджетные фонды. Регрессивная шкала с тремя ставками заменена единой ставкой, а предел облагаемой зарплаты ежегодно индексируется по мере роста средней зарплаты в экономике. В 2011 г. ставка пенсионных взносов была повышена с 20 до 26%, в результате чего ПФР собрал в полтора раза больше взносов (2,8 трлн. руб.), чем в 2010 г. В 2012 г. тариф понижен с 26 до 22%, однако сумма сборов страховых взносов не снижается по сравнению с предыдущим годом [Годовой отчет за 2011 год, 2012].

Кроме того, произошла отмена базовой части трудовых пенсий путем ее преобразования в условно рассчитываемую часть

страховой пенсии, индексируемую с использованием общего коэффициента. В дальнейшем ее размеры будут увязаны с длительностью трудового стажа, и, таким образом, первый компонент российской пенсионной системы будет ликвидирован.

Также произошла валоризация пенсионных прав, т.е. пересчет с повышающим коэффициентом пенсионных прав, приобретенных до 1991 г., выплаты по которым в 2011–2013 гг. в среднем ожидаются на уровне 1% ВВП.

Результатом всех нововведений стал рост трудовых пенсий в среднем на 44%. По оценкам Министерства здравоохранения и социального развития, после реформы застрахованному лицу при 30 годах уплаты страховых взносов обеспечивается пенсия по старости не ниже 40% его утраченного заработка, что соответствует международным минимальным нормам пенсионного обеспечения [Здравоохранение и социальная сфера..., 2010].

В настоящий момент средняя зарплата по России составляет 23,5 тыс. руб., при этом средняя трудовая пенсия по старости – около 9,5 тыс. руб. Таким образом, получается, что сейчас средняя трудовая пенсия составляет около 40% от среднего заработка. К 2014 г. планируется увеличить трудовую пенсию по старости на 20%, и она составит почти 12 тыс. руб. Однако в развитых европейских странах хорошей считается пенсия на уровне 70% от заработка. В России движение в сторону роста этого показателя возможно при условии, что работодатели и работники начнут активно участвовать в системе накопительных отчислений на старость.

Вместе с тем эксперты, разработавшие «Стратегию-2020» полагают, что накопительная составляющая российской пенсионной системы неэффективна, так как каркас системы по-прежнему составляет солидарная часть. Авторы исследования указывают на то, что принятые в 2010 г. меры, когда платежи на будущие пенсии стали собираться с заработка в 135% от средней зарплаты (до 512 тыс. руб. годового заработка в 2012 г.), только укрепили этот принцип, и при этом средний класс оказался, по сути, исключен из системы. Программы добровольных **пенсионных** накоплений, по мнению разработчиков «Стратегии-2020» малопопулярны: на индивидуальной (не корпоративной) основе в них участвует только 1% трудоспособного населения, или 5–7% среднего класса [Стратегия-2020..., 2012].

Главное предложение экспертов – принудительно включить средний класс в добровольно-накопительную систему. Для тех работников, чей заработок от 160 до 230% от средней зарплаты,

предлагается создать квазидобровольную пенсионную систему. В ней часть платежа в накопительную систему выплачивает сам работник, например, в размере 2%, этот платеж взимается по умолчанию, в случае если работник не согласен, он вправе написать заявление об отказе. Для сверхбогатых граждан (с зарплатой выше 230% от средней) взнос может составить 2–5%, однако с работодателя платеж не взимается. Таким образом, эксперты предлагают сформировать различные виды пенсий в зависимости от дохода работника: социальную пенсию – для неработающих, базовую – для бедных работников, комбинированную – для среднего класса, которая состоит из добровольной накопительной и квазидобровольной. Четвертый вид – для богатых россиян, это некая альтернативная пенсия с различными формами накоплений и сбережений. Очевидно, что эта система может заработать при условии развитости сберегательных финансовых институтов.

По оценкам агентства Standard&Poore's, в результате старения населения России коэффициент зависимости лиц пожилого и старшего возраста от трудоспособного населения (old-age dependency ratio) к 2050 г. повысится до 39% по сравнению с 18% в настоящее время. По прогнозам агентства, к 2050 г. население России сократится до 116 млн. человек, а доля трудоспособного населения, ныне составляющая 72%, к 2050 г. упадет до 60%. В последние годы существует дефицит бюджета ПФР, который покрывается за счет трансфертов из госбюджета. В 2011 г. дефицит составил 875 млн. руб. (1,64% ВВП). В 2012 г. объем трансфертов из федерального бюджета на покрытие дефицита ПФР запланирован в объеме 1,075 трлн. руб. (1,83% ВВП). Ожидается, что к 2014 г. дефицит ПФР возрастет до 1,3 трлн. руб. [Еремина Н., 2012].

При отсутствии реформ неблагоприятная демографическая ситуация в России приведет, по оценкам агентства, к тому, что расходы, связанные с демографическим фактором, составят до 25,5% ВВП. Ухудшение динамики бюджетных показателей означает, что, несмотря на существенные изменения в российской пенсионной системе, произошедшие в последнее десятилетие, а также низкий текущий уровень государственного долга (в отличие, например, от стран Восточной Европы, где уровень госдолга колеблется от 30 до 80% ВВП, в России он составляет всего лишь 11,2%), необходимы новые реформы, способные вывести российскую систему общественных финансов на путь более устойчивого развития [Старение населения..., 2011; Пенсионная реформа: зачем..., 2012].

Отметим, что в начале июня 2012 г. Международный валютный фонд (МВФ) рекомендовал РФ в ходе пенсионной реформы увеличить к 2030 г. возраст выхода на пенсию до 63 лет и для мужчин, и для женщин, а к 2050 – до 65 лет, так как на фоне общемировых тенденций старения населения в России по сравнению с другими странами возраст выхода на пенсию низкий (для сравнения: в Японии он составляет и для женщин, и для мужчин 70 лет, в Норвегии – 67 лет, в США, Германии и Испании – 65 лет, а во Франции – 61 год). По заявлению советника европейского управления организации А. Спилмберго, такая мера позволила бы стабилизировать государственные расходы на пенсионное обеспечение на уровне 2010 г. При этом чиновник МВФ подчеркнул, что повышение пенсионного возраста должно происходить одновременно с ростом продолжительности жизни в стране, ужесточением критериев предоставления права досрочного выхода на пенсию, совершенствования при этом программ помощи инвалидам и социального обеспечения для защиты уязвимых категорий населения [Пенсионный возраст в России., 2012].

Однако Правительство РФ отказывается от идеи повышения пенсионного возраста и предлагает реализовать сценарий пенсионной реформы, согласно которому бюджету удастся сэкономить в ближайшие восемь лет почти 7,5 трлн. руб., т.е. втрое сократить дефицит ПФР – с нынешних 2,3 до 0,8% ВВП к 2020 г. Предлагаемая реформа состоит из следующих компонентов:

- отмена досрочных пенсий для тех, кто не желает прекращать работать. По оценкам ПФР, сейчас число «досрочников» составляет 10,7 млн. человек, или 32,9% всех пенсионеров, из которых 4,9 млн. человек продолжают работать. Кроме того, если любой пенсионер предпочтет работать дальше, он, скорее всего, не будет получать базовую пенсию до окончания трудовой деятельности;

- расчет пенсий предлагается вести на основе коэффициента личного участия, базирующегося на взносах работодателя в ПФ, стоимости страхового года и коэффициента стажа работника, либо увеличить необходимый рабочий стаж для получения полной трудовой пенсии. При стаже меньше необходимого россияне будут получать лишь усеченную пенсию. Размер пенсии, таким образом, будет зависеть от трудового вклада человека и его вклада в пенсионную систему. Такие меры призваны стимулировать людей к продлению трудовой жизни, что в свою очередь позволит увеличить объем пенсионных взносов;

– повышение требований к страховому стажу с 5 до 10–20 лет, что должно мотивировать население, работающее в неформальном секторе экономики, участвовать в системе обязательного пенсионного страхования;

– изменение фиксированного платежа для самозанятого населения – он составит 22% от половины начисленной зарплаты. Минтруд предлагает также включить в пенсионную систему – а, следовательно, заставить платить страховые взносы в ПФР – трудовых мигрантов, фрилансеров и всех самозанятых. За счет этой меры правительство планирует сэкономить 0,45% ВВП к 2020 г.;

– изменение плана индексации пенсий: пенсии будут индексироваться только 1 раз в год на среднеарифметическое между индексом инфляции и ростом средней заработной платы по стране, что должно существенно замедлить темпы роста пенсий;

– установление дополнительного тарифа страховых выплат для производств, дающих право на досрочный выход на пенсию – 2 и 3% (в зависимости от льготной группы) с ежегодным увеличением вплоть до 10–15% к 2024 г. Иными словами, руководство вредного производства, которое предоставляет сотрудникам право досрочного выхода на пенсию, будет платить не базовую ставку в 26% страховых взносов, а в конечном счете – 36–41%. Такой дополнительный взнос для работодателей, чьи сотрудники работают во вредных условиях, достаточно чувствителен для того, чтобы у них был стимул эти условия улучшать и сокращать число рабочих мест со льготными условиями выхода на пенсию. Эта мера должна повысить реальный срок выхода на пенсию с помощью уменьшения числа льготников, выходящих на пенсию раньше [Срок выхода на пенсию..., 2012];

– снижение страховых взносов с 2014 г. – с нынешних 26 до 20%. Одновременно с этим повысится размер заработной платы, с которой необходимо платить страховой взнос: с нынешних 512 тыс. руб. до 1 млн. руб. в год. Иными словами, фактически предлагается повысить размер взноса с высокооплачиваемых сотрудников компании [Сугробов К., 2012];

– возможна отмена обязательного накопительного компонента пенсии вообще или частично ввиду его нецелесообразности для низкооплачиваемых работников.

Вместе с тем эксперты ОЭСР в своих рекомендациях правительству РФ по развитию пенсионной системы признали российскую модель, в которой после 2002 г. страховая и накопительная части пенсии дополняют друг друга, одной из самых гармоничных в мире.

Главная рекомендация ОЭСР – сохранение накопительной части пенсии. Такая модель, утверждают экономисты ОЭСР, наиболее устойчива к различного рода рискам и способна обеспечить граждан достаточным уровнем пенсионных выплат [Николаева Д., 2012].

По мнению ряда аналитиков, помимо предложенных мер совершенствования пенсионной системы необходима более масштабная реформа, так как данный вариант реформирования приведет к сохранению низкого уровня выплачиваемых пенсий для всех, а именно, в результате предлагаемых преобразований граждане РФ смогут получать пенсию в размере 40% от их среднего заработка. Прежде всего, необходимо сделать акцент именно на инвестиционном сегменте, т.е. перейти к формированию портфелей инвестирования пенсионных накоплений с разным риском и с более широким кругом инструментов, создать механизм гарантий застрахованных. Это в перспективе позволит добиться того, что все больше работающих граждан смогут обеспечить себе пенсию сами, чтобы постепенно полностью перейти на инвестиционный сегмент для тех категорий граждан, чья заработная плата достаточно высока и которые, в частности, готовы активно участвовать в программе софинансирования пенсий [Минфин передумал, 2012].

Сейчас в программе софинансирования пенсионных накоплений, которая стартовала в 2009 г., участвуют уже более 7 млн. человек. В рамках программы, государство удваивает взносы работника в накопительную часть пенсии в пределах 12 тыс. руб. в год. Те, кто достиг стандартного пенсионного возраста, но не обратились за назначением пенсии, могут получить государственное софинансирование в четырехкратном размере, но не более 48 тыс. руб. в год. Срок действия софинансирования, согласно действующему законодательству, составляет десять лет, а источником средств является Фонд национального благосостояния.

В 2009 г. участники программы перечислили в ПФР дополнительные страховые взносы на сумму около 2,6 млрд. руб. (с учетом взносов работодателей), в 2010 г. – 3,6 млрд. руб., а в 2011 г. ее в рамках было перечислено 4 млрд. руб. Пенсионный фонд РФ получил из бюджета РФ 3,86 млрд. рублей на софинансирование взносов участников Программы государственного софинансирования пенсии за 2011 г. Средний размер платежа участника Программы в 2011 г. составил 5 970 руб. В первом квартале 2012 г. они уже внесли на свои счета 1,1 млрд. руб., что на 150 млн. руб. больше, чем за аналогичный период предыдущего года [Государство увеличило взносы., 2012].

Важной, хотя пока и мало используемой возможностью, является софинансирование пенсий работодателями. Законодательство позволяет участвовать в программе и работнику, и работодателю одновременно, хотя объем софинансирования со стороны государства остается неизменным. В 2010 г. около 50,5% от общей суммы дополнительных страховых взносов было получено от участников программы напрямую, а оставшиеся 48,5% – через работодателей, путем удержания из заработной платы. Взносы самих работодателей, выступающих третьей стороной софинансирования, составили меньше 1% от общей суммы. Средняя сумма дополнительных страховых взносов, уплаченных на одного участника, в 2009 г. составила 3471 руб., в 2010 г. – 4404 руб.

Средства софинансирования, как и обязательные накопления, по умолчанию поступают в доверительное управление государственной управляющей компании (в настоящее время – Внешэкономбанк). Если же на момент вступления в программу софинансирования средств работник уже перешел в управляющую компанию или негосударственный пенсионный фонд, то все дополнительные взносы и средства государственного софинансирования будут поступать в выбранную организацию управления пенсионными накоплениями. Следует отметить, что доля застрахованных лиц, не выбравших себе НПФ или УК, – среди участников программы значительно меньше, чем в среднем по пенсионной системе. В управление ВЭБ передано 57% накоплений лиц в рамках программы софинансирования – против 85% накоплений, сформированных в рамках обязательного пенсионного страхования.

Первые три года реализации программы софинансирования пенсионных накоплений можно признать успешными в части осведомленности о ней участников. Вместе с тем можно указать на ряд недостатков программы. Во-первых, это ее ограниченность по срокам (сейчас в нее можно вступить до 1 января 2013 г.). По мнению старшего аналитика по долговому рынку компании «Уралсиб Кэпитал» А. Табаха, если государство заинтересовано в расширении самофинансирования пенсионного обеспечения и вовлечении в эту сферу работодателей, такие программы нельзя ограничивать по времени. Похожим образом развивалась крайне успешная, устойчивая и популярная среди участников пенсионная система Австралии: в течение 17 лет постепенно стимулировались добровольные взносы работодателей, а работники приучались к формированию накоплений и управлению ими [<http://www.forbes.ru/person/49270-tabah-anton> Табах А., 2012].

Во-вторых, размер взносов недостаточен для формирования адекватных пенсий. При максимальном размере взносов по нынешнему законодательству, начав участие в программе в 2009 г. в 30 лет и выйдя на пенсию в 60 лет, с доходностью выше инфляции в 3%, прибавка к пенсии составит 1936 руб. (в реальном выражении), что совсем незначительная сумма. Таким образом, при нынешних параметрах дополнительная пенсия не решит проблемы среднего класса и не снизит необходимость выплачивать пособия слоям населения с низкими доходами. Исходя из опыта Германии, где система государственного софинансирования пенсионных накоплений очень востребована (30% взносов граждан ФРГ бюджет софинансирует, но не больше 2100 евро в год) и американского стандарта аналогичной программы лимит взносов, позволяющий получить софинансирование для младших и средних возрастов, должен быть повышен хотя бы до 60 тыс. руб. в год.

В-третьих, желательно повысить роль работодателей, профсоюзов в привлечении работников к формированию накоплений. Опыт развития накопительных пенсионных систем показывает очень высокую роль работодателей в этом вопросе. Кроме того, эксперты говорят о необходимости поиска эффективных рычагов повышения активности участия самих работодателей в программе софинансирования, в частности путем информационного давления на работодателей и менеджеров предприятий со стороны государства через СМИ и ПФР. Участники рынка отмечают нежелание руководства предприятий выполнять работу по оформлению и транспортировке взносов, даже бухгалтерии крупных организаций, которые в электронном виде обмениваются цифровой подписью с ПФР [Большакова Е., 2012]. Возможно автоматическое участие работодателей и работников в программе софинансирования (с возможностью прекращения участия по заявлению работника) должно быть прописано в коллективных договорах и дополнительных корпоративных соглашениях. В частности, именно с подобных мер началось успешное развитие системы пенсионных накоплений Австралии. Также развитию системы софинансирования может способствовать решение софинансировать накопления государственных служащих и работников бюджетных организаций со стороны государственных органов и бюджетов регионов.

Благодаря активной работе на рынке обязательного пенсионного страхования (ОПС) пенсионным фондам на начало 2012 г. удалось убедить уже 15,44 млн. человек перевести свои пенсионные накопления в негосударственные пенсионные фонды, что состав-

ляет 20,7% от общего количества граждан, у которых формируются пенсионные накопления (74,5 млн. человек). Подавляющее большинство граждан по-прежнему являются «молчунами» (58,45 млн. человек), и их накоплениями (1,33 трлн. руб.) управляет ВЭБ, еще 583 тыс. человек являются клиентами частных управляющих компаний [Частный случай. НПФ привлекли., 2012].

В денежном выражении объем пенсионных накоплений в системе НПФ на конец 2011 г. составил 400 млрд. руб., а в ближайшие годы размер сегмента ОПС может догнать негосударственное пенсионное обеспечение (НПО), которое на конец 2011 г. составило 700 млрд. руб. В 2011 г. сегмент ОПС продемонстрировал рекордный прирост в 157%, и если темпы прироста пенсионных накоплений сохранятся, то НПО и ОПС могут сравняться по объемам уже в 2012 г. При этом доля пенсионных средств на финансовых рынках России составляет чуть более 3% ВВП, тогда как, например, в Польше – 14, а в крупных западных странах доходит до 80–90% ВВП.

Лидером по числу привлеченных в 2011 г. новых клиентов стал НПФ «Росгосстрах», который вышел на рынок осенью 2010 г. В прошлом году фонд привлек 604 тыс. новых клиентов, в первую очередь, предлагая данные услуги существующим клиентам как составной элемент комплексного финансового планирования. Второе место по числу новых клиентов занял НПФ «КИТ Финанс» (530 тыс.), третье – «Промагрофонд» (385,4 тыс. человек).

В 2011 г. была очень невысокая доходность пенсионных накоплений, которую в среднем по рынку можно оценить в 1–4% годовых. Из 104 НПФ, которые имеют лицензию на работу с пенсионными накоплениями граждан, по итогам 2011 г. 27 – показали отрицательный доход от инвестирования этих средств. Еще пять фондов показали нулевой результат. Худшие результаты продемонстрировали НПФ «КИТ Финанс» (убыток составил 120,7 млн. руб.), «Норильский никель» (минус 116,6 млн. руб.) и «Магнит» (минус 60,5 млн. руб.). Также отрицательный доход зафиксирован у таких крупных фондов, как «Райффайзен» и НПФ Сбербанк (минус 14,6 млн. и 14,1 млн. руб. соответственно). Сложность добиться доходности объясняется общим падением рынка (в 2011 г. индекс ММВБ снизился на 18%). Отрицательная оценка инвестирования пенсионных накоплений в 2011 г. тем не менее не сказалась на общем объеме этих средств, находящихся под управлением НПФ, так как убытки от инвестирования перекрыли новые поступления денег из ПФР (235,7 млрд. руб.). Не сказались убытки и

на доходности, которую фонды разнесли по счетам клиентов в соответствии с предписанием ФСФР, согласно законодательству, гарантирующему сохранность пенсионных накоплений граждан [Мазунин А., НПФ справились..., 2012].

Вместе с тем рост рынка пенсионных накоплений обостряет вопрос преодоления основных инфраструктурных барьеров, свойственных пенсионному рынку. Это, прежде всего, проблема размытого госрегулирования и невысокой надежности многих НПФ [Гущин А., Митрофанов П., 2012].

В конце 2011 г. Госдума приняла Закон о выплатах накопительной части пенсии, но его практическая применимость будет зависеть от дополнительного принятия нескольких десятков нормативных актов в течение 2012 г. За доработку пенсионного законодательства отвечают сразу четыре ведомства: Минфин, Минэкономразвития, Минздравсоцразвития и ФСФР.

Участники рынка видят способ решения проблем, связанных с межведомственными согласованиями, в создании профильного пенсионного ведомства. Более 40 топ-менеджеров НПФ, управляющих компаний, специализированных депозитариев, а также представители регуляторов и саморегулируемых организаций профессиональных участников рынка (СРО) приняли участие в конференции «Будущее пенсионного рынка России», организованной «Эксперт РА» в апреле 2012 г. Подавляющее большинство руководителей пенсионных фондов (88%) уверены, что для гармоничного развития пенсионному рынку необходим единый регулятор. При этом большинство участников интерактивного опроса (67%) считают, что профильным регулятором должна стать именно Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР). Служба активно занимается регулированием деятельности НПФ, в частности ею был подготовлен проект требований к показателю объема имущества для обеспечения уставной деятельности (ИОУД) (закон позволяет направлять часть средств ИОУД на покрытие убытков от инвестирования пенсионных накоплений), который большинство респондентов (41%) оценили как оптимальный. Помимо этого, для развития саморегулирования на пенсионном рынке необходимо ввести обязательное членство в СРО, за это выступили 78% опрошенных [Итоги интерактивного опроса..., 2012, с. 2–3].

В краткосрочной перспективе объемы выплат пенсионных фондов будут невелики и смогут покрываться притоком денег. Тем не менее в отрасли заметны негативные изменения в плане финансовой устойчивости. Важным показателем надежности любой фи-

нансовой компании, в том числе и НПФ, является достаточность капитала – способность закрывать собственным капиталом обязательства перед клиентами. На пенсионном рынке с 2008 по 2011 г. средняя достаточность капитала фондов сократилась вдвое. Снижение ИОУД может быть обусловлено как увеличением расходов на развитие или, например, на выплаты персоналу, так и отчислениями в счет пенсионных накоплений для увеличения доходности при разнесении результата по счетам клиентов. Причем многие фонды, ориентированные на рынок ОПС, негативно относятся к необходимости увеличивать ИОУД, поскольку это снизит привлекательность пенсионного бизнеса для учредителей из-за удлинения срока окупаемости этих инвестиций [Мазунин А., Фонды потратились..., 2012].

В апреле 2012 г. ФСФР подготовила информационное письмо для НПФ, осуществляющих деятельность по обязательному пенсионному страхованию, в котором говорится, что оценка ИОУД фондов, привлекающих пенсионные накопления, с 1 июля 2012 г. должна составлять не менее 100 млн. руб. Этим требованиям не удовлетворяют более 60 фондов почти с 2 млн. клиентов. До этого законодательство трактовалось так, что оценка ИОУД в размере 100 млн. руб. должна была быть у фонда на момент подачи им заявления о получении лицензии. После получения лицензии ИОУД мог опускаться ниже этой величины, но не менее 50 млн. руб.

По мнению экспертов, фондов, которые смогут легко увеличить оценку ИОУД, будет очень мало, остальные фонды будут вынуждены либо объединяться с более крупными, либо прекращать свою деятельность. У тех фондов, которые не соответствуют новым требованиям, по итогам трех кварталов 2011 г. было 1,96 млн. клиентов, а объем их пенсионных накоплений составляет 49,1 млрд. руб. Кроме того, в этих фондах 1,1 млн. клиентов в рамках негосударственного пенсионного обеспечения, объем пенсионных резервов которых составляет 18,8 млрд. руб. Новые требования к ИОУД могут повлечь за собой очень неприятные последствия, причем как для фондов, так и для самого регулирующего органа, поскольку в случае несоответствия лицензионным требованиям ФСФР должна будет отзываться лицензию, после чего необходимо все накопления перевести в ВЭБ, а в случае с негосударственными пенсиями – найти всех клиентов фонда, чтобы вернуть им деньги.

Вместе с тем очевидно, что при построении цивилизованного рынка требования к оценке ИОУД должны повышаться и дальше, так как риски НПФ постоянно растут вследствие кратного увели-

чения активов, находящихся в их управлении, и покрытие этих рисков должно быть адекватным. Однако, видимо, это должно происходить постепенно, чтобы НПФ могли подготовиться [Пенсионные фонды делятся..., 2012].

Развитие стандартизации на пенсионном рынке позволит бороться с двумя другими инфраструктурными проблемами: контроль инвестиционных рисков и мошенничество агентов. Так, в 2011 г. саморегулируемая организация некоммерческое партнерство «Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов» (НП НАПФ) начала разработку отраслевого стандарта по риск-менеджменту [Стандарты управления..., 2011]. Помимо общей организации управления рисками в НПФ в проекте стандарта сформулированы меры по контролю рыночных, кредитных и операционных рисков, что крайне актуально с точки зрения качества управления. При этом, благоприятный эффект от стандартизации возможен только при развитии саморегулировании рынка, на практике это означает, что для реальной эффективности отраслевых стандартов членство в СРО должно стать обязательным для всех участников рынка.

Существенно ограничивает возможности для инвестирования пенсионных накоплений действующая в данный момент норма, не разрешающая НПФ фиксировать убытки по портфелям пенсионных накоплений, тогда как ВЭБ и Пенсионный фонд РФ имеют право получать убыток при инвестировании пенсионных накоплений. В теории разрешение НПФ получать убытки способно вызвать серьезные сдвиги в инвестиционном ландшафте всей страны, подтолкнув пенсионные фонды, как частные, так и государственный к инвестициям в создание и развитие инфраструктуры. В настоящее время подготовлен закон об НПФ, а также приказ ФСФР о разнесении убытков по счетам клиентов по итогам года, принятие которых изменит существующее положение [ФСФР надеется на..., 2012].

Круг инструментов, в которые инвестируются пенсионные накопления и пенсионные резервы, определяется в первую очередь законами «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 111-ФЗ¹ и «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 № 75-ФЗ². В соответствии с этими документами ВЭБ управляет двумя портфелями. Первый из них, расширенный,

¹ Собрание законодательства РФ. – М., 2002. – № 30. – Ст. 3028.

² Собрание законодательства РФ. – М., 1998. – № 19. – Ст. 2071.

предполагает вложение пенсионных накоплений в государственные ценные бумаги, российские корпоративные облигации, субфедеральные (региональные и муниципальные) облигации, ипотечные облигации, облигации международных финансовых организаций и депозиты в российских кредитных организациях. Именно в этом портфеле находится основная часть пенсионных накоплений – за счет средств «молчунов». Второй портфель ВЭБ – портфель государственных ценных бумаг. Соответственно, его активы могут размещаться лишь в российских государственных облигациях и корпоративных облигациях, гарантированные Российской Федерацией. При этом ВЭБ может приобретать корпоративные облигации лишь с рейтингом не ниже ВВ+ (а фактически ВВВ, так как в документах не прописано, что должен делать ВЭБ в случае снижения рейтинга. По сути, единственный путь для него в такой ситуации – моментальная продажа, т.е. исключение облигаций из портфеля).

Для НПФ в части пенсионных накоплений список разрешенных инструментов чуть шире – в него включены акции из котировального списка А1, паи индексных инвестиционных фондов, иностранная валюта на счетах кредитных организаций. Инвестирование пенсионных резервов регулируется дополнительно постановлением Правительства РФ от 01.02.2007 № 63 «Об утверждении правил размещения средств пенсионных резервов негосударственных пенсионных фондов и контроля за их размещением»¹. Согласно этому документу, пенсионные резервы можно вкладывать не только в активы, разрешенные для пенсионных накоплений, но и в акции и облигации из всех котировальных списков бирж, в паи открытых, интервальных и закрытых ПИФов, торгующихся на бирже, а также в недвижимость. В отличие от средств пенсионных резервов, которые НПФ нередко вкладывают в интересах корпораций-учредителей, размещение активов пенсионных накоплений довольно жестко лимитировано требованиями Правительства РФ к структуре и качеству активов.

В мире самыми длинными ресурсами в инвестировании традиционно считаются активы пенсионных фондов. НПФ вполне могут заниматься инвестициями в реальный сектор экономики, развивая именно те проекты, где капитал особенно нужен. В российском случае это инфраструктура: автомобильные и железные дороги, аэро- и морские порты, электроэнергетика, жилье, коммунальное хозяйство.

¹ Собрание законодательства РФ. – М., 2007. – № 6. – Ст. 769.

В разрабатываемой ПФР стратегии развития пенсионной системы предполагается инвестировать средства ПФР в надежные долгосрочные облигации в инфраструктурные проекты. Объем необходимых инвестиций в инфраструктуру в России оценивается, очень грубо, в 1 трлн. долл. на ближайшее десятилетие. Так, Транспортная стратегия РФ до 2030 г. предусматривает капитальные вложения примерно в 170 трлн. руб. Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 г. оценивает необходимые инвестиции как минимум в 11,5 трлн. руб., а разработанная Энергетическая стратегия на тот же период требует вложения 1,8 трлн. руб. в электроэнергетику. Часть этих инвестиций ляжет на плечи государства, часть будет финансироваться бизнесом, и вполне логично, что средства будущих пенсионеров (к 2015 г. пенсионные накопления могут составить 4 трлн. руб.) тоже могли бы быть вложены в инфраструктурные проекты [Баранова З., 2012].

Одновременно все активнее заявляя о себе эмитенты, которые хотели бы получить пенсионные средства в качестве инвестиций: так, недавно представители РЖД заявили, что хотели бы видеть Внешэкономбанк (ВЭБ) и НПФ среди инвесторов строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСЖМ-1) Москва – Санкт-Петербург. Однако в инфраструктуру сейчас вложена лишь незначительная часть пенсионных активов: в случае с резервами (деньги, аккумулирующиеся на корпоративных и личных пенсионных счетах) – эти вложения представляют собой паи закрытых фондов, которые покупают некоторые НПФ, а в случае с накоплениями (часть обязательной трудовой пенсии) – облигации незначительного числа эмитентов, которые созданы под конкретные проекты. Если правительство готово стимулировать инвестиции в такие активы, то достаточно использовать налоговые льготы и / или гарантии для заемщиков, а что касается нерыночных рисков, в том числе связанных с недобросовестной реализацией отдельных инфраструктурных проектов, то эти риски остаются как и для всех держатели любых финансовых инструментов [Обухова Е., 2011].

Расширить возможности инвестирования поможет разрабатываемый в Госдуме законопроект, отменяющий НДС на операции с золотом для граждан и пенсионных фондов. Сейчас НДС в размере 18%, уплаченный гражданами при покупке золотых слитков в банке, не возвращается в случае их продажи, что снижает актуальность инвестиций в золото, поскольку полученный от них доход только при долгосрочных вложениях перекроет издержки, связан-

ные с уплатой налога. Отмена НДС актуальна для пенсионных фондов, в связи с рассмотрением в Думе другого законопроекта, расширяющего инструменты инвестирования пенсионных накоплений, по которому пенсионные фонды смогут использовать данный инструмент – инвестиции в золото – в качестве средства сохранения и приумножения капитала будущих пенсионеров [Без НДС на золото, 2012].

В целом, очевидно, что для эффективной работы пенсионной системы РФ необходимо делать акцент на накопительной компоненте, обязательной и / или добровольной. В этой связи необходимо развивать в России отраслевые пенсионные системы и расширять их права в формировании накопительной части пенсии будущих пенсионеров, так называемой профессиональной пенсии. Чтобы преодолеть низкий уровень вовлеченности населения в добровольные накопительные программы необходимо также задуматься о серьезных налоговых льготах в этой сфере.

Важным вызовом в долгосрочной перспективе для пенсионной системы РФ может стать создание единого пенсионного пространства стран СНГ. В июня 2012 г. указом Президента РФ было создано Управление по сотрудничеству со странами СНГ, Абхазией и Южной Осетией, которое будет заниматься социальными и экономическими проектами в рамках движения к созданию так называемого Евразийского союза – конфедерации с единым экономическим, политическим пространством, общей валютой, и, в частности, с построением в СНГ единой пенсионной системы.

Эксперты считают, что существует целый ряд важных ограничителей на пути реализации единого пенсионного пространства. Так, например, одним из таких ограничителей может стать различия в структуре населения, бюджетной политики и системах пенсионного обслуживания в этих странах. Также важна поддержка населения для реализации данного проекта, причем не только в России, но и в других странах СНГ.

Например, в республике Молдова с большим интересом была воспринята эта идея, так как страна имеет большое количество трудовых мигрантов, значительная часть которых работает, в частности, в России. Заведующий секцией Института экономики, финансов и статистики Академии наук Молдовы А. Рожко заявил, что экспертное сообщество страны поддерживает идею создания единого пенсионного пространства стран СНГ и готово присоединиться к совместной аналитической работе. Однако, по его мнению, эту тему реально можно будет обсуждать не в 2012 г., а в

2030 г. По мнению руководителя аналитического центра «Альтернатива» Т. Манасеряна, для того, чтобы иметь единое пенсионное пространство, нужно, по крайней мере, пройти несколько этапов экономической интеграции – это зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и политический союз [Поддубская Т., 2012].

Пока перед СНГ стоит задача развития более предметного сотрудничества посредством реализации конкретных социальных и экономических проектов. А в России продолжается поиск оптимальной системы, которая служила бы гарантированным источником как будущих пенсий для населения, так и «длинных» денег для финансирования экономики.

Литература

1. Баранова З. ПМЭФ. День I: деньги ПФР решено вложить в ценные бумаги // РБК. – М., 2012. – 22 июня. – Режим доступа: <http://npf.investfunds.ru/news/26949>
2. Без НДС на золото // Известия. – М., 2012. – 21 июня. – Режим доступа: <http://npf.investfunds.ru/news/26927>
3. Большакова Е. Пенсионное незнание // Коммерсантъ Санкт-Петербург. SPB kommersant.ru: Региональный вып. «Финансовые инструменты / Банк»: Приложение. – СПб., 2012. – № 51 (4835), 23 марта. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1895888>
4. Годовой отчет за 2011 год / Пенсионный фонд Российской Федерации. – М., 2012. – Режим доступа: http://files.pfrf.ru/userdata/presscenter/docs/2011_godovoj_otchet.pdf
5. Государство увеличило взносы участников программы государственного финансирования пенсии за 2011 год / Пенсионный фонд Российской Федерации. Пресс-релиз. – М., 2012. – Режим доступа: http://www.pfrf.ru/ot_kalug/pr_releases/46176.html
6. Гурвич Е. Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. – М., 2011. – № 4. – С. 4–31.
7. Гушин А., Митрофанов П. Рост требует инфраструктуры // Эксперт. – М., 2012. – № 19 (802). – С. 102–106.
8. Еремина Н. Непрожиточный минимум. Интервью Председателя правления ПФР А. Дроздова // Профиль. – М., 2012. – № 6. – С. 52–54.
9. Здравоохранение и социальная сфера в цифрах и фактах 2010 года, планы на 2011 / Минздравсоцразвития России. Социальное развитие. Социальная политика. – М., 2010. – Режим доступа: <http://www.minzdravsoc.ru/social/social/146>

10. Итоги интерактивного опроса на IV ежегодной конференции «Будущее пенсионного рынка»: Пенсионные фонды выбирают ФСФР // Эксперт РА (Рейтинговое агентство): Бюллетень. – М., 2012. – 04 мая. – 7 с.
11. Мазунин А. НПФ справились с рынком собственными средствами // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 98 (4883). – С. 10.
12. Мазунин А. Фонды потратились на доходность // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 105 (4890). – С. 9.
13. Малева Т.М., Юдаева К.В. Пенсионная система в России: инерция выживания или стратегия развития? // Spero. – М., 2011. – № 15. – С. 7–26.
14. Минфин передумал // Личные деньги. – 19.06.2012. – Режим доступа: <http://www.pmoney.ru/txt.asp?sec=1530&id=2962501>
15. Николаева Д. Трудолюбие выгоднее бережливости // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 123 (4908). – С. 6.
16. Обухова Е. Станция Накопительная закрыта // Эксперт. – М., 2011. – № 46 (779). – С. 46–50.
17. Пенсионная реформа: зачем России ошибки Восточной Европы? // РБК daily. – М., 2012. – 20 июня. – Режим доступа: <http://npf.investfunds.ru/news/26893>
18. Пенсионные фонды делятся на два // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 73 (4858). – С. 9.
19. Пенсионный возраст в России надо увеличить к 2030 году до 63 лет – МВФ // РИА Новости. – 13.06.2012. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20120613/672354624.html>
20. Поддубская Т. Эксперты: единое пенсионное пространство СНГ – дело будущего // МТРК «Мир». – 20.06.2012. – Режим доступа: <http://www.mir24.tv/news/community/5126358>
21. Срок выхода на пенсию не повысят // Финмаркет. – 19.06.2012. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=2962275>
22. Стандарты управления рисками для негосударственных пенсионных фондов РФ (проект) / Национальная ассоциация пенсионных фондов. – М., 2011. – Режим доступа: http://napf.ru/files/46140/risk_management_pension_funds_160412.doc
23. Старение населения-2010: Российская Федерация // Аналитический обзор Standard&Poor's / Лаборатория Пенсионной реформы. Аналитика. Исследовательские центры. Standard&Poor's 2010. – М., 2011. – Режим доступа: <http://pensionreform.ru/1042>
24. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
25. Сугробов К. Три года на старость / LENTA. RU. Экономика. – 25.06.2012. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/06/25/pensions/>
26. Табах А. Государственное софинансирование пенсий: как его исправить // Forbes. – 12.04.2012. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/finansy/80956-otnositelnyi-uspeh-sofinansirovaniya-pensii>

27. ФСФР надеется на принятие документов по пенсионному рынку в этом году // РИА Новости. – 22.06.2012. – Режим доступа: <http://npf.investfunds.ru/news/26939>
28. Частный случай. НПФ привлекли рекордное число новых клиентов // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 47/П (4832). – С. 1, 10.
29. Global aging 2010: An irreversible truth / Standard&Poor's. Global credit portal. RatingsDirect. – L., 2010. – 49 с. – Mode of access: http://www.ebrd.com/downloads/research/news/Session_II_Mrsnik.pdf

Е.А. Пехтерева

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

Банки в России играют главную роль в системе финансового посредничества. Для банковского сектора России последнее десятилетие стало годами бурного роста. По данным Росстата об источниках финансирования инвестиций российскими предприятиями, в 2000 г. 4,4% инвестиций в основной капитал было осуществлено за счет кредитов отечественных банков. В 2006 г. эта цифра уже составляла 13, 8%; в докризисный 2008 г. она немного увеличилась – до 14,6%.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. показал, что российская банковская система имеет большой запас прочности и вполне динамично развивается. В 2009 г. за счет кредитов отечественных банков было профинансировано всего 7,03% инвестиций в основной капитал, а в 2011 г. темпы роста кредитования достигли 20–22%. Хотя показатель доли банковских кредитов в объеме инвестиций не восстановился на докризисном уровне и составил лишь 6,17% [Эксперты обсудили..., 2012].

Для страны с банковско-ориентированной финансовой системой эти показатели слишком малы. В Германии, Франции, Италии, где банки также доминируют в качестве основных финансовых посредников, доля банковских кредитов в финансировании реальных инвестиций намного выше и составляет от 25 до 50%. В составе ресурсной базы отечественного малого и среднего бизнеса (МСБ) банковские кредиты занимают лишь 16%, тогда как в развитых странах банковские кредиты составляют около 80% пассивов МСБ. Происходит это от того, что для большинства российских предприятий кредиты отечественных банков малодоступны [Федеральная служба государственной статистики, 2012].

В нашей стране кредит не играет существенной роли в решении насущных экономических задач: ни в стимулировании инновационного развития, ни в модернизации капитальной базы, ни в развитии регионов, среднего и малого предпринимательства [Лаврушин О., 2010, с. 24]. Банки в России пока не являются основой развития экономики, а следуют за ее ростом и специализируются на перераспределении прибыли между предприятиями, не превращая доходы в долгосрочные инвестиции в экономику [В ЦБ России считают..., 2002].

Осознавая значение банковского сектора для развития отечественной экономики, Правительство РФ и Банк России неоднократно, в особенности в сложные кризисные моменты, обращались к проблемам развития банковской системы страны и выдвигали конкретные предложения, направленные на ее развитие. Так, в 2001 г. была разработана первая Стратегия развития банковского сектора на период до 2005 г. Тогда Россия преодолевала последствия банковского кризиса 1998 г., и банковский сектор выходил на качественно новый уровень развития. Затем была принята Стратегия развития банковского сектора на период 2005–2008 гг. Проведенные в рамках данных стратегий мероприятия, позволили расширить предложение банковских услуг в России, повысить устойчивость банковского сектора, укрепить доверие к нему кредиторов и вкладчиков. Оперативные действия российского правительства и Банка России в 2008–2009 гг. позволили предотвратить угрозу системного кризиса в банковском секторе и обеспечили условия для послекризисного восстановления банковской деятельности.

В апреле 2011 г. Правительство и Банк Российской Федерации представили Стратегию развития банковского сектора на период до 2015 г. Разработчики данной Стратегии считают, что с начала становления банковского сектора в конце 80-х годов XX в. и до настоящего времени он развивался преимущественно в рамках экстенсивной модели, основными характеристиками которой является ориентация части банков на краткосрочные результаты деятельности, агрессивная, ведущая к проциклическим эффектам коммерческая политика и высокая концентрация рисков. Экстенсивный характер развития отечественных банков негативно влияет на их устойчивость, что особенно остро проявилось в условиях международного финансового кризиса [Заявление Правительства РФ..., 2011].

Специалисты признают, что проблемы ведения банковского бизнеса в России обусловлены как внешними, так и внутренними

факторами. К внешним факторам относятся, в частности, недиверсифицированность экономики и общий дефицит ее инвестиционных возможностей, ограниченность и преимущественно краткосрочный характер кредитных ресурсов, высокий уровень непрофильных (административных) расходов кредитных организаций и хранение больших объемов документов в бумажной форме. Мошенничество со стороны заемщиков продолжает оставаться распространенным явлением, с которым сталкиваются и банки, и регулятор.

Внутренними негативными факторами развития банковского сектора специалисты называют [там же]:

- безответственность владельцев и менеджмента некоторых банков, которые в целях получения краткосрочной прибыли принимают бизнес-решения, подрывающие финансовую устойчивость собственных банков;

- неудовлетворительное состояние корпоративного управления и управления рисками, вследствие ориентации многих банков на обслуживание бизнеса владельцев;

- существование непрозрачных форм деятельности, недостоверность учета и отчетности, приводящие к искажению информации о работе кредитных организаций, вовлеченность отдельных банков в противоправную деятельность;

- недостаточная технологическая надежность информационных систем кредитных организаций.

Указанные недостатки снижают авторитет банковского сообщества и уровень доверия к банковскому сектору, ухудшают возможности привлечения средств.

В Стратегии-2015 заявлено, что основным содержанием нового этапа в развитии банковского сектора должна стать его модернизация, *переход от преимущественно экстенсивной к интенсивной модели деятельности банков* с тем, чтобы банковский сектор активнее участвовал в модернизации отечественной экономики. Интенсивная модель развития банковского сектора характеризуется, по мнению разработчиков, широким спектром современных банковских услуг; высоким уровнем конкуренции; значительным уровнем капитализации банковского сектора; развитой системой корпоративного управления и управления рисками; транспарентностью и рыночной дисциплиной кредитных организаций; высокой ответственностью и добропорядочностью руководителей и владельцев банков. В результате реализации Стратегии-2015 российская банковская система по всем основным аспектам (организация деятельности, качество управления, состояние конкурентной

среды, учет и отчетность, рыночная дисциплина и транспарентность, регулирование и надзор) должна будет соответствовать международным стандартам.

Выделенные в Стратегии-2015 направления развития банковского бизнеса в России и меры, которые необходимо принять для их достижения, указывают на ряд серьезных нерешенных проблем отечественного банковского сектора. Взгляды на эти проблемы и на пути их решения у Правительства РФ и у разных специалистов, в частности у представителей банковского сообщества, в некоторых случаях различны.

Так, некоторые специалисты считают, что пока еще банковская система страны должна сочетать «экстенсивный» и «интенсивный» пути развития и нельзя исключать ни один из них. «Российская банковская система находится пока на такой стадии развития, в отличие от ее более развитых зарубежных партнеров, когда необходимо обеспечить доступность банковских услуг, что, по сути, и есть продолжение экстенсивного развития», – заявлял заместитель председателя Счетной палаты РФ В.П. Горегляд. Как правило, по всем основным показателям, характеризующим развитость финансового рынка (наличие финансовых услуг на рынке – 109-е, доступность финансовых услуг – 92-е, получение кредита – 107-е место и т.д.) отечественный банковский сектор располагается на сотых местах, в конце списка [Заславская О., Послани..., 2010]. Однако по показателю «количество банковских отделений на 100 тыс. человек» Россия опережает некоторые страны с развитой банковской системой, например Финляндию, Германию и Нидерланды.

Несмотря на кризис, банки за последние пять лет за счет развития своей сети выросли на 46%. При этом, если количество филиалов российских банков сократилось на 19% – с 3411 – в мае 2002 г. до 2747 – в мае 2012 г., то количество дополнительных офисов и операционных отделений, как менее дорогостоящих по сравнению с филиалами, увеличилось с 2261 – в 2010 г. до 6058 – в 2012 г. Специалисты даже говорят о том, что в России уже через четыре–шесть лет может быть достигнут потолок роста банковской сети [Мазманиян Л., 2012]. Однако разветвленность банковской сети не всегда решает проблему доступности банковских услуг. По регионам банковские услуги распределены крайне неравномерно. В Москве, Санкт-Петербурге, Тюменской области эта проблема не так остра, но в некоторых субъектах Северо-Кавказского федераль-

ного округа насыщенность банковскими услугами в 16 раз ниже среднероссийского показателя [Новости комитета АРБ..., 2010].

Одним из важнейших вопросов, непосредственно влияющим на перспективы развития банковского сектора России, по которым мнение разработчиков Стратегии и банковского сообщества расходятся, является вопрос о необходимом уровне капитализации отечественных банков.

Проблемы капитализации российских банков

Низкий уровень капитализации считается серьезной проблемой российской банковской системы. В марте 2009 г. в рамках антикризисных мер в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности»¹ были внесены поправки, предусматривающие повышение требований к капиталу банков. С 1 января 2010 г. размер собственного капитала банка должен составлять не менее 90 млн. руб., а с 1 января 2012 г. – не менее 180 млн. руб. Еще более жесткие требования к банкам выдвигал в ноябре 2009 г. А.Л. Кудрин, который заявил, что готов выступить с законодательной инициативой о повышении в течение пяти лет минимального размера капитала банков до 1 млрд. руб.

Авторы представленной в 2012 г. обновленной концепции долгосрочного социально-экономического развития России «Стратегия-2020» также считают, что требования к размеру капитала банков должны быть ужесточены. Они предлагают повысить минимальный размер капитала банков до 1 млрд. руб. с 2013 г., а к 2020 г. – до 3 млрд. руб. По их мнению, минимальный размер капитала должен быть повышен до уровня, который сделал бы использование банковской лицензии для проведения полукриминальных операций экономически невыгодным. «Банки с низким уровнем капитала не могут иметь достаточный объем активов для осуществления банковских операций на рыночных принципах, они либо кэптивные, либо осуществляют операции, не являющиеся по существу банковскими. Банки, которые не смогут найти необходимые средства для капитализации или партнеров для формирования более крупных структур за счет слияний, должны будут либо

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 (Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – М., 1990. – № 27. – Ст. 357) в ред. Федерального закона от 03.02.1996 № 17-ФЗ «О банках и банковской деятельности» (с последующими редакциями), ст. 11 // Собрание законодательства РФ. – М., 1996. – № 6. – Ст. 492.

закраться, либо переоформить банковскую лицензию на лицензию небанковской кредитной организации или специализированного банка с ограниченной лицензией», – отмечается в документе [Минимальный капитал банков..., 2012; Стратегия-2020..., 2012].

Согласно данному документу, к 1 января 2016 г. банковским сектором должны быть достигнуты следующие совокупные показатели:

- активы / ВВП – более 90% (на 1 января 2011 г. – 76%);
- капитал / ВВП – 14–15% (на 1 января 2011 г. – 10,6%);
- кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам / ВВП – 55–60% (на 1 января 2011 г. – 40,8%) [Стратегия-2020..., 2012].

Другим спорным вопросом является *минимальный размер уставного капитала*. В Стратегии-2015 предлагается его повысить для вновь создаваемых и действующих банков до 300 млн. руб. с 1 января 2015 г. Такие меры ЦБ начал предлагать потому, что якобы именно такого уровня капитал дает возможность внедрять в практику технологии и сервисы необходимого качества. Повышение требований к размерам собственного капитала банков мотивируется также необходимостью очистить рынок от неэффективных банков и от кредитных организаций, которые занимались сомнительными операциями. Однако многие специалисты полагают, что добиться этого можно было бы и другим способом, например, повысив полномочия ЦБ, дав ему возможность жестче контролировать денежные потоки.

По данным ЦБ, на российском рынке сегодня работают 967 отечественных банков. Собственный капитал менее 300 млн. руб. на середину 2012 г. имеют 285 банков, 96% из них предоставляют полноценную финансовую отчетность о структуре собственных средств, численность этих банков достигает 30% банковского сектора. По данным на 1 июля 2012 г., в 27 субъектах Российской Федерации вообще отсутствуют банки с размером собственного капитала более 150 млн. руб. [Центральный банк РФ, 2012].

Мнения экспертов о необходимости увеличения размеров собственного капитала банков разошлись. Некоторые, в частности президент «Альфа-банка» П.О. Авен, считают, что для России вообще достаточно 200–300 банков вместо нынешней почти 1 тыс. Другие считают, что оптимальное число банков 500. Президент Ассоциации региональных банков «Россия» А.Г. Аксаков выступает против идеи повышения требований к капиталу, так как считает, что рынок должен сам определять, какие банки должны на нем остаться, а какие исчезнуть. Этому же мнению придерживается

и Г.А. Тосунян, президент Ассоциации российских банков (АРБ). По мнению многих банкиров, даже требование в 1 млн. евро является непомерно высоким в реальных условиях России, невыполнимым для большинства банков и абсолютно убийственным для региональных банков. В банковском сообществе считают, что требования по дополнительной капитализации приводят к закрытию или продаже многих действующих региональных банков [Лаврентьев С., 2010; Заключение Ассоциации российских банков., 2010].

В Ассоциации российских банков считают, что при принятии поправок к закону и при разработке Стратегии-2015 не было принято во внимание следующее:

- подавляющее большинство региональных банков с капиталом менее 300 млн. руб. не имеют нареканий со стороны Банка России и функционируют как минимум десять лет;
- малые региональные банки, несмотря на небольшой удельный вес (1,5%) по показателям активов, собственных средств и вкладов населения, формируют основу предложения банковских услуг для МСБ.
- сам рынок вытесняет недостаточно эффективные банки.

В АРБ отмечают, что уже сегодня действующие требования по минимальной величине капитала привели к ненужной нервозности на рынке. Расширение этих требований по существу выбивает из бизнеса около 500 банков в регионах. Они заняты только вопросами, кому продать бизнес, как свернуть или объединить с кем-либо свою деятельность. Между тем мировой опыт демонстрирует примеры устойчивых банковских систем как с большим (США), так и с малым (Канада) количеством банков. При этом банковские системы с малым количеством банков в критической ситуации оказываются крайне неустойчивыми, пример тому – Исландия [Заключение Ассоциации российских банков., 2010].

Малые и средние банки сейчас способны находить для себя рыночные ниши и быть вполне успешными в обслуживании локальных рынков, куда федеральные банки пока не добрались. Область, которая для федерального банка может быть лишь маленьким и не слишком перспективным сегментом бизнеса, для небольшого банка будет составлять цель и смысл существования. Очевидно также, что малые и средние предприятия России нуждаются в банках-партнерах, более или менее соответствующих им по размеру, поскольку крупные банки, как известно, неохотно работают с малым и средним бизнесом. У многих российских предприятий все еще нет необходимости в таких крупных кредитах, которые способен

выдавать только банк с капиталом в 180–300 млн. руб. [Чернышова О., 2010].

В АРБ также считают, что имеющийся потенциал малых и средних региональных банков необходимо сохранить. Это возможно путем введения в законодательство модели «территориальной лицензии», ограничивающей предоставление банком всего комплекса банковских услуг территорией одного или двух–трех смежных субъектов Российской Федерации. При этом для таких «региональных банков» могут быть установлены ограничения на операции с ценными бумагами и трансграничные операции с иностранной валютой. Представители банковского сообщества предлагают ввести разные требования к капиталу. Глава АРБ Г.А. Тосунян при обсуждении Стратегии-2015 в рамках парламентских слушаний предложил ввести повышенные требования к капиталу для вновь создаваемых банков, транснациональных и банков, претендующих на федеральный масштаб [Заключение Ассоциации российских банков..., 2010; Заславская О. Послали..., 2010].

В Госдуму внесены подготовленные АРБ законопроекты, направленные на сохранение в банковской системе малых и средних кредитных организаций. Так, предлагается установить мораторий на увеличение требований к минимальному размеру капитала до 1 января 2020 г. в отношении кредитных организаций, созданных до 1 января 2015 г. и на эту дату уже достигших размера капитала в 300 млн. руб. [Миллиард – это..., 2012].

Тем не менее аргументы сторонников укрупнения банков в России также кажутся отчасти справедливыми. Малые и средние банки не могут выстроить системы риск-менеджмента, соответствующие международным стандартам, просто потому, что эти системы требуют значительных инвестиций, на которые небольшие банки неспособны.

Что касается возможностей развития, то по некоторым оценкам, для эффективного ведения бизнеса банк должен иметь 10–15 филиалов, организация бизнеса в каждом из которых стоит от 2,5 до 30 млн. руб. На такие расходы может пойти только достаточно крупный банк. Кроме того, крупные банки имеют преимущества в доступе к дешевому фондированию и передовым технологиям, за счет чего могут предлагать своим клиентам более дешевые и качественные услуги. По мнению многих аналитиков, рано или поздно крупные банки вытеснят более мелкие, забрав себе всю перспективную клиентуру. Небольшим банкам тогда ос-

танется бизнес, полностью построенный на обслуживании нужд собственных акционеров [Сухов М., 2010; Чернышова О., 2010].

Противники и сторонники повышения требований к размерам собственного капитала банков согласны с тем, что повышение капитализации в банковском секторе неизбежно и необходимо. Тем не менее, малые и средние банки сейчас способны находить для себя рыночные ниши и быть вполне успешными в обслуживании локальных рынков. Справедливо также и то, что сокращение числа банков ведет к ограничению конкуренции [В ЦБ России... 2002; Съезд АРБ., 2010, с. 89].

Участие государства в капитале кредитных организаций и проблема конкуренции

Низкий уровень конкуренции в российском банковском секторе – один из наиболее существенных факторов, влияющих на перспективы развития отечественного банковского сектора.

На российском рынке банковских услуг доминируют несколько крупных банков, которые либо принадлежат государству в значительной части, либо контролируются им. Наиболее крупными государственными банками являются Сбербанк (60,3% акций принадлежат Банку России), ВТБ (до недавнего времени 85,5% принадлежало Росимуществу), Газпромбанк (41,72% – Газпром, 38,37% – Росимуществу), Россельхозбанк (100% – Росимуществу) и Банк Москвы (48,11% – до недавнего времени Департамент имущества города Москвы). Именно эти банки являются крупнейшими банками России по размеру активов. Все они – из числа бывших советских спецбанков, а также банков, учрежденных при муниципальных органах управления и при крупных государственных предприятиях в советское время. Доминирующее положение этих пяти банков сложилось исторически – в 90-е годы, в ходе становления рыночных отношений в России и формирования современной российской банковской системы.

Сбербанк России унаследовал крупнейшую сеть филиалов по всей стране, поскольку в советское время он был единственным банком, обслуживающим население и принимавшим частные депозиты. Банк имеет разветвленную филиальную сеть в России: 17 территориальных банков, около 20 тыс. отделений и внутренних структурных подразделений. До 2004 г. – до введения системы страхования вкладов – Сбербанк был единственным банком, вклады в котором полностью гарантировались государством. Обширная

ресурсная база обеспечивала Сбербанку намного более широкие возможности кредитования по сравнению с любой другой кредитной организацией на российском рынке, особенно в отношении крупных корпоративных заемщиков. За счет этого Сбербанк смог стать крупнейшим банком России, а также Центральной и Восточной Европы.

На втором месте после Сбербанка по числу отделений следует Внешторгбанк (ВТБ), который в 2001 г. при поддержке ЦБ выкупил практически всю достаточно разветвленную филиальную сеть обанкротившегося Мост-банка.

Ресурсная база Газпромбанка тоже долгое время в разы превышала ресурсы рядовых частных банков: ни у одного частного банка не было материнской компании такого масштаба, как Газпром, и ни у одного частного банка не было таких огромных остатков на счетах «корпоративных клиентов» в лице самого Газпрома.

Россельхозбанк и Банк Москвы заняли свое положение при поддержке своих собственников – соответственно, федеральных и муниципальных органов власти. Эти банки в эксклюзивном порядке принимают участие в национальных и муниципальных проектах, что обеспечивает им ресурсы и прибыль, недоступные по своим масштабам для частных банков.

Другой важнейшей причиной доминирования госбанков являлось эксклюзивное обслуживание счетов государственного бюджета до середины 2000-х годов, пока они не стали аккумулироваться в Федеральном Казначействе РФ. Правда, это касалось только четырех из пяти крупнейших банков, у Газпрома и без бюджетных средств никогда не было проблем с ресурсами. А вот Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк и Банк Москвы получили очень существенные конкурентные преимущества, когда государство размещало бюджетные средства – в части его доходных статей – именно в этих банках, в то время как частные банки покупали финансовые ресурсы на рынке по соответствующим рыночным ставкам. В Сбербанке и ВТБ в начале 2000-х годов бюджетные средства достигали половины пассивов [Попков В.В., 2001]. Это обеспечило госбанкам огромные конкурентные преимущества, позволило им нарастить активы и расширить клиентскую базу.

Серьезным фактором усиления позиций крупнейших государственных банков стала политика Центрального банка, направленная на повышение капитализации отечественных банков путем ужесточения требований к минимальному размеру их капитала.

Так с рынка вытесняются небольшие, но достаточно жизнеспособные частные банки.

Необходимо, однако, отметить, что государственные и окологосударственные банки, конечно, не единственные конкурентоспособные игроки на российском рынке, с ними могут побороться за клиентов некоторые достаточно крупные частные российские банки, например, Альфа-Банк, Промсвязьбанк, Уралсиб, а также некоторые иностранные банки, которые занимают все более сильные рыночные позиции: Райффайзенбанк и Юникредит Банк. Но все же пятерка банков, контролируемых государством, безусловно лидирует в силу своих чрезвычайно крупных размеров и явных конкурентных преимуществ в виде огромных разветвленных филиальных сетей, эксклюзивного доступа к дешевым ресурсам, а также лояльного отношения государства и монетарных властей.

В сфере крупного корпоративного кредитования конкуренция существует разве что между указанными крупнейшими госбанками. Рынок кредитов для средних предприятий чуть более конкурентен, но частным банкам и здесь достаточно сложно конкурировать с госбанками, которые во многом задают уровень ставок и на этом рынке.

Неудивительно, что в период острой фазы кризиса, предоставленные банковскому сектору Банком России ресурсы на поддержание ликвидности изначально были сконцентрированы преимущественно в госбанках. Так, если в начале 2009 г. на госбанки приходилось около 60% всех кредитов Банка России, то к февралю 2010 г. эта доля превысила 72%. Большая часть задолженности банков перед ЦБР приходилась на долгосрочный субординированный кредит Сбербанку.

Нарастив активы, госбанки стремятся еще больше упрочить свои позиции на рынке, приобретая другие банки. Сбербанк за время кризиса приобрел БПС-банк в Белоруссии. В 2011 г. Сбербанк дополнил свой бизнес в России приобретением крупнейшего отечественного инвестбанка «Тройка Диалог» и страховой компании «Альянс Лайф». В число иностранных активов, ставших частью группы, вошли швейцарский SLB Commercial Bank AG и восточноевропейский Volksbank International. В перспективе Сбербанк заинтересован в приобретении активов турецкого банка Denizbank, который является шестым по размеру банком Турции и контролируется бельгийско-французской группой Dexia [Чернышова О. Триада..., 2012; Г. Греф подумает о..., 2012].

ВТБ договорился приобрести 43% Транскредитбанка (14-е место по активам) и завершил сделку по приобретению 46,48% акций Банка Москвы (5-е место по активам) с тем, чтобы впоследствии довести долю в этом активе до 100%. ВТБ также стал владельцем 25% акций Столичной страховой группы, крупнейшей в регионе [Локшина Ю., Дементьева К., Ладыгин Д., 2011].

В целях усиления конкуренции на рынке банковских услуг в среднесрочной перспективе государство собирается сократить свое участие в капиталах кредитных организаций при сохранении контроля государства за деятельностью Сбербанка, ВТБ и Россельхозбанка. Это намерение зафиксировано в Стратегии-2015. В ближайшие три года предусматривается снижение государственного участия в уставных капиталах Сбербанка и ВТБ до 50% плюс одна голосующая акция. В дальнейшем сокращение доли государства в уставном капитале этих кредитных организаций будет продолжено. В уставном капитале Россельхозбанка долю участия государства предполагается сократить до 75% к 2015 г. При этом предполагается привлечение стратегических инвесторов и размещение долей в банках, принадлежащих государству, на открытых рынках капиталов.

9 февраля 2011 г. правительство России сообщило о завершении сделки по приватизации пакета акций банка ВТБ. Объем заявок на покупку 10%-ного пакета акций превысил предложение более чем в 2 раза. В результате продажи акций ВТБ государство заработало свыше 95 млрд. руб., что сделало размещение акций ВТБ самым успешным в посткризисной истории [Государство работает..., 2011].

Также Правительство России объявило, что намерено снизить долю государства в уставном капитале создаваемого Почтового банка России в течение трех лет после его создания не ниже уровня 50% плюс одна голосующая акция с дальнейшим снижением этой доли в течение пяти лет после его создания [Заявление Правительства РФ..., 2011].

В мае 2011 г. было подписано распоряжение о приватизации 7,58% (минус одна голосующая акция) акций Сбербанка. Доля Банка России в уставном капитале Сбербанка сократилась бы до 50% плюс одна голосующая акция. Однако ни в 2011 г., ни в начале 2012 г. продажа акций не состоялась. Было решено сохранить у государства контрольный пакет акций Сбербанка вплоть до 2016 г., тогда как в разработанных стратегиях говорилось о сокращении доли государства до блокирующего пакета уже к 2015 г. Решение

не продавать пока акции Сбербанка объясняется невыгодными рыночными условиями [С приватизацией Сбербанка..., 2012].

В последнее время госбанки активизировались в относительно новых для себя направлениях. Так, инвестиционный банк ВТБ Капитал, созданный в 2008 г., занял лидирующие позиции в инвестиционном бизнесе, опередив ведущие частные российские инвестбанки «Ренессанс Капитал» и «Тройку Диалог». Оценив результаты банка ВТБ Капитал, Сбербанк также решил развивать инвестиционную деятельность и купил крупнейший российский частный инвестиционный банк «Тройку Диалог». Одновременно Сбербанк занялся активной модернизацией своей розницы, в том числе развитием услуг по выпуску кредитных карт.

Имея в распоряжении большой объем недорогих ресурсов, госбанки имели возможность предлагать кредиты по такой стоимости, по какой ни один частный банк предложить кредит не может. Однако преимуществом частных банков в этом вопросе является скорость принятия решения и гибкость в отношении залогов. Несмотря на декларируемую универсальность и многофилиальность госбанков, у них не хватает ни времени, ни сил, ни желания заниматься малыми и средними предприятиями. Есть сегменты рынка, где госбанки по-прежнему слабо представлены, – это экспортное финансирование, факторинг и лизинг, обслуживание на Forex. «Вряд ли можно говорить о совершенно новых нишах, которые еще могут освоить частные банки, но в каждом из уже существующих сегментов есть огромный потенциал для развития технологий, – говорит председатель правления Нордеа-банка И. Буланцев. – Факт остается фактом: чем больше банк, тем он более неповоротлив, а частные банки могут быстро перестраиваться, менять продуктовую линейку, быть ближе к потребностям клиента». «В ближайшее время частные банки усилят конкуренцию в двух направлениях, – считает старший вице-президент Бинбанка И. Комарова. – Во-первых, сузят отраслевую специализацию в работе с реальным сектором, во-вторых, актуализируют “бутиковый” подход в работе с клиентами, активизируются в новых высокотехнологичных нишах, где конкуренция пока низкая, – телебанкинг, интернет-банкинг и другие» [Локшина Ю., Дементьева К., Ладыгин Д., 2011].

Несмотря на некоторые положительные сдвиги, ситуация с конкуренцией в отечественном банковском секторе продолжает оставаться сложной. Ее можно охарактеризовать как несовершенную олигополистическую конкуренцию. Очевидно, что крупней-

шие банки концентрируют рыночную власть и могут влиять на цены. Это негативно влияет на российскую экономику, поскольку и предприятия, и частные лица сталкиваются либо с завышенными ценами на финансовые ресурсы, либо с ограничением доступа к этим ресурсам.

Ресурсное обеспечение банковской деятельности

В Стратегии-2015 практически не рассматривается вопрос об обеспечении финансовыми ресурсами национальной банковской системы. При этом в документе отмечается, что одним из необходимых условий стабилизации ресурсной базы банковского сектора и развития кредитных отношений банков с организациями реального сектора экономики и населением является работа государственных органов по обеспечению прав банков как кредиторов и стимулированию ответственного поведения заемщиков. Предлагается развивать законодательные условия секьюритизации активов и совершенствовать механизм синдицированного кредитования.

Правительство Российской Федерации намеревается развивать механизм рефинансирования ипотечных кредитов, в том числе путем инвестирования средств пенсионных накоплений, находящихся под управлением Внешэкономбанка, в ипотечные облигации. Это способствовало бы развитию ипотечного кредитования и повышению его доступности для населения [Заявление Правительства РФ., 2011].

Представители банковского сообщества считают, что расширению и укреплению ресурсной базы банков способствовали бы также:

- дифференциация привлеченных средств с точки зрения отчислений в фонд обязательного резервирования (ФОР) (в частности, освобождение от отчислений в ФОР привлекаемых банком ресурсов на срок свыше двух лет);
- формирование в России системы долгосрочных (не менее пяти лет) жилищных накопительных вкладов, которая позволяла бы гражданам накапливать в течение нескольких лет средства на банковском депозите, а по истечении срока вклада в дополнение к его сумме получать льготный ипотечный кредит;
- создание условий для расширения выпуска банками долговых ценных бумаг, в том числе за счет распространения на ряд из них (деPOSITНЫХ и сберегательных сертификатов) действующих правил государственного страхования банковских вкладов;

- реализация общегосударственной программы развития системы безналичного денежного обращения в России, предусматривающей, в частности, организацию ведущими российскими банками национальной карточной платежной системы, стимулирование использования населением банковских карт для повседневных расчетов и повсеместное оборудование предприятий розничной торговли и сферы услуг платежными терминалами;

- возврат к практике размещения временно свободных средств бюджетов, фондов и государственных корпораций на депозитах в коммерческих банках [Заключение Ассоциации российских банков., 2010].

В настоящее время основу ресурсной базы российских банков (36%) по-прежнему составляют вклады населения [Минимальный капитал., 2012]. Однако в нынешних условиях депозиты не могут стать универсальной базой для роста. Большинство вкладов размещается на срок один год и менее, что само по себе ставит вопрос о возможности использования этого ресурса для выдачи долгосрочных кредитов. Темп прироста вкладов год от года замедляется.

Частные безотзывные вклады могут стать важным внутренним источником «длинных» денег для банков. В Стратегии-2015 об этом говорится, как об инструменте стабилизации ресурсной базы банков [Заявление Правительства РФ., 2011]. О необходимости принятия соответствующих законодательных мер давно твердит АРБ. Пока законодательство на этот счет целиком на стороне вкладчика, что, по мнению многих специалистов, не только несправедливо, но и опасно. При действующем гражданском законодательстве все вклады населения, даже срочные, по существу являются вкладами до востребования. По европейскому законодательству, если вклад в банке размещен на определенный срок, то снять его нельзя. Если вкладчику срочно понадобятся деньги, банк может выдать ему кредит под обеспечение этого вклада. Внесение изменений в Гражданский кодекс по этому поводу специалисты считают оправданным, особенно в условиях действия системы страхования вкладов. Банки в таком случае получают гарантированный источник длинных денег, который может быть использован на цели кредитования. Введение в российскую практику долгосрочных (безотзывных) депозитов физических лиц могло бы сопровождаться повышением предельной величины выплат по таким видам вкладов со стороны АСВ [Заславская О. Решили., 2010].

Фактором подрыва ресурсной базы банков и торможения развития банковской системы служит отток капитала из страны.

В 2011 г. отток достиг 84,2 млрд. долл., превысив показатель кризисного 2009 г. В первом квартале 2012 г. из России было выведено еще 42 млрд. долл. Рекордный отток связан не только с настроениями иностранных инвесторов и их оценкой политической ситуации в России. В общей сумме оттока велик и объем кредитов, предоставленных нерезидентам (как правило, это кредиты, которые крупнейшие банки выдают компаниям, имеющим российских собственников и зарегистрированным за рубежом). Кроме того, в связи с европейским долговым кризисом инвесторы сохраняют осторожность и «бегство капитала» с развивающихся рынков вполне обычное явление [Чернышова О. Критический..., 2012].

На фоне серьезного оттока капиталов из России привлечение нового финансирования – одна из главных задач, стоящих сейчас перед российской банковской системой. Период избытка денег завершается. На 1 января 2012 г. отношение банковских активов к ВВП в России составило 76,2%, что гораздо ниже, чем в развитых странах.

В кризисный период 2008–2009 гг. государство предоставило банковскому сектору беспрецедентный объем финансовой помощи, как в форме поддержки ликвидности, так и в форме долгосрочного финансирования (с помощью субординированных кредитов и прямого вхождения в капитал ряда банков). Тогда эта помощь помогла избежать финансового коллапса и смягчить сокращение кредитного портфеля. В настоящее время на серьезную государственную поддержку банки вряд ли могут рассчитывать, поскольку следует разделять задачи поддержания стабильности финансовой системы и задачи обеспечения ее роста.

Банк России не раз демонстрировал готовность увеличивать объемы предоставляемых банкам краткосрочных средств. Осенью 2011 г. ЦБ значительно увеличил размер операций по предоставлению ликвидности банковскому сектору, а в мае 2012 г. объявил о расширении инструментов краткосрочного финансирования, возобновив операции под залог акций. Вместе с тем Банк России не может предоставлять системе долгосрочные средства для развития, так как это не входит в его обязанности финансового регулятора.

Уменьшение поступлений в бюджет из-за снижения цен на нефть говорит о том, что все меньше средств может быть направлено на прямую поддержку финансовой системы. Размер финансирования специализированных госпрограмм, идущих через банки (поддержка малого и среднего бизнеса, развитие ипотечного рынка, помощь аграрному сектору), также невелик. Иностранные заимст-

ования пока доступны немногим отечественным банкам [Чернышова О. Вектор..., 2012].

Для поддержания ресурсной базы отечественного банковского сектора создается Фонд капитализации российских банков (ФКРБ). О создании фонда было объявлено еще в 2009 г., но зарегистрирован он был только в июне 2012 г. Сейчас в распоряжении фонда 275 млн. долл.: по 125 млн. внесли Внешэкономбанк (ВЭБ) и Международная финансовая корпорация (IFC), 25 млн. долл. перечислило Министерство финансов России. Ожидается, что до конца 2012 г. эта сумма будет удвоена.

Предполагается, что новый фонд будет инвестировать в капитал банков второго эшелона. Специалисты ожидают, что сумма одной инвестиции составит 20–100 млн. долл. Количество заявок банков может существенно превысить возможности фонда. В 2012–2013 гг. ФКРБ сможет войти в капитал не более десяти российских банков. Максимальная доля нового фонда в капитале банка не должна превышать 20–25%.

Эксперты считают инициативу создания ФКБР своевременной. Проблема недокапитализации стоит остро для многих банков, к тому же с 1 июля 2012 г. вступили в силу поправки ЦБ с новыми коэффициентами риска. Кроме финансирования, наличие иностранного инвестора в капитале банков облегчит привлечение новых инвестиций, улучшит корпоративное управление [Баязитова А., Шестопал О., 2012].

Реализация в России международных подходов к финансовому регулированию

С 1990-х годов Правительством РФ и Банком России ведется работа по реализации Основопологающих принципов эффективного банковского надзора Базельского комитета по банковскому надзору. В настоящее время положения так называемого «Базель I» в России применены в полном масштабе, и с 2004 г. поставлена задача реализовать следующий вариант требований «Базель II»:

- упрощенный стандартизированный подход к оценке кредитного риска в рамках первого компонента Соглашения (подходы к расчету достаточности капитала);
- определенные процедуры надзора за достаточностью капитала со стороны органов банковского надзора;
- выполнение требований по раскрытию банками информации о капитале и рисках в целях усиления рыночной дисциплины.

«Базель II» стал внедряться во второй половине 2009 г., после преодоления основной фазы кризиса. Последние изменения, направленные на реализацию требований «Базель II», вступили в силу с 1 июля 2010 г. Предположительно, «Базель II» должен быть полностью внедрен в России к 2012 г. Однако более точный срок зависит от способности российской банковской системы полностью восстановиться после кризиса.

По оценкам экспертов, основные проблемы и ограничения по внедрению «Базель II» в России связаны в основном с отсутствием комплексной системы управления рисками. Наиболее успешно в России внедряется первый компонент, связанный не с аналитической деятельностью банковского персонала, а со структурой баланса. Уровень достаточности капитала российской банковской системы достаточно высокий и ни один банк не заинтересован уменьшать норматив достаточности капитала.

Что касается «Базель III», то количественные ужесточения нормативных требований, скорее всего, на российских банках не отразятся. Современные требования Банка России, например, к достаточности капитала, базирующиеся на высоких рисках российской экономики, сопоставимы с максимальными требованиями к достаточности капитала, согласно «Базель III». Однако помимо минимальных требований к собственному капиталу «Базель III» предполагает внедрение банками новых требований, связанных с организацией банковского надзора за соблюдением нормативов достаточности капитала и соблюдением рыночной дисциплины. Для достижения этих стандартов российские банки еще не обладают достаточными инструментами и практикой. Что касается контрциклического надзора, то он призван сформировать дополнительные резервы в банковском секторе в период избыточной кредитной экспансии. Считается, что уровень развития национальной банковской системы пока недостаточно высок для внедрения данного компонента Базельского соглашения [Что такое «Базельские...», 2012].

Выступая в Мексике на конференции Института международных финансов, министр финансов России А.Г. Силуанов призвал финансовое руководство «двадцатки» при разработке новых стандартов банковского регулирования учитывать вероятное снижение экономического роста в большинстве регионов мировой экономики. Он напомнил существующее мнение о том, что предложение об усилении применения «Базель III» может привести к сокращению динамики ВВП. Однако, по оценкам Совета по фи-

нансовой стабильности (FSB), введение дополнительных требований к капиталу банков повлечет снижение ВВП не более, чем на 0,34% в год.

В настоящее время в России 90% банков соответствуют требованиям «Базель III», а средний уровень достаточности капитала в нашей банковской системе составляет 15–16%. В 2012 г. Россия планирует начать разработку подходов к осуществлению банками процессов самооздоровления и урегулирования несостоятельности в рамках внедрения рекомендаций Базельского комитета в части национальных системно значимых институтов [Как регулировать финансовый..., 2012]. Активное участие России в базельском процессе является вполне оправданной реакцией на проявления недавнего кризиса. Если Россия в перспективе хочет быть одной из ведущих мировых экономик, обходить базельские рекомендации не в ее интересах. Тем более что в их выработке она принимает полноправное участие.

В связи с вступлением России в ВТО встает вопрос о том, как это событие повлияет на российский банковский сектор. Специалисты считают, что расширение присутствия иностранного капитала в банковском секторе будет способствовать усилению конкуренции на российском рынке банковских услуг и явится положительным фактором его развития.

Законодательное закрепление процедур, связанных с регистрацией представительств иностранных банков на территории России будет способствовать притоку иностранных инвестиций в банковский сектор. Однако в целом, по мнению специалистов, вступление России в ВТО очень мало или совсем не отразится на банковском секторе России. Двумя основными параметрами вступления России в ВТО, которые касаются банковского рынка, станут запрет на открытие филиалов иностранных банков на территории России и введение квоты на участие иностранного капитала в российском банковском секторе в размере 50%. Различие между филиалами и дочерними банками иностранных банков заключается в том, что филиалы не полностью подчиняются российскому законодательству, в отличие от «дочек». То есть российский надзорный орган не может в полной мере контролировать деятельность иностранных филиалов, что может дать им определенные преимущества перед российскими банками. Предложение о запрете на открытие филиалов иностранных банков на территории России направлено на защиту интересов отечественных банков.

В настоящее время на территории России действует довольно большое количество банков с иностранным участием. Доля нерезидентов в совокупном уставном капитале российских банков в 2011 г. достигла 4,7 трлн. руб., а в первом квартале 2012 г. она составила уже порядка 5,2 трлн. руб., или около 29% в совокупном уставном капитале российских банков. Есть еще потенциал роста этой доли до возможных 50%. Даже если квота будет введена, то это вряд ли окажет какое-то значительное влияние на отечественный банковский сектор в среднесрочной перспективе.

Надеяться же на понижение ставки рефинансирования после вступления России в ВТО российским банкам можно будет только в случае снижения показателей инфляции в России до европейского уровня (ставка рефинансирования в Европе составляет 1%, в России – 8%) [Федотова Н., 2012].

Очевидно, что отечественным банкам в перспективе придется выходить на более высокий уровень международной конкуренции. Более того, без соответствующего совершенствования деятельности банковской системы невозможно решение проблем долгосрочного развития экономики России.

Литература

1. Баязитова А., Шестопал О. Российским банкам помогут из Англии // Коммерсантъ. Бизнес. – М., 2012. – № 118/П (4903), 2 июля. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1971739>
2. В ЦБ России считают, что банки должны вести экономический рост страны // РИА Новости. Экономика. – М., 2002. – 5 ноября. – Режим доступа: <http://www.ria.ru/economy/20021105/258552.html>
3. Г. Греф подумает о приватизации акций Сбербанка после формирования кабинета министров // РБК. Экономика. – М., 2012. – 20 мая. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/20/05/2012/651161.shtml>
4. Государство заработает на банке ВТБ более 90 млрд рублей // РБК daily. Банки / Финансы. – М., 2011. – 9 февраля. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/02/14/finance/562949979708046>
5. Заключение Ассоциации российских банков на проект Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года / Ассоциация российских банков. Документы. Прочие. – М., 2010. – Режим доступа: http://www.arb.ru/site/docs/other/ARB-Zakl_Strategia-2015.doc
6. Заславская О. Послали на доработку // Российская Бизнес-газета. – М., 2010. – 21 декабря. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/21/banki.html>

7. Заславская О. Решили не одалживаться // Российская Бизнес-газета. – М., 2010. – 20 апреля. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/04/20/banki-kredity.html>
8. Заявление Правительства РФ и ЦБР от 5 апреля 2011 г. «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» // Гарант. Информационно-правовой портал. Продукты и услуги. Информационно-правовое обеспечение. Прайм. Документы ленты-прайм. – М., 2011. – 14 апреля. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/491345/>
9. Как регулировать финансовый сектор // Финансовая газета. – М., 2012. – 26 февраля. – Режим доступа: http://fingazeta.ru/financial_markets/kak-regulirovat-finansovyy-sektor-174624/
10. Лаврентьев С. Банковская зачистка от ЦБ // РБК daily. Банки / Финансы. – М., 2010. – 5 марта. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2010/03/05/finance/562949978992258>
11. Лаврушин О. Кредит и экономический рост // Банковское дело. – М., 2010. – № 1. – С. 24–27.
12. Локшина Ю., Деменьева К., Ладыгин Д. Рынок с нечастным лицом // Коммерсантъ. Бизнес. – М., 2011. – № 10/П (4551), 24 января. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/1572868>
13. Мазманиян Л. Набросить сеть // Коммерсантъ. Приложение «Банк». – М., 2012. – № 101 (4886), 6 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1951958/print>
14. Миллиард – это перебор // Российская Бизнес-газета. Банки. – М., 2012. – № 853 (24). – С. 6.
15. Минимальный капитал банков может быть повышен до 1 млрд. руб. // РИА Новости. Экономика. – М., 2012. – 14 марта. – Режим доступа: <http://www.ria.ru/economy/20120314/593958091.html>
16. Новости комитета АРБ по денежно-кредитному надзору // Ассоциация российских банков. – М., 2010. – 17 декабря. – Режим доступа: http://www.arb.ru/site/action/list_archive.php?id=4131
17. Попков В.В. О поддержке равноправной конкуренции на рынке банковских услуг // Деньги и Кредит. – М., 2001. – № 5. – С. 46–47.
18. С приватизацией Сбербанка решено не спешить // РБК. Экономика. – М., 2012. – 7 июня. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/07/06/2012/654145.shtml>
19. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
20. Сухов М. Рост капитализации банков – объективный процесс // Банковское дело. – М., 2010. – № 7. – С. 26.
21. Съезд АРБ: курс на модернизацию банковской системы // Банковское дело. – М., 2010. – № 5. – С. 88–93.

22. Федотова Н. ВТО пройдет мимо банковского сектора // Firstnews. Финансы. – 2012. – 23 апреля. – Режим доступа: <http://www.firstnews.ru/news/finance/vto-proydet-mimo-bankovskogo-sektora/>
23. Федеральная служба государственной статистики. Российская Федерация. Предпринимательство. Инвестиции. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/investment/nonfinancial>
24. Центральный банк РФ. Статистика. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/>
25. Чернышова О. Убойный список // Коммерсантъ. Приложение «Банк». – М., 2010. – 15 декабря. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=8f692eb2-1402-49fc-b064-ccdb68ebafa0&docsid=1557113>
26. Чернышова О. Вектор отсутствия // Коммерсантъ. Приложение «Банк». – М., 2012. – 6 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1951951>
27. Чернышова О. Критический норматив // Коммерсантъ. Приложение «Банк» – М., 2012. – 6 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1951952>
28. Чернышова О. Триада развития // Коммерсантъ. Приложение «Финансовые инструменты». – М., 2012. – 31 мая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1952972?isSearch=True>
29. Что такое «Базельские соглашения» // Финансовая газета. – М., 2012. – 8 февраля. – Режим доступа: <http://fingazeta.ru/user/120/49630/>
30. Эксперты обсудили будущее банковской системы // Российская газета. – М., 2012. – 20 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/20/banki-site.html>

Экономические и социальные проблемы России

Сборник научных трудов

2012 № 2

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Редактор-составитель выпуска –
канд. геогр. наук **Положихина Мария Анатольевна**

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 8/XI – 2012 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 500 экз. Заказ № 191

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий**

Тел/Факс (499) 120-45-14

Е-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9